

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Государственный музей искусства народов Востока

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Государственный музей искусства народов Востока

Т.А. Габуев

**АЛАНСКИЕ КНЯЖЕСКИЕ КУРГАНЫ V в. н.э.
У СЕЛА БРУТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ**

Владикавказ
2014

ББК 63.4

Г 12

Утверждено к печати Ученым советом
ФГУК «Государственный музей искусства народов Востока» (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного гуманитарного фонда (РНФ) согласно проекту № 04-01-00491а

Оригинал-макет выполнен при финансовой поддержке Л.Д. Кациевой
(группа компаний «Мегаполис»)

Книга издана в рамках реализации Программы стратегического развития
Северо-Осетинского государственного университета 2012-2016 гг

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Я. Берзина
доктор исторических наук В.Р. Эрлих

Ответственный редактор И.О. Гавритухин

Т.А. Габуев. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у с. Брут в Северной Осетии.
— Владикавказ, ???????, 2014. — 184 с.: илл.

Г 12

Монография посвящена публикации материалов аланского курганного могильника Брут 1 в РСО-Алания. Курганы принадлежали воинской аристократии и содержали вещи из золота и серебра, инкрустированные гранатами. Эти вещи относятся к полихромному стилю ювелирного искусства эпохи Великого переселения народов и можно предположить их производство в Сасанидском Иране. Они могли быть дипломатическими дарами, поступившими к аланам от Сасанидов. Анализ вещей позволил реконструировать подвеску меча и двух кинжалов, а также двух оголовий конской упряжи. Сопоставление погребений могильников Брут 1 и Брут 2, позволило разделить их на социальные группы, указывающие на структуру аланского общества в данную эпоху.

Редактор

В.И.Мартынюк

Корректор

В.И.Мартынюк

Технический редактор

С.Д.Фролов

Подписано в печать 10.05.2013

Формат 60x90/8. Гарнитура «Warnock Pro»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тир.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ????????????

????????????????????????????????????

ISBN 978-????????????

© Габуев Т.А.

© ФГУК «Государственный музей искусства народов Востока»

© Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания

Содержание

Введение	6
Глава 1. Описание погребений и погребального инвентаря	8
Глава 2. Погребальный обряд	32
Глава 3. Реконструкция воинского снаряжения и экипировки коня. Характеристика инвентаря. Аналогии и датировки	43
Глава 4. Кому принадлежали курганы у села Брут?	75
Заключение	95
Библиография	97
Список сокращений	105
Приложение 1. <i>Хохлова О.С., Хохлов А.А.</i> Палеопочвы курганного могильника Брут 1	106
Приложение 2. <i>Гольева А.А.</i> Палеоботанические исследования курганного могильника Брут 1	113
Иллюстрации	117

Введение

Аланская проблема является одной из сложнейших в истории южнорусских степей первого тысячелетия н.э. Вопросы происхождения алан, генезиса аланской культуры еще ждут своего решения. И если период раннесредневековой истории алан освещен достаточно полно (я имею в виду не отсутствие научных проблем, а большое количество раскопанных памятников), то изучение их ранней истории находится едва ли не в зачаточном состоянии. В данном случае речь идет не о недостатке гипотез и публикаций, посвященных их истории, а малом количестве раскопанных и опубликованных раннеаланских памятников. Столь же скудно представлены и аланские памятники конца IV – V в. н.э. – начала эпохи Великого переселения народов. Более того, недостаток информации связан даже не столько с небольшим количеством раскопанных погребений этого времени, сколько с их ограбленностью. Единичные неграбленные аланские комплексы гуннского времени происходят из ряда грунтовых катакомб в основном из района Кавказских Минеральных Вод и Кабардино-Балкарии, тогда как подкурганные аланские погребения этого периода ограблены практически все. В целом количество выявленных аланских погребений гуннского времени доподлинно не известно, так как некоторые памятники еще не опубликованы, и мы не знаем каков их процент от общего числа подкурганных катакомб.

Появление каждого нового памятника, с одной стороны, ставит новые вопросы, с другой – позволяет находить на них ответы (хотя далеко не на все). Мы не будем останавливаться на вопросе принадлежности катакомб аланам. Его можно считать решенным, и алан связывают с катакомбами большинство исследователей. Хочется только отметить, что принадлежность катакомб аланам была установлена в значительной степени ретроспективным путем. Т.е. основным погребальным сооружением Центрального Предкавказья в период Средневековья, включая и Раннее Средневековье, были катакомбы. На этой же территории, согласно историческим свидетельствам, проживали аланы и существовала собственно Алания. Впервые еще в 1909 г. катакомбы с аланами связал А.А. Спицын, причем как катакомбы Салтовского могильника на Дону, так и северокавказские [Спицын, 1909, с. 69-72]. Несколько позже к аналогичным выводам пришел и Ю.В. Готье [Готье, 1927, 80-81]. В дальнейшем это мнение стало господствующим среди исследователей, причем как аланские интерпретировались и все грунтовые катакомбы сарматского времени. Последняя точка зрения вызвала справедливое возражение М.П. Абрамовой (см., например, [Абрамова, 1988; 1993]). Хотя с некоторыми положениями этого замечательного исследователя я не был согласен [Габуев, 1997], в одном мы были едины – подкурганные катакомбы Центрального Предкавказья следует связывать с аланами вне зависимости от того, как и на какой этнической основе происходило сложение катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе.

К кругу аланских памятников эпохи Великого переселения народов следует отнести и подкурганные катакомбы у села Брут в Правобережном районе Республики Северная Осетия-Алания (рис. 67), раскопанные экспедицией Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ), характеристике которых и посвящена данная работа. Этот памятник получил наименование Брут 1. Не последнюю роль в обращении нашей экспедиции именно к этим курганам сыграли рекомендации М.П. Абрамовой, реально представлявшей их научную ценность и значение для алановедения благодаря ее раскопкам, проведенным на этом памятнике.

Впервые аланские материалы из окрестностей села Брут были обнаружены в 1956 г. во время строительных работ в разрушенном кургане, который был исследован С.С. Куссаевой. Курган содержал разграбленную катакомбу, которую исследователь датировала II-IV вв. [Куссаева, 1957, с.72-74]. Однако позже этот комплекс был передатирован М.П.Абрамовой на V в. [Абрамова, 1975, с.227; 1997, с.22-23].

В 1969 г. экспедицией М.П. Абрамовой здесь же было раскопано еще две подкурганые и пять грунтовых катакомб. Все материалы из этих погребений датировались V в. и относились автором раскопок к кругу аланских памятников [Абрамова, 1975].

В 1988 г. Е.Е.Антипина и А.О.Наглер провели рекогносцировочные раскопки на Брутском городище, расположенном к северу от с. Брут, между ним и с. Заманкул. Небольшие по площади исследования культурного слоя выявили наличие на памятнике слоев скифского и сарматского (два слоя: последних веков до н.э. и первых веков н.э.) времени.

В 2002-2003 гг. совместной экспедицией ИА РАН и ГМИНВ (руководители М.Ю. Малашев и Т.А. Габуев) были исследованы участки курганного могильника Брутского городища, непосредственно примыкавшие к его культурному слою с северо-северо-востока. Эта часть могильника, в отличие от курганного кладбища V в. (Брут 1), получила название Брут 2 со своей собственной нумерацией курганов [Габуев, Малашев, 2007; 2009]. Всего здесь было раскопано 19 курганов, 27 погребений без насыпей и две ямы без погребений. Тогда же было исследовано одно грунтовое разрушенное аланское погребение V в. н.э., расположенное к северу от с. Брут.

В 1989, 1990 и 2004 гг. Северо-Осетинский отряд Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ под руководством автора проводил раскопки у села Брут на территории расположения курганов, исследованных С.С. Куссаевой и раскопанных М.П. Абрамовой. В период трех полевых сезонов было раскопано 14 курганов¹. Один из них (кург. № 1), относился к скифской эпохе и датировался V в. до н.э. Материалы этого кургана уже опубликованы [Габуев, Эрлих, 2001, с. 112-125] и в предлагаемой работе рассматриваться не будут. Читателю будет предоставлена возможность ознакомиться с материалами остальных 13 курганов, раскопанных в указанные годы и принадлежавших аланам. Этот памятник, как отмечалось, получил наименование Брут 1, и он расположен к юго-юго-востоку от Брутского городища приблизительно в 3,5 км от раскопанного участка могильника Брут 2. Все 13 курганов относились к эпохе Великого переселения народов и, несмотря на ограбленность, содержали два великолепных комплекса (курганы № 2 и 7) с драгоценным оружием и конским снаряжением, положенными не в камеру непосредственно вместе с погребенным, а в тайники, благодаря чему они и дошли до нас.

Выражаю благодарность за участие в работе экспедиции, ценные советы и помощь в работе над книгой – Т.Г.Алпаткиной, И.Р.Ахмедову, С.Я.Берзиной, И.О.Гавритухину, М.В.Горелику, Ю.К.Гугуеву, Н.Г.Зайцевой, М.М.Казанскому, Е.А.Куркиной, В.Ю.Малашеву, А.В. Мاستыковой, А.М.Обломскому, П.Перену, Е.С.Сухоруковой (Масленицыной), В.В.Черненко, Д.Смиту, О.Федорову, В.Л.Филатову, О.И.Фризен (Куринских), В.Р.Эрлиху.

Полевые чертежи в поле выполнены Е.А.Куркиной (1989 г., 1990 г.), Ю.К.Гугуевым и В.Ю.Малашевым (2004 г.); рисунки вещей, реконструкции конской узды, подвески оружия и обуви из кургана № 2 – Н.С.Сурвилло; реконструкция конской узды из кургана № 7 – Е.И.Телишев; цветная реконструкция конской узды из кургана № 2 на обложке – И.В.Лотиев; реставрация металла – Н.Г.Зайцева и В.Л.Филатов; реставрация керамики – О.А.Мягкова; фото вещей – Э.Т.Басиля; цветное фото в поле (1990 г.) – Е.И.Желтов.

¹ В 1989 г. были раскопаны курганы № 1-4, в 1990 г. – курганы № 5-8, в 2004 г. – курганы № 9-14.

Глава 1

Описание погребений и погребального инвентаря

Курганы, о которых пойдет речь, были расположены на северной и северо-восточной окраине с. Брут. Раскопки 1989-1990 гг. производились в той его части, которая находится к северу от федеральной трассы Владикавказ – Ростов, делящей с.Брут пополам. Курганы № 1, 2 и 7 находились на восточной окраине северной части села Брут, а курганы № 3, 4, 5, 6 и 8 располагались к северу от этой его части (рис. 1).

В 2004 г. три кургана (№ 12, 13, 14) были раскопаны на том же участке, что и курганы № 1-3, а курганы № 9-11 к юго-востоку-востоку от них, непосредственно за трассой Владикавказ – Ростов (рис. 1).

Насыпи курганов представляли собой задернованные всхолмления полусферической формы. Курганы содержали по одному основному катакомбному погребению. Насыпи курганов копались скрепером, методом параллельных траншей с оставлением центральной бровки. Стратиграфия курганов однотипна. Если дать описание курганов сверху вниз, то расположение слоев будет выглядеть следующим образом:

- дерновый и гумусный слой;
- насыпь кургана, состоявшая из серо-желтого суглинка;
- погребенная почва (древний горизонт) черного цвета;
- материковый суглинок желто-коричневого цвета.

На погребенной почве в бровках прослеживался выкид материковой глины из погребений, а также перекоп грабительской ямы, прорезающей насыпь кургана. Поскольку все курганы устроены одинаково и разнятся только размерами насыпи, я не счел нужным приводить чертежи бровок. Хотелось бы только привести основные размеры курганных насыпей:

№ кур.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Выс. (м)	2	1	0,7	0,7	2	1	0,5	0,9	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5
Дм. (м)	30	22	24	24	40	27	20	26	19	20	27	26	22

Все погребения были обнаружены после снятия бровок и грунта до материковой глины по пятнам могильных ям, которые были черного и темно-коричневого цвета на фоне желто-коричневого материкового грунта. Выше этого уровня могильные ямы прослеживались плохо. Как выяснилось, черное заполнение соответствовало грабительской яме, проходившей через ту часть входной ямы, которая примыкала к поперечной стенке, в которой и вырывался дромос – вход в камеру катакомбы.

Все вышесказанное относится к общей характеристике курганов (за исключением кургана 4, о котором будет сказано отдельно). Описание же самих погребальных сооружений будет дано подробно, так как исследуемые катакомбы, хотя и имеют много общего в конструкциях, разнятся в деталях.

Курган № 2 находился у северо-западного угла современного кладбища (рис. 1).

В центре кургана на глубине -360 от репера (R-0), который устанавливался на вершине кургана, было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии С-Ю

(рис. 2). Длина входной ямы по верхнему краю – 5,4 м. Западная стенка входной ямы частично разрушена грабительской ямой, т.е. разрушенной оказалась северная половина западной стены. Ширина сохранившейся (южной) части входной ямы – 1,6 м, ширина разрушенной (северной) части – 2 м.

Во входной яме были выявлены ступеньки, вырезанные в грунте во всю ширину входной ямы и образующие лестницу. Верхняя ступень была зафиксирована у южного края входной ямы, нижняя – в 2,8 м к северу от южной стены входной ямы. Всего здесь было зафиксировано 23 ступеньки. Ступени как в этом кургане, так и в остальных сделаны очень тщательно и аккуратно и имели хорошую сохранность. Они достаточно круты, так что взобраться по ним без посторонней помощи затруднительно. Высота их колеблется от 0,12 до 0,3 м, ширина – от 0,06 до 0,18 м. Дно входной ямы было зафиксировано на глубине -829 от нулевой точки, т.е. сохранившаяся высота входной ямы составляет 4,7 м. Дно входной ямы горизонтальное. Оно было затоплено грунтовой водой, уровень которой был на 35 см выше дна входной ямы и расположен на глубине -794 от репера кургана. Край дна входной ямы с северной стороны был размыт водой, и установить длину дна возможно только по боковым стенкам входной ямы. Длина дна входной ямы около 2,6 м. Камера катакомбы примыкала к входной яме с севера. Входное отверстие было расширено грабителями во всю ширину входной ямы и на высоту 1,35 м. В связи с тем, что камера также была затоплена грунтовой водой и стенки ее размыты, ее размеры установить не удалось. Сохранился только конек свода. Свод усеченно-стрельчатый. Длина конька свода – 1,6 м. Вершина свода находилась на глубине -670 от нулевой точки (т.е. на 1,6 м выше дна входной ямы). Судя по остаткам свода, камера была подпрямоугольной формы и длинной осью ориентирована с востока на запад, т.е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Каких-либо предметов и останков погребенного в камере обнаружено не было. Дно камеры зафиксировать не удалось, так как оно было размыто грунтовыми водами.

Во входной яме в центре, на глубине -526 был обнаружен костяк лошади, лежавшей на правом боку с подогнутыми ногами. Костяк ориентирован по линии СВ - ЮЗ, головой на юго-запад. Голова лошади развернута назад (рис. 2). В заполнении входной ямы был обнаружен фрагмент зеркала (№ 23², рис. 14, 2). В камере была обнаружена каменная плита подпрямоугольной формы, закрывавшая вход в нее, ее размеры – 0,75×0,4×0,07-0,13 м (рис. 2).

В 2 м к западу от репера кургана на глубине -244 было обнаружено скопление вещей (рис. 3; 53). Скопление было зафиксировано в погребенной почве в 10-15 см от ее верхнего уровня и перекрыто сверху выкидом из катакомбы материковой глины желтого цвета. Центральное место в скоплении занимает меч в золотых ножнах (№ 1, рис. 3, 1; 4, 1), лежавший по линии С-Ю с незначительным отклонением. Рукоять меча располагалась с южной стороны. Рядом с рукоятью меча, к востоку от него зафиксированы кинжал и нож в одних ножнах, составляющие единый предмет (№ 4, рис. 3, 2; 5, 1,2), лежавший параллельно мечу – рукоятью к югу. На рукояти меча обнаружена пряжка с наконечником ремня (№ 5, рис. 3, 3; 14, 10). Рядом с перекрестьем меча (между мечом и кинжалом) – золотая заклепка (№ 7, рис. 3, 4; 14, 6а). Аналогичные заклепки зафиксированы в 5 см к западу от перекрестья меча (№ 7, рис. 3, 5; 14, 6б) и около рукояти кинжала (№ 7, рис. 3, 6; 14, 6в). На ножнах кинжала – железный предмет и камень, видимо, составляющие огниво (№ 8, рис. 3, 7; 14, 1).

Между ножнами кинжала и меча – пряжка со щитком (№ 9, рис. 3, 8; 8, 2а) и рукоять нагайки (№ 11, рис. 3, 9; 7, 1), на которой лежал распределитель ремней (№ 19, рис. 3, 10;

² В данном случае указанные номера (№ 1, 2 и т.д.) соответствуют номерам, использованным при описании предметов в тексте.

8, 1г). Между нагайкой и ножнами меча обнаружены два наконечника ремней (№ 13, рис. 3, 11, 12; 7, 3а, б). Здесь же, но немного заходя под ножны меча, зафиксированы пряжка со щитком (№ 13, рис. 3, 13; 7, 2) и «бусина-ограничитель» от меча (№ 2, рис. 3, 14; 4, 2). На кинжале обнаружена пряжка с наконечником ремня (№ 6, рис. 3, 15; 14, 9). К востоку от кинжала были найдены: три распределителя ремней (№ 19, рис. 3, 16, 17, 18; 8, 1а-в), пряжка со щитком (№ 9, рис. 3, 19; 8, 2б), наконечник ремня (№ 10, рис. 3, 20; 8, 3б) и пряжка с наконечником ремня (№ 6, рис. 3, 21; 14, 8). К западу от меча была найдена конская уздечка. Железные удила с псалиями (№ 14, рис. 3, 22; 10) находились на уровне середины ножен меча. К удилам крепились по две накладки конской узды на каждое их звено (№ 14, рис. 3, 23, 24, 25, 26; 10). Рядом с одной из накладок узды (правой, если смотреть на морду лошади) зафиксирована накладка для крепления повода – «чумбур» (№ 15, рис. 3, 27; 12, 5). По всей видимости, другой конец повода крепился к аналогичной накладке узды из другой пары. От другой, верхней, пары накладок отходят ремни, которые составляли оголовье уздечки. Сами ремни не сохранились, но они были украшены золотыми бляшками в виде сердечек (№ 16, рис. 3, 28; 12, б), которые указывали на направление этих ремней, что позволяет реконструировать уздечку (рис. 13). Ремни, отходящие от удил, соединялись с двумя бляшками, имеющими по три подвески (№ 16, рис. 3, 29, 30; 12, 2, 4). Эти бляхи располагались по одной с каждой стороны морды лошади и были соединены наносным ремнем. Ремень был украшен сердцевидными бляшками, некоторые из которых оказались сдвинуты. От блях отходило по одному нащечному ремню, украшенному сердцевидными бляшками, каждый из ремней заканчивался аналогичными бляшками, но с двумя подвесками (№ 16, рис. 3, 31, 32; 12, 1, 3). Две последние бляхи также были соединены ремнем, украшенным сердцевидными бляшками и являвшимся, видимо, налобным. Подбородочный и затылочный ремни не сохранились, так как они не были украшены бляшками. Однако сохранились три пары пряжек (№ 17, рис. 3, 33, 34, 35; 11, 1а-в) с наконечниками ремней (№ 18, рис. 3, 36, 37, 38; 11, 2а-в), которые, видимо, застегивали подбородочный и затылочный ремни. Кроме того, здесь же были найдены еще один аналогичный трем предыдущим наконечник ремня (№ 18, рис. 3, 39; 11, 2г) и две обоймицы (№ 20, рис. 3, 40; 14, 3).

Помимо сбруи рядом с мечом с западной стороны были зафиксированы небольшая пряжка со щитком (№ 3, рис. 3, 41; 14, 7), наконечник ремня (№ 10, рис. 3, 42; 8, 3б) и подвеска в виде «лунницы» (№ 21, рис. 3, 43; 12, 7). Рядом с «лунницей» найдена накладка с цветной вставкой (№ 22, рис. 3, 44; 14, 5а). Здесь же, но под мечом была обнаружена еще одна золотая накладка (№ 22, рис. 14, 5б), аналогичная изображенной на рис. 3, 44.

Кроме того, в стороне от скопления было найдено несколько предметов, сдвинутых скрепером: пряжка со щитком, аналогичная тем, которые были найдены рядом с конской сбруей (№ 17, рис. 11, 1г); еще одна подвеска в виде «лунницы» (№ 21, рис. 12, 8); две сердцевидные бляшки (№ 16, рис. 12, б); крупная пряжка со щитком (№ 12, рис. 7, 4); два фрагмента золотой фольги ножен меча и фрагмент клинка меча и окончание ножен меча с цветными вставками (рис. 4); обойма с двумя цветными вставками (№ 24, рис. 14, 4).

Установить время совершения этого жертвоприношения затруднительно. Вещи из данного скопления находились на погребенной почве или в верхнем ее слое и были перекрыты выкидом из погребения. С одной стороны, это могло бы свидетельствовать о том, что они были положены до начала сооружения погребения. С другой стороны, они могли быть положены после сооружения катакомбы в ямку, вырытую в выкиде и в верхнем слое погребенной почвы, и засыпаны тем же выкидом. Поскольку сама ямка, в которую были уложены вещи, прослежена не была, ответить на этот вопрос исходя из данных страти-

графии невозможно. Однако второе предположение более вероятно, так как в противном случае устроителям захоронения пришлось бы разбить обряд погребения на два этапа – захоронение части вещей и похороны покойника, сопровождавшиеся жертвоприношением коня. Кроме того, положить вещи и начать копать катакомбу при ее размерах вряд ли было делом нескольких часов, т.е. им пришлось бы поневоле утаптывать место, где лежат драгоценные вещи, достаточно долгое время.

1. Меч в золотых ножнах (рис. 54). Клинок меча железный обоюдоострый, очень плохой сохранности с рукоятью-штырем. Клинок, линзовидный в сечении, плавно сужается к острию. Переход от клинка к рукояти-штырю под тупым углом. Дл. клинка – 80 см, дл. рукояти – 10,7 см, шир. клинка у рукояти – 4,5 см, шир. клинка у острия – 3 см, шир. рукояти – 1,5 см (рис. 4, 1).

Обкладка рукояти сделана из двух тонких золотых пластин, свернутых в овальную в сечении трубку, сужающуюся к концу (рис. 4). Навершие рукояти овальной в сечении формы украшено на лицевой стороне десятью ромбовидными гранатовыми вставками, расположенными в два ряда и окаймленными зернью. По краю лицевая сторона навершия украшена двумя рядами зерни. В центре рукояти имеется овальное гнездо со вставкой из граната, окаймленное зернью. Перекрестье прямоугольной формы, украшено с лицевой стороны двумя рядами расположенных горизонтально гранатовых (32 шт.) и стеклянных вставок (3 шт.), а также вставками берилла (2 шт.) и изумруда (1 шт.). Вставки по внешнему контуру окаймлены зернью. Край пластины, составляющей перекрестье, образует паз, в который входил верхний край ножен. На тыльной стороне перекрестья имеются два серебряных штифта. По лицевой стороне рукояти проходит вертикально ребро жесткости. Дл. рукояти – 34,9 см, шир. – 2,3-3,5 см; дл. перекрестья – 5,3 см, шир. – 3 см; выс. навершия – 1,9 см; шир. – 1,5 см; дл. паза – 5 см, шир. – 0,9 см.

Обкладка ножен меча из тонких золотых пластин, сами ножны деревянные. Ножны вытянутой прямоугольной формы слегка сужаются от устья к окончанию, овальные в сечении (рис. 4). На лицевой стороне ножны украшены: двумя горизонтальными накладками в центральной части, вертикальной пластиной в верхней части и окончанием. Все эти детали прямоугольной формы, декорированы гранатовыми вставками и окаймлены зернью. Вертикальная пластина украшена вставками треугольной (22 шт.) и прямоугольной (74 шт.) формы, расположенными в три ряда. Под пластиной, в верхней части имеется прорезь для портупейного ремня. Длина прорези 1,7 см. Верхняя из горизонтальных скоб, в центральной части ножен, имеет прямоугольные вставки (19 шт.), расположенные в два горизонтальных ряда. Нижняя из горизонтальных скоб, имеет ромбовидные вставки (6 шт.), окаймленные зернью. Окончание ножен имеет ромбовидные вставки в два ряда (9 шт.), окаймленные зернью. Нижняя скоба и окончание ножен с лицевой стороны окаймлены двумя рядами зерни. В верхней части ножен (от устья до вертикальной пластины) и в нижней их половине в центре имеется вертикальное ребро жесткости. Между нижним краем вертикальной пластины и верхней горизонтальной скобой имеется шесть рельефных каннелюр. Дл. ножен – 79,7 см, шир. – 3,7-4,6 см; дл. пластины – 14,6 см, шир. – 3 см, дл. прорези – 1,8 см; дл. скоб – 4,5 см, шир. нижней – 1,5 см, шир. верхней – 1,3 см; дл. окончания – 4,7 см, шир. – 3,2 см (рис. 3, 1; 4).

2. «Бусина-ограничитель» от меча выточена из белого непрозрачного камня, видимо мрамора, в виде низкого цилиндра со сквозным отверстием в центре. В это отверстие продета серебряная проволока, один конец которой свернут в петлю, другой соединен с круглым золотым щитком, составляющим лицевую сторону подвески. Щиток украшен

гранатовыми вставками (25 шт.), расположенными в виде двух концентрических окружностей вокруг центральной округлой вставки. Край щитка украшен зернью. Дм. бусины – 3,5 см, выс. – 1,2 см, дм. щитка – 2,6 см (рис. 3, 14; 4, 2; 58, 2).

3. Пряжка золотая со щитком круглорамчатая, с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен круглой гранатовой вставкой. Вставка окаймлена мелкой зернью. Дм. рамки – 1,2 см, дм. щитка – 1,1 см (рис. 3, 41; 14, 7; 58, 1).

4. Кинжал и нож в одних ножнах (рис. 3, 2; 5, 1, 2; 55, 2). Лицевая сторона ножен из золота, обратная – из серебра. Поскольку серебро очень плохой сохранности, кинжал брался монолитом.

Лицевая обкладка ножен из тонких золотых пластин (3 шт.) прямоугольной формы с продольным ребром жесткости в центральной части. Сверху и снизу имеются две золотые накладки П-образной формы. Они прикреплены серебряными штифтами так, что концы их развернуты друг к другу. Накладки инкрустированы гранатами. Нижняя – треугольной формы (11 шт.), верхняя – треугольной (12 шт.) и каплевидной (1 шт.) формы. Вставки окаймлены зернью. Свободное пространство заполнено треугольниками из зерни. Накладки окантованы по краю филигранью. Дл. – 20,5 см, шир. – 6 см (рис. 5, 1).

Лицевая обкладка рукояти из золотой пластины прямоугольной формы со скругленным расширяющимся верхом, на котором имеется золотая накладка, украшенная пятью каплевидными гранатовыми вставками, окаймленными зернью. Свободное пространство заполняют треугольники из зерни. По краю накладка окантована филигранью. Накладка крепится с помощью трех серебряных штифтов. В центре рукояти – вставка граната прямоугольной формы, окаймленная зернью. Она крепится с помощью серебряного штифта. Дл. – 11,8 см, шир. – 3,5 см (рис. 5, 1).

Тыльная сторона ножен кинжала была покрыта тонким серебряным листом, на котором четко отпечатался рельеф ножа. Извлечь клинки ножа и кинжала из ножен оказалось невозможно, так как клинки, деревянные ножны и серебряная обкладка скипелись в единый монолит. Разъединение этих предметов из-за плохого состояния серебряной обкладки ножен могло бы привести к частичному или даже полному ее разрушению. Весь монолит представляет собой предмет неправильной прямоугольной формы, несколько сужающийся в центральной части. У края тыльной стороны ножен имелись две небольшие серебряные петельки для крепления кинжала к поясу. Дл. монолита – 24 см, шир. по краям – 5 см, минимальная шир. – 3,5 см, максимальная толщина – 2,2 см. Судя по отпечатку на серебряной обкладке, нож был однолезвийный со слегка изогнутым клинком и завершением рукояти в виде сплющенного золотого прямоугольника, возвышающегося над монолитом на 2,7 см. Дл. ножа – 22,8 см, макс. шир. – 2,6 см, дл. золотой части – 3,9 см, шир. – 2,6 см (рис. 5, 2).

5. Пряжка золотая с треугольным щитком с наконечником ремня. Пряжка круглорамчатая штампованная. Рамка расширяется в передней части. Нижняя половина рамки отсутствует. Язычок хоботковидный. Щиток украшен треугольной гранатовой вставкой, окаймленной мелкой зернью. Наконечник ремня полый, прямоугольной формы, со скругленным нижним концом и штифтом на противоположном полой стороне конце. Дм. пряжки – 1,4 см, дл. наконечника – 3,1 см (рис. 3, 3; 14, 10; 56, 1).

6. Пряжки (2 шт.) с наконечниками ремня (2 шт.) из золота. Пряжка круглорамчатая, полая, с утолщением в передней части рамки, хоботковидным язычком и небольшой прямоугольной обоймицей со штифтом в центральной части. Нижняя половина рамки отсутствует. Наконечник ремня открытый, прямоугольной формы, со скругленным нижним

концом и штифтом на противоположном открытом конце. Дм. рамки – 1,4 см, дл. обоймицы – 0,9 см, дл. наконечника – 2,9 см (рис. 3, 15, 21; 14, 8, 9; 56, 1).

7. Заклепки золотые (3 шт.) дисковидные с напаянным на обратную сторону штифтом. Дм. – 1 см, дл. штифта – 0,5 см (рис. 3, 4, 5, 6; 14, 6; 58, 4).

8. Огниво состоит из железного предмета и кремня. Форму железного предмета восстановить не удалось, он рассыпался в момент извлечения из грунта. Кремень вытянутой формы с заостренными концами и подтреугольный в сечении, со следами железных окислов на поверхности. Дл. – 8,5 см, ширина – 1,9 см, толщина – 1,3 см (рис. 3, 7; 14, 1).

9. Пряжки (2 шт.) золотые со щитком, круглорамчатые, с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен круглой гранатовой вставкой. Вставка и края щитка окаймлены мелкой зернью. Дм. пряжки – 2,1 см, дм. щитка – 1,6 см (рис. 3, 8, 19; 8, 2а,б; 56, 2).

10. Наконечники ремня (2 шт.) из золота прямоугольной формы с одним округлым концом. Лицевая сторона украшена двумя рядами гранатовых вставок, окаймленных мелкой зернью. Дл. – 6,1 см, шир. – 1 см (рис. 3, 20, 42; 8, 3а,б; 56, 2).

11. Рукоять нагайки представляет собой трубку в виде длинного усеченного конуса (или цилиндра) из тонкой серебряной пластины. С одной стороны трубка была закрыта золотой вставкой, на другой был надет золотой наконечник. Наконечник цилиндрической формы был украшен тремя рядами ромбовидных гранатовых вставок, расположенных по три вставки в ряд. Вставки окаймлены мелкой зернью. Пространство между вставками заполнено треугольниками из зерни. С краев по окружности наконечника имеются филигранные пояски в виде косичек. К наконечнику тремя штифтами прикреплена прямоугольная серебряная пластинка, служившая для крепления кожаного ремня. Дл. нагайки – 30,5 см, дм. трубки – 1,7 см, дл. наконечника – 3 см, дм. наконечника – 1,7 см (рис. 3, 9; 7, 1; 55, 1).

12. Пряжка с щитком круглорамчатая, с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен семью вставками. В центре – вставка зеленого стекла, круглая, вокруг нее шесть гранатовых вставок каплевидной формы. Вставка и щиток по краю окаймлены мелкой зернью. На остальном пространстве имеется шесть треугольничков зерни. Нижняя пластина крепится к щитку двумя серебряными щитками. Дм. рамки – 3,8 см, дм. щитка – 3,3 см (рис. 7, 4; 58, 3).

13. Пряжка и два наконечника ремней (рис. 58, 6). Пряжка со щитком круглорамчатая, с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен девятью гранатовыми вставками прямоугольной (5 шт.) и треугольной формы (4 шт.). По краю щиток окаймлен зернью. Расположенная на тыльной стороне пластина крепится к щитку тремя штифтами с круглыми шляпками. Пряжка отлита из серебра и покрыта золотой фольгой. Дл. – 5,9 см; дм. рамки – 2,6 см; дм. щитка – 2,3 см (рис. 3, 13; 7, 2).

Два наконечника ремня прямоугольной формы со скругленным нижним концом. На противоположном открытом конце – серебряный штифт. Наконечники – полые внутри. Лицевая и боковые стороны украшены вставками граната прямоугольной формы. Вставки на лицевой стороне окаймлены зернью. Один из наконечников имел на лицевой стороне 9 вставок, на боковых – 28, дл. – 7 см, шир. – 1,3 см, толщ. – 0,9 см (рис. 3, 11; 7, 3б). Второй наконечник имел на лицевой стороне 10 вставок, на боковых – 28, дл. – 7,1 см, шир. – 1,4 см, толщ. – 1 см (рис. 3, 12; 7, 3а).

Предметы № 14-18, 21 относятся к конской уздечке (рис. 57).

14. Удила и псалии с накладками (рис. 10). Удила кольчатые, очень плохой сохранности, с боковыми петлями, в которые вставлены псалии. Одно звено (крупный фрагмент) имело кольцо, больше напоминающее прямоугольник, но было ли оно таковым изначально или это результат коррозии, неизвестно. Сохранившаяся дл. звена – 7,8 см, толщина – 1 см. Другое звено имело овальное кольцо. Сохранившаяся длина – 4 см, толщина – 0,9 см, дм – 2,9 см. Псалии стержневидные выкованы из круглого в сечении прута, диаметр сечения увеличивается к концам, т.е. это псалии с расширяющимися концами. В центральной части имеются неподвижно напаянные петли трапецевидной формы, соединяющие каждый псалий с двумя накладками – распределителями ремней. На концы псалиев надеты серебряные обоймы в виде цилиндров. От концов к центру псалии обмотаны профилированной серебряной проволокой, концы которой закреплены на трапецевидных петлях, в месте их стыка со стержнями псалиев. Дл. псалиев – 12 см, дм. – 0,8-1,1 см. Дл. петель – 3,5-4 см, шир. – 4,3-4,5 см, толщина – 0,9-1,2 см. К внешним сторонам этих трапецевидных петель попарно крепятся накладки – распределители ремней двух орнаментальных типов. Верхние накладки состоят из бронзовой, согнутой в центральной части пластины, охватывающей петлю и скрепленной на концах серебряным штифтом. Лицевая сторона обтянута золотым листом, поверхность имеет прямоугольную рамку, разделенную зигзагообразной перегородкой внутри. Образованные ячейки заполнены треугольными гранатовыми вставками. По краю рамка окаймлена зернью. Нижние распределители также состоят из бронзовых пластин, охватывающих петлю и скрепленных серебряными гвоздиками. Лицевая сторона обтянута золотым листом, окаймлена сканью и украшена пятью гранатовыми вставками в форме кабошонов, помещенными в отдельно напаянные гнезда. Каждая вставка окаймлена зернью, пространство между ними заполнено треугольничками из зерни. Дл. накладок – 6,8-7,4 см, шир. – 1-1,2 см (рис. 3, 22-26; 10).

15. Накладка для крепления повода – «чумбур» из серебра, обтянутого золотым листом в виде кольца с утолщением в передней части и обоймы из согнутой пластины так, что лицевая сторона обоймы представляет собой щиток прямоугольной формы с двумя овальными гранатовыми вставками. Вставки окаймлены зернью. Пространство между вставками заполнено шестью треугольниками из зерни. Верхняя и нижняя пластины соединены двумя серебряными штифтами. Дм. пряжки – 2 см, дл. обоймы – 2,6 см, шир. – 1,2 см (рис. 3, 27; 12, 5).

16. Оголовье конской узды состоит из сердцевидных бляшек (рис. 3, 28; 12, 6), двух округлых блях с тремя подвесками (рис. 3, 29, 30; 12, 2, 4) и двух округлых блях с двумя подвесками (рис. 3, 31, 32; 12, 1, 3). Бляшки (96 шт.) штампованные, сердцевидной формы, имеющие серебряную основу, обтянутую золотым листом, на тыльной стороне их припаян бронзовый штифт для крепления бляшки к ремню. Дл. – 1,2 см, шир. – 0,9 см.

Бляхи однотипные, они состоят из золотой пластины, на которой напаяна рамка в форме окружности, окаймленная зернью. В центре имеется еще одна округлая рамка меньшего диаметра, пространство между ними разделено в трех случаях на 8 (рис. 12, 1-3) и в одном случае на 7 секторов (рис. 12, 4). Образованные ячейки заполнены трапецевидными и одной круглой в центре вставками. К тыльной стороне двумя серебряными штифтами крепится бронзовая пластинка, под которую пропускался кожаный ремень. Подвески в форме параллелепипеда, полые внутри, крепились к бляхе при помощи ремешков, зафиксированных одним серебряным штифтом. Каждая подвеска украшена двумя вставками из граната и стекла, окаймленными зернью. В центральной части подвесок – по два тре-

угольника из зерни. Дм. блях – 2,3 см, дл. бронзовой пластины – 2 см, шир. – 0,8 см, дл. подвески – 2,6 см, шир. – 0,7 см.

17. Пряжки (4 шт.) со щитком круглорамчатые, с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен круглой гранатовой вставкой. Вставка окаймлена мелкой зернью. Свободное пространство щитков заполнено треугольниками из зерни. Дм. пряжки – 2-2,4 см, дм. щитка – 1,6-1,8 см. Следует отметить, что эти пряжки делались из железа, а затем обтягивались золотым листом. На это указывает то, что в нескольких местах золотое покрытие было разорвано и в щели проступало железо (рис. 3, 33, 34, 35; 11, 1а-в).

18. Четыре золотых наконечника ремней. Наконечники прямоугольной формы, окончание в виде «полумесяца». Лицевая сторона инкрустирована гранатовыми вставками и окаймлена зернью. На тыльную сторону напаяна серебряная пластина, не припаянный конец которой (с противоположной от «полумесяца» стороны) соединен с наконечником с помощью серебряного штифта, который удерживал ремень, вставленный в образовавшийся зазор. Дл. – 6,5-6,7 см, шир. – 0,8-0,9 см, дм. «полумесяца» – 1 см (рис. 3, 36, 37, 38, 39; 11, 2а-г).

19. Распределители ремней (4 шт.) представляют собой круглое в сечении кольцо, к которому крепятся три круглых щитка. От каждого щитка отходит узкая пластинка, которая охватывает кольцо в виде петли и загибается широким раскованным концом под щиток. Конец петли прикреплялся штифтом к тыльной стороне щитка. Лицевая сторона щитков из золотого листа, покрывающего серебряную основу. Каждый щиток украшен округлой гранатовой или стеклянной вставкой, окаймленной мелкой зернью на лицевой стороне щитка в его середине. Кроме того, щитки украшены треугольниками из зерни. В зазор между щитком и концом пластины вставлялся кожаный ремень, который закреплялся штифтом. Дм. кольца – 1,7 см, дм. щитка – 1,4 см (рис. 3, 10, 16, 17, 18; 8, 1а-г; 56, 3).

20. Две биметаллические обоймицы, представляющие собой серебряные прямоугольные по форме пластины, покрытые тонким золотым листом. В центре пластинок имеется отверстие, куда вставлен серебряный штифт, который крепил обоймицы к кожаной основе. Длинная грань одной из обоймиц была вогнута в центральной части, с узкой ее стороны имелся неширокий отросток, согнутый в петлю, на другой обоймице этот отросток был обломан. Ширина – 0,9-1 см, длина – 1,5-1,6 см (рис. 3, 40; 14, 3).

21. Подвеска в виде полумесяца – «лунница» из серебра, обтянутого тонким золотым листом. Лицевая сторона украшена тремя цветными вставками: по бокам – две вставки граната, в центре – одна из синего стекла. Вставки окаймлены зернью. На остальном пространстве имеются треугольники из зерни. Рядом со вставкой из синего стекла имеется отверстие, в которое продета в виде петли прямоугольная пластинка, отходящая от округлой обоймицы. На лицевой стороне обоймицы имеется гранатовая вставка, окаймленная зернью. Дл. «лунницы» – 2,7 и 3,1 см, выс. – 2,9 и 3,2 см, дм. обоймицы – 1,1 см (рис. 3, 43; 12, 7, 8).

22. Накладки (2 шт.) золотые круглые с круглой стеклянной вставкой красного цвета, окаймленной зернью. На обратной стороне имеется короткий серебряный штифт. Дм. – 1 см, выс. – 0,3 см (рис. 3, 44; 14, 5; 58, 5).

23. Половина бронзового дисковидного зеркала, имеющего на тыльной стороне литой орнамент в виде двух окружностей, вписанных друг в друга и соединенных радиальными линиями. Дм. – 5,6 см (рис. 14, 2).

24. Обойма биметаллическая, частично фрагментированная представляет собой узкую золотую пластину, края которой согнуты под прямым углом так, что образуют бортик.

Пластина согнута, образуя две неравные части, бортиками внутрь. Лицевая (большая) сторона украшена по краям напаянной филигранной провололочкой, двумя гранатовыми вставками, окаймленными зернью и треугольничками из зерни. Противоположная от изгиба сторона обломана. Обратная сторона пластины гладкая, она соединяется с серебряной прямоугольной пластинкой с помощью штифта, соединенного, в свою очередь, со вставкой на лицевой стороне предмета. На противоположном конце серебряной пластинки имеется еще один штифт, который, видимо, также был соединен с еще одной, но утраченной вставкой на лицевой стороне. Дл. – 3,7 см, шир. – 0,8 см (рис. 14, 4).

Курган № 3 находился в 300 м к западу от старого недействующего кладбища, расположенного на северной окраине села Брут (рис. 1; 15).

В центре кургана на глубине -213 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы неправильной прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии С-Ю (рис. 15). Стены входной ямы слегка наклонны. Длина входной ямы по верхнему краю – 3,8 м, ширина у северной стены – 1,05 м, у южной – 0,5 м.

Для спуска в камеру во входной яме были вырыты ступеньки, которые были устроены вдоль продольной западной стены. Ступени образуют лестницу достаточно сложной конструкции. Непосредственно к западной стене примыкал ряд из восьми ступеней, идущих с самого верха прослеженного уровня входной ямы. С боку (с востока) к ним примыкал еще один ряд из 4 ступеней, верхняя из которых находилась на глубине 1,15 м от прослеженного уровня входной ямы. Поскольку уровни ступеней обоих рядов не совпадают, спуститься по такой лестнице не составляет труда. Высота ступеней колеблется от 0,14 до 0,67 м. Глубина входной ямы – 3,24 м. Дно ее слегка понижается от южной стены ко входу в камеру, перепад уровней – 16 см. Длина входной ямы по дну – 3,5 м, ширина у северной стены – 1,1 м, ширина у южной (между ступенями и восточной стеной) – 0,28 м.

В северной стене входной ямы имелся дромос – вход в камеру полуовальной в сечении формы. Длина дромоса – 0,5 м, ширина – 0,55 м, высота – 0,67 м. Вход в камеру закрывался массивной каменной плитой, стоявшей на ребре в северо-восточном углу входной ямы. Плита неправильной прямоугольной формы размером 0,6х0,49х0,14 м. Пол в дромосе горизонтальный. При переходе в камеру имеется ступень высотой 0,24 м. Камера прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии В-З, т.е. перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Стенки свода в центральной части были обрушены, но они сохранились по бокам, что позволило точно реконструировать форму камеры. Свод камеры усеченно-стрельчатой формы. Пол камеры горизонтальный, только в центре прослежено незначительное углубление. Длина камеры 2,65 м, ширина – 1,56 м, высота – 2,3 м, длина конька свода – 0,95 м.

В заполнении входной ямы, камеры и в насыпи были обнаружены фрагменты сосудов (№ 1; рис. 16, 3) и сероглиняный кувшин во фрагментах (№ 2; рис. 16, 2). В заполнении камеры найден фрагмент железного предмета (№ 3; рис. 16, 1).

1. Фрагменты сероглиняной гончарной керамики с лощеной поверхностью. Профильные части представлены четырьмя фрагментами венчика, причем два из них, видимо, относились к одному сосуду, и маленькой петлевидной ручкой от небольшого сосуда (рис. 16, 3).

2. Кувшин сероглиняный гончарный с отогнутым венчиком, приподнятым носиком, коротким горлом, яйцевидным туловом и плоским дном. Сосуд имеет три ручки. Одна

ручка с глубокой прорезью на спинке одним концом крепится к горлу, другим – к верхней части тулова. Эта ручка расположена с противоположной стороны от носика. Две другие ручки расположены симметрично в центральной части тулова. На тулове имеются пять вертикальных каннелюр. Выс. – 40,2 см, дм. венчика – 13 см, дм. горла – 9,2 см, дм. тулова – 27,5 см, дм. дна – 12,2 см (рис. 16, 2; 65, 3).

3. Фрагмент железного предмета неправильной формы, возможно, ножа, на одной стороне которого сохранился отпечаток ткани. Дл. – 3,8 см, шир. – 2,2 см (рис. 16, 1).

Курган № 4 находился в 150 м к западу от кургана № 3 (рис.1; 17). Поскольку конструкция насыпи кургана отличается от остальных, на ее характеристике следует остановиться подробно.

Насыпь кургана представляет собой всхолмление полусферической формы, высотой около 0,7 м от уровня современной поверхности. Диаметр кургана около 22-24 м. Поверхность задернована. Под дерновым слоем была обнаружена галечная выкладка, представляющая собой кромлех в виде не сомкнутого с юго-западной стороны кольца. Внешний диаметр кромлеха – 10-11 м, внутренний – 7-7,5 м, ширина – от 0,5 м до 3 м. Уровень камней внутреннего кольца кромлеха – от -013-019 до -051-055. Уровень камней внешнего кольца – от -061 до -088. Мощность каменной кладки – 0,15-0,35 м. В северо-восточном секторе кромлеха в центре выкладки прослежен перепад уровней в 0,3-0,4 м. Видимо, внешний контур кромлеха соответствует первоначальному диаметру кургана, в дальнейшем оплывшему.

В центре кургана на глубине -195 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта по пятну выявила входную яму катакомбы прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ (рис. 17). Входная яма расположена на участке, свободном от каменной выкладки.

Небольшой участок юго-восточной стены входной ямы был разрушен грабительской ямой. Стены входной ямы вертикальные. Длина ямы по верхнему краю – 4,45 м, ширина – 1,3 м. Во входной яме были выявлены 11 ступеней, вырытые в грунте во всю ширину входной ямы, составляя лестницу. Верхняя ступень была зафиксирована у юго-западного края входной ямы, нижняя – в 1,25 м к северо-востоку от юго-западной стены входной ямы. Высота ступеней колеблется от 0,18 до 0,44 м, ширина – от 0,06 до 0,17 м. Дно входной ямы у нижней ступени было зафиксировано на глубине -520, оно понижается на 0,4 м в сторону камеры.

В северо-восточной стене входной ямы имелся дромос – вход в камеру полуовальной в сечении формы. Длина дромоса – 0,55 м, ширина – 0,45 м, высота – 0,6 м. Вход в камеру закрывался массивной каменной плитой, лежавшей в восточном углу входной ямы. Плита неправильной прямоугольной формы размером 0,65x0,46x0,12 м. Пол в дромосе слегка понижается в сторону камеры. При переходе в камеру зафиксирована ступень высотой 0,35 м.

Камера прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, т.е. камера располагалась перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Пол камеры горизонтальный. Стенки свода камеры в центральной части были обрушены, но они сохранились по бокам, что и позволило реконструировать форму свода. Свод имел наклонные стенки и плоский горизонтальный потолок длиной 1 м, шириной 0,15 м. Длина камеры – 2,38 м, ширина – 1,4 м, высота – 2,08 м. У противоположной от входа стены, на дне, было обнаружено скопление золы, видимо, от факелов грабителей.

В насыпи кургана были обнаружены фрагменты лепных сосудов (№ 1), в заполнении камеры катакомбы: пластинка прямоугольная (№ 2), застежка броши (№ 3), фрагменты железного ножа (№ 4, 5), фрагмент железного предмета (№ 6), бусины стеклянные (№ 7), фрагменты сероглиняного кувшина (№ 8). В заполнении входной ямы – фрагменты чернолощеного гончарного (№ 9) и лепного сосудов (№ 10).

1. Фрагменты лепных сосудов – стенки, доньшко и один фрагмент венчика. Форма не восстанавливается (рис. 18, 1).

2. Фрагмент золоченой пластинки прямоугольной формы с отверстием в центре. Дл. – 0,7 см, шир. – 0,5 см, толщ. – 0,1 см (рис. 18, 2).

3. Пружинный механизм фибулы или броши из серебра, состоящий из иглы с пружиной, стойки для их крепления и соединяющей их оси. Дл. – 2,7 см (рис. 18, 3).

4, 5. Два фрагмента железного ножа, один крупный (дл. – 5,1 см, шир. – 2 см) со следами дерева от ножен, второй короткий (дл. – 3,1 см, шир. – 1,5 см) с остатками деревянной рукоятки (рис. 18, 4, 5). Составляли ли оба фрагмента единый предмет, установить не удалось.

6. Фрагмент железного предмета в виде слегка согнутого прута неизвестного назначения, дл. – 3,8 см, дм. – 1,1 см (рис. 18, 7).

7. Три одинаковые стеклянные бусины, непрозрачные бело-желтого цвета бочонковидной формы с продольным каналом отверстия. Дл. – 0,3 см, дм. – 0,6 см, дм. отверстия – 0,2 см (рис. 18, 6).

8. Фрагменты (20 шт.) сероглиняного гончарного кувшина. Сосуд имел плоское дно, цилиндрическое горло без выделенного венчика и полуовальную в сечении ручку. Ручка одним концом крепится на венчике, другим – в верхней части тулова. На тулове прослежены пролощенные вертикальные полосы. Высота не устанавливается, дм. венчика – 10,5 см, дм. горла – 9,5 см, дм. тулова – 19,5 см, дм. дна – 10 см (рис. 18, 8).

9. Фрагменты (12 шт.) чернолощеного гончарного сосуда – стенки, горла и ручки. Сосуд не имел выраженного венчика. Предполагаемый диаметр горла – 9 см. Ширина ручки – 1,8 см. Форма сосуда не восстанавливается (рис. 18, 10).

10. Фрагменты (6 шт.) светлоглиняного лепного сосуда – стенки и один фрагмент венчика. Венчик слегка отогнут наружу. Форма сосуда не восстанавливается (рис. 18, 9).

Курган № 5 находился к северу от северной окраины с. Брут, между оврагом и тутовниковой рощей (рис. 1; 19).

В центре кургана на глубине -250 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы неправильной прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 19). Стены входной ямы слегка наклонны. Длина входной ямы по верхнему краю – 3,1 м, ширина у ССВ стены – 1,36 м, ширина у ЮЮЗ стены – 0,8 м. Восточная стенка входной ямы в верхней ее части была разрушена грабителями.

Для спуска в камеру во входной яме были вырыты ступеньки, которые образовывали лестницу достаточно сложной конфигурации, устроенную вдоль западной стены. Непосредственно к западной стене примыкал ряд из 4 ступеней, идущих с самого верха прослеженного уровня входной ямы. С боку (с востока) к ним примыкал еще один ряд из четырех ступеней, верхняя из которых находилась на глубине -290 от прослеженного уровня входной ямы. Уровни ступеней обоих рядов не совпадают. Кроме того, на дне входной ямы, между «лестницей» и восточной стеной, были вырыты еще три ступени, во всю ширину этой части входной ямы. Высота ступеней колеблется от 0,27 до 0,76 м. Дно входной

ямы слегка понижается от южной стены к входу в камеру. Длина входной ямы по дну (от последней ступени по дну входной ямы до входа в камеру) – 0,85 м. Ширина у последней ступени на дне входной ямы – 1,28 м, ширина входной ямы по дну у входа в камеру – 1,26 м. Глубина входной ямы от ее прослеженного уровня – около 2,8 м.

В северной стене входной ямы имелся дромос, свод которого обрушен. Длина дромоса – 0,48 м, ширина со стороны входной ямы – 0,5 м, ширина со стороны камеры – 0,77 м, сохранившаяся высота – 1,33 м. Вход в камеру закрывался массивной каменной плитой, лежавшей у последней (нижней) ступени «лестницы». Плита неправильной трапециевидной формы размером 0,69х0,78-0,57х0,17 м. Таким образом, высота дромоса не больше высоты каменной плиты, т.е. не более 0,65 м. Пол в дромосе почти горизонтальный. При переходе в камеру имелась ступень высотой 0,2 м. Камера прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии В-З с небольшим отклонением. Таким образом, камера располагалась перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Свод камеры во многих местах обрушен. Однако, судя по сохранившемуся коньку свода, он был усеченно-стрельчатой формы. Пол камеры горизонтальный. Длина камеры – 2,5 м, ширина – 1,64 м, высота – 2,08 м, длина конька свода – 1,35 м.

В заполнении входной ямы и камеры были обнаружены: фрагменты железного ножа (№ 1), фрагменты бронзовой пластины (№ 2), бусина египетского фаянса (№ 3), фрагменты черно- и сероглиняной керамики (№ 4, 5), фрагменты красноглиняных сосудов (№ 6, 7).

1. Нож железный во фрагментах (3 шт.) однолезвийный с вытянутым подтреугольным лезвием. Видимо, черешковый, но черешок обломан. Сохранившаяся дл. – 13,5 см, максимальная шир. – 2 см. (рис. 20, 1).

2. Фрагменты бронзовой пластины неизвестного назначения. Дл. – 0,8 см, шир. – 0,4 см. (рис. 20, 2).

3. Бусина египетского фаянса округлая, ребристая, зелено-лимонного цвета непрозрачная с продольным каналом отверстия. Дл. – 1,4 см, дм. – 1,7 см, дм. отверстия – 0,5 см (рис. 20, 3).

4. Сосудик черноглиняный гончарный с отогнутым наружу венчиком, невысоким цилиндрическим горлом, округлым туловом и плоским дном. Дм. венчика – 4,8 см, дм. горла – 4,1 см, дм. тулова – 7 см, дм. дна – 4 см, выс. – 6,2 см, высота горла – 0,8 см (рис. 20, 4).

5. Фрагменты сероглиняного лепного сосуда – сохранилось только донце и небольшой фрагмент придонной части. Дм. дна – 8 см (рис. 20, 5).

6. Горло и несколько небольших фрагментов тулова от крупного красноглиняного тарного сосуда. Венчик слегка отогнут наружу. Горло цилиндрическое. Под горлом, в верхней части тулова имеется горизонтальный валик. Дм. венчика – 18 см, дм. горла – 15 см (рис. 20, 6).

7. Кувшин красноглиняный гончарный одноручный. Горло в виде раструба, венчик слегка отогнут. Тулово округлое, дно плоское. Плоская в сечении ручка одним концом крепится в верхней части тулова, другим – в средней части горла. Выс. – 25,9 см, дм. венчика – 7,6 см, дм. горла – 4,9 см, выс. горла – 6 см, дм. тулова – 19,3 см, дм. дна – 8,5 см, дл. ручки – 8 см (рис. 20, 7; 65, 4).

Курган № 6 находился в 170 м к западу от кургана № 5 (рис. 1; 21).

В центре кургана на глубине -265 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы неправильной прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 21). Стены входной ямы были наклонны, так что она сужается ко дну. Западная стена входной ямы в

верхней ее части слегка разрушена грабителями. Длина входной ямы по верхнему краю – 4,56 м, ширина – 2,2 м.

Для спуска в камеру во входной яме были вырыты ступеньки, которые образовывали лестницу достаточно сложной конфигурации. Непосредственно к западной стене примыкал ряд из пяти ступеней, верхняя из которых зафиксирована на уровне -332, т.е. на 0,67 м ниже прослеженного уровня входной ямы. Сбоку (с востока) к ним примыкал еще ряд из трех ступеней, верхняя из которых находилась на глубине -395, т.е. на 1,3 м ниже прослеженного уровня входной ямы. А уже к этому второму ряду ступеней примыкал третий, состоящий из трех ступеней. Верхняя ступень в этом ряду находилась на глубине -362, т.е. она была выше на 0,3 м, чем верхняя ступень второго ряда. Уровни ступеней всех трех рядов не совпадают. Высота ступеней от 0,25 до 0,95 м.

Дно входной ямы слегка понижается от южной стенки к камере, перепад уровней полов – 7 см. Длина входной ямы по дну – 4,04 м, ширина у последней (противоположной от входа) ступени на дне входной ямы – 0,56 м, ширина по дну у входа в камеру – 1,86 м. Глубина входной ямы от ее прослеженного уровня около 3,6 м.

В северной стене входной ямы имелся дромос – вход в камеру. Северная стена частично разрушена грабителями так, что она сохранилась на высоту около 0,7 м от дна входной ямы. Грабителями был разрушен не только свод дромоса, но и свод камеры. Слева от входа в камеру была обнаружена каменная плита, его закрывавшая. Плита прямоугольной формы размером 1,1x0,94x6-6,5 см. Судя по размерам плиты, высота дромоса не должна была быть более 1 м. Длина дромоса – 0,74 м, ширина – 0,56 м. Пол в дромосе почти горизонтальный. При переходе в камеру имелась ступень высотой – 0,33 м. Камера прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии СВ–ЮЗ, т.е. располагалась перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Свод камеры был частично разрушен, однако, судя по сохранившимся боковым стенам камеры, он был усеченно-стрельчатой формы. Пол камеры почти горизонтальный, располагался на глубине -660. Длина камеры – 2,93 м, ширина – 1,64 м, высота камеры с восточной стороны – 2,14 м, высота с западной стороны – 2,01 м, длина конька свода – 2,43 м.

В заполнении входной ямы и камеры были обнаружены: «лунница» (№ 1), две бляшки в виде буквы «М» (№ 2, 3), заклепка (№ 4), накладка со вставкой (№ 5), бляшка (№ 6), обойма (№ 7), две заклепки (№ 8), две бляшки (№ 9), отщеп каменный (№ 10), фрагмент клинка железного (№ 11), фрагмент железной круглорамчатой пряжки (№ 12), фрагмент ножа (№ 13), фрагменты железных предметов (№ 14), два черноглиняных сосуда во фрагментах (№ 15, 16).

1. Бляшка-«лунница» в виде полумесяца из золота с тремя отверстиями, в которые вставляли золотые штифты, на тыльной стороне сохранились фрагменты серебряной пластины, которая крепилась с помощью штифтов. Дл. – 1,9 см, макс. шир. – 0,85 см, дм. штифтов – 0,1 см (рис. 22, 3).

2-3. Две золотые штампованные бляшки из фольги в виде буквы «М» с отверстиями для нашивания. Дл. – 2,2 см, шир. – 1,1 см, толщ. фольги – 0,2 см (рис. 22, 4).

4. Заклепка из золота полусферической формы с серебряным штифтом на тыльной стороне. На штифт надета серебряная круглая обоймица. Дм. – 0,9 см, дм. штифта – 0,15 см, длина штифта – 0,4 см (рис. 22, 5).

5. Накладка овальной формы из золота. На лицевой стороне в центральной части имеется сердоликовая вставка, зажатая в касте, окруженная зернью и тремя рядами скани. На тыльной стороне имеется две петли для крепления. Дл. – 2,4 см, шир. – 2,1 см, дл. вставки – 1,5 см, шир. вставки – 1,3 см (рис. 22, 1).

6. Бляшка бронзовая с золотой обкладкой в виде полумесяца с двумя штифтами. Длина – 1,65 см, ширина – 0,5 см, длина штифтов – 0,7 см (рис. 22, 2).

7. Обойма из ромбовидной золотой пластины, свернутой пополам так, что получился равнобедренный треугольник. На концах треугольника имеются отверстия, в которые вставлен золотой штифт. Дл. – 1,2 см, дл. штифта – 0,5 см, дм. сечения штифта – 0,1 см (рис. 22, 6).

8. Две одинаковые полые заклепки полусферической формы из золота с серебряными штифтами. На одной заклепке штифт обломан. Дм. – 0,5 см, дм. сечения штифта – 0,1 см, дл. штифта – 0,2 см (рис. 22, 7).

9. Две бляшки из серебра в виде полумесяца с тремя отверстиями для штифтов. Штифты на одной из бляшек не сохранились. Дл. – 1,9 см, шир. – 0,6 см (рис. 22, 8).

10. Отщеп каменный неправильной формы. Дл. – 3,3 см, шир. – 1,8 см (рис. 22, 9).

11. Фрагмент железного клинка в деревянных ножнах. Дл. фрагмента – 4 см, шир. – 2,7 см (рис. 22, 10).

12. Фрагмент железной круглорамчатой пряжки, сделанной из круглого в сечении прута. Дм. пряжки – 3,2 см, дм. сечения прута – 0,8 см (рис. 22, 11).

13. Фрагмент ножа или кинжала железного. Сохранилось острие и часть клинка. По этому фрагменту можно предположить, что клинок был обоюдоострый. Дл. фрагмента – 7 см, шир. – 1,6 см (рис. 22, 12).

14. Два фрагмента железных предметов. Один в виде слегка согнутой подпрямоугольной пластины. Дл. – 4,5 см, шир. – 1,4 см (рис. 22, 14). Второй в виде плоской подпрямоугольной пластины. Дл. – 2,3 см, шир. – 1,6 см (рис. 22, 13).

15. Кувшин черноглиняный гончарный с воронкообразным горлом и слегка отогнутым наружу венчиком. На венчике имелся слив, но к настоящему времени он утрачен. На горле имеются пять горизонтальных неглубоких желобков. Тулово яйцевидной формы, дно плоское. В верхней части тулова имеются две пролощенные горизонтальные линии, пространство между которыми заполнено лощеными косыми линиями. Квадратная в сечении ручка одним концом крепится под венчиком, другим – в верхней части тулова. Три внешние стороны ручки украшены налечами в виде пуговиц, по четыре налепа с каждой стороны. Выс. сосуда – 23,3 см, выс. горла – 6 см, дм. венчика – 1,5 см, дм. горла – 7,5 см, дм. тулова – 18,5 см, дм. дна – 8,2 см (рис. 23, 1; 65, 1).

16. Кувшин черноглиняный гончарный с отогнутым наружу венчиком, невысоким горлом в виде раструба, округлым туловом и плоским дном. Плоская ручка одним концом крепится в верхней части тулова, другим – в центральной части горла. Ручка в верхней части украшена горизонтальным валиком. В центральной части тулова имеются две пролощенные горизонтальные линии, пространство между которыми заполнено лощеными косыми линиями. Выс. сосуда – 34 см, выс. горла – 5,5 см, дм. венчика – 13 см, дм. горла – 9 см, дм. тулова – 29 см, дм. дна – 17 см (рис. 23, 2).

Курган № 7 находился в 120 м к северо-западу от кургана № 2 (рис. 1; 24).

В центре кургана на глубине -270 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы неправильной прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии ССВ–ЮЗЗ (рис. 24). Восточная, северная и западная стены входной ямы были вертикальными, а южная – наклонна так, что яма немного сужается ко дну. Западная стена входной ямы в верхней ее части слегка разрушена грабительской ямой. Длина входной ямы по верхнему краю – 3,52 м, ширина у северной стены – 1,38 м, ширина у южной стены – 0,96 м.

Для спуска в камеру во входной яме были вырыты ступеньки, которые образовывали лестницу, устроенную вдоль восточной стены. Непосредственно к восточной стене примыкал ряд из 6 ступеней, верхняя из которых зафиксирована на уровне -294, т.е. на 0,2 м ниже прослеженного уровня входной ямы. Сбоку (с запада) к ним примыкал еще ряд из 6 ступеней, верхняя ступень находилась на глубине -329, т.е. на 0,55 м ниже прослеженного уровня входной ямы. Уровни ступеней обоих рядов не совпадают. Высота ступеней колеблется от 0,22 до 0,66 м.

Дно входной ямы понижается от южной стенки к камере, перепад уровней полов – 0,23 м. Длина входной ямы по дну – 3,2 м, ширина у южной стены (между ступенями и западной стенкой) – 0,58 м, ширина у входа в камеру – 1,32 м. Глубина входной ямы от ее прослеженного уровня около 2,8 м. В северной стенке входной ямы имелся дромос – вход в камеру. Свод дромоса слегка скруглен, а западная стена обрушена в верхней ее части. Длина дромоса – 0,43 м, ширина со стороны входной ямы – 0,54 м, ширина со стороны камеры – 0,66 м, высота – 0,7 м. Вход в камеру закрывала массивная, неплотно приваленная каменная плита неправильной овальной формы размером 0,75×0,85×0,13 м. Пол в дромосе понижается к камере, перепад его уровней – 0,07 м.

При переходе в камеру имелась ступень высотой 0,66 м. Камера неправильной прямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии В-З, т.е. длинные оси входной ямы и камеры почти перпендикулярны. Свод камеры купольный. Длина камеры – 3,78 м, ширина – 2,38 м, высота – 1,60 м. В полу камеры, при входе, имелось углубление неправильной прямоугольной формы, длинной стороной ориентированное по линии В-З. Длина углубления – 1,92 м, ширина – 1,18 м. Дно углубления ниже дна камеры на 0,36 м.

Во входной яме, в южной (противоположной от входа в камеру) стенке, у дна, было обнаружено отверстие округлой формы высотой – 0,16 м, шириной – 0,17 м. Отверстие вело в тайник, содержащий скопление разнообразных вещей. Камера тайника сужается ко дну и имеет в плане грушевидную форму (рис. 24). Макс. длина камеры тайника – 0,67 м, макс. ширина – 0,55 м.

Следует отметить, что тайник был обнаружен рабочими экспедиции в момент выборки грунта из входной ямы. Один из рабочих, обнаружив отверстие тайника, вытащил из него золотую шаровидную подвеску, аналогичная подвеска в дальнейшем была обнаружена и в камере тайника (рис. 28, 2). При визуальном наблюдении входного отверстия тайника было установлено, что камера тайника не засыпана землей. В ней фиксировалось большое количество предметов из золота и много органики. Было решено брать тайник монолитом. Для этого через входное отверстие вещи были перекрыты железными спицами, на которые были уложены пластинки фанеры, сверху накрытые полиэтиленом. Затем над тайником был заложен раскоп на 1 м глубже дна тайника, и сам тайник таким образом оказался на останце. Останец был уменьшен и подрезан так, что вещи оказались как бы в корыте из земли. Затем это «корыто» с внешней стороны было загипсовано и после высыхания извлечено на поверхность для отрисовки (рис. 25) и фотофиксации (рис. 59). Монолит был увезен в Москву для дальнейшего исследования. К сожалению, так сложилось, что разборка тайника, взятого монолитом, производилась без моего наблюдения, и я в конечном итоге получил набор разрозненных вещей. Поэтому характеристика местоположения вещей в тайнике будет дана в основном по полевому чертежу (рис. 25). Поскольку вход в тайник был расположен с северной стороны, то описание мы будем давать с этого направления, т.е. сверху, смотря на тайник как бы с юга.

Ближе всего к устью тайника находились бляшка в виде буквы М (№ 2³, рис. 25, 1; 28, 1), рядом – бляшка треугольная (№ 3, рис. 25, 2; 28, 6), а справа от них наконечник ремня (№ 14, рис. 25, 3; 26, 4). Ниже этих предметов лежала круглая бляха (№ 5, рис. 25, 4; 28, 3) и две бляшки в виде буквы М. Справа от круглой бляхи найдена крупная пряжка (№ 6, рис. 25, 5; 28, 12), справа от которой на некотором расстоянии фиксировалось большое количество нашивных бляшек разнообразной формы – в виде буквы М, треугольные, а также круглые (№ 2, 3, 4а, 4б, рис. 25, 1, 2, 7, 8; 28, 5-11). Кроме изображенных на рис. 25 бляшек, какое-то их количество находилось ниже в грунте. Они были взяты монолитом с грунтом и все еще не извлечены из него. Это обусловлено отсутствием достаточной исследовательской базы для их всестороннего изучения. Поэтому мы не знаем и точного количества бляшек, предварительно можно лишь сказать, что в комплексе было по несколько десятков каждого типа бляшек. Слева от круглой бляхи найден наконечник ремня (№ 7, рис. 25, 6; 28, 13), составляющий гарнитур с вышеуказанной крупной пряжкой, который частично перекрывала рукоять нагайки (№ 8, рис. 25, 9; 30, 1). Ниже круглой бляхи – наконечник ремня (№ 12, рис. 25, 10; 27, 5), справа от которого – аналогичный ему наконечник (№ 12, рис. 25, 11; 27, 6), на котором лежала металлическая накладка (№ 19, рис. 25, 12; 28, 14). Наконечник ремня (рис. 25, 10) и крупная пряжка (рис. 25, 5) сверху перекрывались нижней лопастью бронзовых псалиев железных удил, которые занимали центральную (по вертикали) часть скопления (№ 12, рис. 25, 13; 29а, б). Сверху на вышеуказанной группе предметов лежал фрагмент дерева не *in situ*, а сдвинутый в момент обнаружения тайника. В центре, под рукоятью нагайки, найдены крестовидная бляха (№ 21, рис. 25, 14; 30, 3) и крестовидный распределитель ремней от конской узды, рядом с которым лежала (отвалившаяся от него и ранее украшавшая его центральную часть) бляшка в виде семилепестковой розетки (№ 22, рис. 25, 15; 31, 4).

Как отмечалось, в центральной части скопления зафиксированы железные удила с бронзовыми псалиями (рис. 25, 13). Одним звеном они перекрывали кинжал в деревянных ножнах, занимавший центральную часть скопления по горизонтали, ниже вышеописанных предметов (№ 27, рис. 25, 16; 26, 1, 2). Справа, на острие кинжала, в несколько сдвинутом положении, обнаружен фрагмент обкладки ножен с тремя полусферическими накладками (№ 27, рис. 25, 17; 26, 2а), а чуть выше – перевернутая лицевой стороной вниз одна из обкладок нижних лопастей ножен (№ 27, рис. 25, 18; 26, 2б) и небольшая пряжка (№ 13, рис. 25, 19; 26, 4). Еще одна обкладка, но верхней лопасти ножен кинжала найдена рядом с ножнами в центре скопления у предполагаемого устья ножен (№ 27, рис. 25, 3б; 26, 2в). Ниже острия кинжала – скопление вышеописанных бляшек и, перевернутая лицевой стороной вниз, пряжка (№ 11, рис. 25, 20; 27, 7). Слева от нее, занимая центральную и левую часть нижней половины скопления (ниже кинжала), обнаружены – шаровидная подвеска с цепочками, аналогичная вытащенной рабочим в момент обнаружения тайника (№ 1, рис. 25, 21; 28, 1), и три распределителя ремней (один из них лежал на ножнах кинжала) от обувного гарнитура (№ 10, рис. 25, 22-24; 27, 1, 4, 3). Остальные предметы на этом участке скопления относятся к конской уздечке: накладка- «чумбур» (№ 16, рис. 25, 25; 32, 4); наконечник ремня со скругленным концом (№ 24, рис. 25, 30; 30, 5); наконечник ремня с окончанием в виде полумесяца (№ 23, рис. 25, 31; 30, 4); пряжка (№ 19, рис. 25, 29; 30, 6); фрагмент ремня (лежал лицевой стороной вниз на трех последних предметах) с бляшками в виде птичьих головок (№ 25, рис. 25, 32; 32, 1); три крестовидных распределителя

³ В данном случае эти номера (№ 1, 2 и след.) соответствуют номерам, использованным при описании предметов, и не совпадают с нумерацией на рис. 25.

ремней (№ 22, рис. 25, 26-28; 31, 2, 1а, 3), аналогичных вышеописанному (рис. 25, 15; 31, 4). Один из этих распределителей ремней (рис. 25, 27) лежал лицевой стороной вверх, рядом с ним (к юго-востоку) зафиксирована (небольшим фрагментом – весь предмет уходил в грунт) отвалившаяся лицевая бляшка от этого распределителя (рис. 25, 37). Также были прослежены отходящие от него фрагменты ремней, в том числе и два ремня (один над другим), отходящие от одной стороны «креста», – нижний, длинный, и верхний, короткий, соединяющийся с ременным наконечником и украшенный одной бляшкой в виде птичьей головки (рис. 25, 34; 31, 1а, б). Кроме того, на этом участке скопления были зафиксированы фрагменты ремней, украшенные бляшками как в виде птичьих головок (рис. 25, 32; 32, 1), так и бляхами в виде трехчастной пластины (рис. 25, 35; 32, 3). Крупный фрагмент ремня с бляшками в виде птичьих головок был свернут в виде дуги, лежавшей на рукояти кинжала (рис. 25, 32). Он имел прикрепленную к нему штифтом обойму с круглым щитком и круглорамчатой подвеской, лежавшей на рукояти кинжала (рис. 25, 33; 32, 2б). Еще одна такая обойма была обнаружена под видимыми предметами в центре скопления, но на рис. 25 она не отображена (рис. 32, 2а).

1. Подвески из золота шаровидной формы (2 шт.). Шар посередине поделен горизонтальными поясками ложной «веревочки» на две части. Верхняя часть шара украшена гранатовыми вставками (5 крупных – каплевидной формы и 5 мелких круглых), заключенными в высокие касты и окруженными ложной «веревочкой». На вершине шара – цилиндрический столбик, на верхней площадке которого – петля для подвешивания. Нижняя часть шара гладкая, к ней на круглых напаянных петельках прикреплены длинные цепочки, оканчивающиеся четырехгранными полыми подвесками – колокольчиками без язычков. Общая дл. – 9,3 см, дм. шара – 2,5 см, выс. шара с петлей – 3,4 см, дл. цепочек с подвесками – 6,5 см (рис. 28, 1, 2; 60, 2).

2. Бляшки из золотой фольги в виде буквы М с пятью отверстиями для нашивки. Дл. – 2,9 см, шир. – 1,1 см (рис. 28, 7; 60, 1; 62, 5).

3. Бляшки из золотой фольги в виде равностороннего треугольника, где по углам имеются три отверстия для нашивки. По краю имеется тиснение в виде ложной зерни, центральная часть в виде пирамиды. Дл. – 1,1-1,3 см (рис. 28, 5, 6; 62, 5).

4а. Бляшки из золотой фольги круглой формы, по краю имеется тиснение в виде ложной зерни, центральная часть выпуклая, имеется три отверстия для нашивки. Дм. – 1 см (рис. 28, 10, 11; 62, 5).

4б. Аналогичные бляшки, но на выпуклой центральной части имеется вогнутое изображение креста. Дм. – 1 см (рис. 28, 9; 62, 5).

5. Золотая круглая бляха, имеющая три петли для нашивки на тыльной стороне. Лицевая сторона бляхи по краю была украшена напаянным штампованным слегка наклонного рифления пояском. Остальное пространство украшено тремя круглыми вписанными друг в друга золотыми пластинами, напаянными на ребро и образующими три окружности. В центральной окружности имеется круглая сердоликовая (?) вставка. Пространство между центральной и двумя другими окружностями заполнено аналогичными пластинами, изогнутыми по кругу в виде зигзага. Дм. – 3 см, толщ. – 0,2 см (рис. 28, 3; 60, 5).

6. Пряжка крупная из золота со щитком круглорамчатая с утолщением в передней части рамки и с хоботковидным язычком. У основания язычка имеется поперечное рифление в виде трех бороздок, на изгибе язычка две насечки в виде «отступающего уголка». Щиток овальный, украшен одной крупной сердоликовой вставкой овальной же формы. По краю щиток окаймлен сканью. Сам щиток серебряный, обтянут золотым листом. Расположенная

на тыльной стороне золотая пластина крепится к щитку двумя штифтами с круглыми шляпками. Дл. – 5,3 см, дм. рамки – 2,4-3 см, дм. щитка – 2,2-2,7 см (рис. 28, 12; 62, 1).

7. Наконечник ремня из золота полый прямоугольной формы со скругленным нижним концом и двумя штифтами на тыльной стороне в верхнем конце. Лицевая сторона по краю окаймлена сканью, в верхней части имеются три каплевидные гранатовые вставки, расположенные треугольником – вершиной вниз, окаймленной двумя полосками скани. Ниже вершины треугольника имеется штампованный орнамент в виде семи полушарий, заключенных в кольцо. Дл. – 6,4 см, шир. – 1,6 см, толщ. – 0,4 см (рис. 28, 13; 62, 2).

8. Рукоять нагайки представляет собой биметаллический цилиндр, слегка расширяющийся от верхней части, где крепился ремень. Верхняя половина рукояти и ее окончание сделаны из тонкой золотой пластины, нижняя половина – из серебряной. На нижнем конце имеется обоймица в виде цилиндрика из золотой фольги, надетого на конец серебряного цилиндра. На самом краю этого цилиндрика имеется сквозное отверстие для шнура, на котором нагайка висела на руке. На противоположном конце имелись два пояска-«плетенки», один на самом краю, другой – несколько отступя, и крепление для кожаного ремня. Оно представляло собой две вертикально расположенные ромбовидные заклепки, штыри которых проходили через всю толщу рукояти и кожаный ремень и благодаря расплюсченному концу удерживали ремень на рукояти. Для прочности между этими заклепками имелась овальная обойма, охватывающая и рукоять, и кожаный ремень. Дл. – 31,8 см, дм. – 1,3-1,9 см (рис. 30, 1; 61, 1).

9. Накладка из белого металла (материал не определен) в виде двух пластин соединенных штифтами, между которыми проходил кожаный ремень. Лицевая накладка представляла собой пластину со скругленными концами, в центре которых имелись полусферические позолоченные шляпки от штифтов. Центр этой пластины был изогнут в виде петли, в которую была продета круглорамчатая обоймица, имевшая утолщение в передней части рамки и расположенная перпендикулярно к длинной стороне накладки. Дл. – 2,5 см, дм. обоймицы – 1,7 см (рис. 28, 14; 61, 2).

10. Распределители ремней (4 шт.) от обувного гарнитура представляют собой круглое в сечении кольцо из золота или более дешевого материала, покрытого золотым или позолоченным листом, к которому крепятся три круглых щитка. От каждого щитка отходит узкая пластинка, которая охватывает кольцо в виде петли и загибается широким раскованным концом под щиток. На внешней поверхности петли имеется продольное ребро жесткости. Конец петли прикреплялся штифтом к тыльной стороне щитка. Лицевая сторона щитков из золотого или позолоченного листа, покрывающего серебряную основу. Каждый щиток украшен одной гранатовой вставкой, окаймленной пояском ложной скани. Гранатовые вставки ромбовидной, округлой и подтреугольной формы. В зазор между щитком и концом пластины вставлялся кожаный ремень, который закреплялся штифтом. Дм. кольца – 1,7-1,8 см, дм. щитка – 1,1-1,3 см (рис. 27, 1-4; 62, 7).

11. Две пряжки от обувного гарнитура из золота или более дешевого материала покрытого золотым или позолоченным листом со щитком, круглорамчатые, с утолщением в передней части рамки и с хоботковидным язычком. У основания язычка имеется поперечное рифление в виде трех бороздок. Щиток полуовальный, украшен одной гранатовой вставкой полуовальной формы, окаймленной штампованной ленточкой с ложной зернью. Расположенная на тыльной стороне золотая пластина крепится к щитку одним штифтом. В пространстве между щитком и этой пластиной имеются остатки кожаного ремня. Дл. – 3,5 см, дм. рамки – 2 см, дм. щитка – 1,4 см (рис. 27, 7, 8; 62, 6).

12. Два наконечника ремней, составляющие гарнитур с пряжками (№ 11) из серебра с позолотой прямоугольной формы со скругленным нижним концом. Каждый наконечник состоит из двух пластин, соединенных одним штифтом в верхнем конце. Лицевая сторона имеет одну прямоугольную гранатовую вставку в верхней части и продольное ребро в центре пластины. Дл. – 7,7 см, шир. – 0,9 см (рис. 27, 5, 6; 62, 8).

13. Пряжка из золота или более дешевого материала, покрытого золотым или позолоченным листом со щитком, круглорамчатая с утолщением в передней части рамки и с хоботковидным язычком. Щиток круглый, украшен одной гранатовой вставкой округлой формы, окаймленной штампованной ленточкой с ложной зернью. Расположенная на тыльной стороне пластина крепится к щитку одним штифтом. В пространстве между щитком и этой пластиной имеются остатки кожаного ремня. Дл. – 2,8 см, дм. рамки – 1,5 см, дм. щитка – 1,1 см (рис. 26, 3; 62, 3).

14. Наконечник ремня, составляющий гарнитур с пряжкой (№ 13), серебряный, лицевая сторона позолочена, прямоугольной формы со скругленным нижним концом. Наконечник состоит из двух пластин, соединенных одним штифтом в верхнем конце. На лицевой стороне пластины имеется продольное ребро в центре. Дл. – 4,7 см, шир. – 0,8 см (рис. 26, 4; 62, 4).

Предметы № 15-26 относятся к конской уздечке (рис. 63).

15. Удила железные двусоставные, сделаны из круглого в сечении прута, с боковыми кольцами (дл. звена удил – 8-8,5 см, дм. кольца – 2,6 см), в которые были вставлены псалии. Псалии бронзовые с отогнутыми назад верхними концами в виде сильно стилизованных птичьих головок. Нижняя часть псалиев в виде раскованных лопастей, широкой частью развернутых параллельно загибу в верхней части и украшенных орнаментом в виде «отступающего уголка». В центральной части псалиев имеется два отверстия, в которые были продеты кожаные ремни, привязывавшие псалии к внешним кольцам удил, так что кольца располагались между отверстиями на псалиях (дл. псалиев – 12,8 см, шир. лопасти – 1,6 см). Кроме того, в кольцо удил, с внешней от псалиев стороны, было вставлено овальное железное кольцо из круглого в сечении прута для крепления повода (дл. колец ок. – 3,6 см, шир. – 2 см, толщ. прута – 0,7 см) (рис. 29, а, б).

16. Накладка для крепления повода – «чумбур» из серебра в виде кольца с утолщением в передней части и обоймы из пластины, согнутой так, что лицевая сторона обоймы представляет собой щиток прямоугольной формы с вогнутыми боковыми гранями. Верхняя и нижняя пластины, между которыми имеются остатки кожаного ремня, соединены двумя серебряными штифтами. На лицевой стороне штифты украшены полусферическими позолоченными бляшками. Дл. – 4,2 см, дм. рамки – 1,9 см, шир. щитка – 1,1 см (рис. 32, 4).

17-18. Пряжки однотипные, из серебра со щитком, круглорамчатые, с утолщением в передней части рамки и с хоботковидным язычком. Щиток подпрямоугольный, с вогнутыми боковыми гранями. Расположенная на тыльной стороне щитка пластина крепится к щитку одним штифтом, имевшим на лицевой стороне щитка позолоченную округлую бляшку. В пространстве между щитком и этой пластиной прослежены остатки кожаного ремня. Дл. – 3,8 см, дм. рамки – 1,9 см, шир. щитка – 1 см (рис. 30, 8, 9).

19. Пряжка, аналогичная № 17, 18, отличается только размерами. Дл. 3,4 см, дм. рамки – 1,7 см, шир. щитка – 1 см (рис. 30, 6).

20. Пряжка, аналогичная № 17-19, отличается только размерами. Утрачена лицевая бляшка штифта. Дл. 3,1 см, дм. рамки – 1,5 см, шир. щитка – 0,9 см (рис. 30, 7).

21. Бляха из серебра, обтянутая золотым или позолоченным серебряным листом крестовидной формы. Центральная часть и стороны «креста» выполнены в виде ромбов, в которых имеются отверстия со вставленными в них штифтами. Штифты из серебряной проволоки с позолоченными полукруглыми шляпками, украшавшими лицевую сторону предмета и загнутыми концами на тыльной стороне. Разм. – 3,2×2,5×1,8 см (рис. 30, 3).

22. Четыре распределителя ремней. Они сделаны из тонкого золотого листа (поскольку из-за наличия ремней мы не можем увидеть обратную сторону металлической части, мы не знаем, обтягивало ли золото более дешевый металл) в виде бляхи, имеющей форму равностороннего креста (дл. 4,3-4,4 см, шир. лопасти – 0,8-0,9 см). Бляхи крепились на ремни оголовья с помощью штифтов. Штифты имелись на конце каждой лопасти «креста» и в центральной части бляхи. Они представляли собой бронзовую проволоку, продетую в отверстие и выходящую на лицевую сторону в виде кольца (или петли). На лицевой стороне эти петли были украшены напаянными бочонковидными бляшками с поперечным рифлением (дл. 0,7 см, шир. – 0,4 см) на окончаниях лопасти креста и круглой бляшкой в виде семилепестковой розетки в центральной части (описание см. № 26). Эти штифты проходили через ремни оголовья и загибались, прикрепляя к ним бляху. Ремни перекрещивались очень сложным способом (рис. 31, 1а, 2-4).

Непосредственно с оголовьем связаны две пары наконечников ремней.

23. Два наконечника ремня. Каждый состоит из двух прямоугольных пластин, соединенных одним штифтом с бочонковидной с рифлением шляпкой в верхней части и имеющим окончание в виде полумесяца. Лицевая пластина из серебра обтянута тонким серебряным листом с позолотой и украшена прочеканенным орнаментом в виде ложной зерни по периметру предмета и в виде полуovalов на прямоугольной части наконечника. Задняя пластина из серебра, она в нижней части отогнута от передней. В пространстве между пластинами имеются остатки кожи. Дл. – 7,5 см, шир. – 0,9-1 см, дм. полумесяца – 2,1 см (рис. 30, 2, 4).

24. Два наконечника ремня. Каждый состоит из двух прямоугольных пластин со скругленным нижним концом, соединенных одним штифтом с круглой бляшкой в верхней части. Лицевая пластина из серебра обтянута тонким серебряным листом с позолотой и украшена тисненым орнаментом в виде ложной зерни по периметру предмета и в виде продольного пояса в центральной части наконечника. Задняя пластина из серебра, она в одном случае отогнута в нижней части от передней, в другом соединена с ней. В пространстве между пластинами имеются остатки кожи. Дл. – 7,1 см, шир. – 1,1 см (рис. 30, 5; 31, 1б).

25. Ремни кожаные с бляхами из серебряной позолоченной фольги в виде птичьих головок (рис. 28, 8). Бляшки крепились с помощью штифтов. Дл. бляшки – 1 см (рис. 32, 1).

25а. Ремни кожаные с бляхами из позолоченной фольги (материал-основа пока не известна) в виде трехчастной пластины, крепившейся с помощью штифтов, имевших позолоченные округлые бляшки. Дл. бляхи – 3,6 см (рис. 32, 3).

25б. Обоймы (2 шт.) с круглым щитком из серебра с позолотой и круглорамчатой подвеской, имеющей утолщение в передней части рамки. Подвеска из железа, обтянута серебряным с позолотой листом. Дм. обоймы – 1,1 см, дм. подвески – 1,6 см (рис. 32, 2).

26. Бляшка из позолоченного серебра в виде семилепестковой розетки полусферической формы. Дм. – 1,7 см (рис. 28, 4).

27. Кинжал и нож в одних ножнах (рис. 61, 3). Кинжал железный с короткой подтреугольной ручкой (самый кончик обломан) и прямым перекрестьем, с одним слегка раскованным краем, так что раскованная лопасть параллельна длине кинжала. Клинок на 75% однолезвийный и на 25% обоюдоострый. И на клинке и на рукояти остатки дерева.

Общая дл. – 34 см, дл. клинка – 28 см, шир. клинка – 3,7 см, дл. перекрестья – 7,2 см, дл. рукояти – 5 см (рис. 26, 1). Ножны кинжала деревянные, с лицевой стороны покрыты каким-то раствором и выкрашены в красный цвет. Они прямоугольной со скругленным концом формы и с четырьмя выступами – двумя полукруглыми внизу ближе к острию и с двумя подпрямоугольными со скругленным одним углом у устья ножен. Нижние выступы покрывала серебряная, обтянутая золотым листом накладка. Устье с лицевой стороны и верхние выступы были покрыты серебряной с позолотой фигурной пластиной, края которой и сами выступы покрывались двумя подпрямоугольными со скругленным одним углом серебряными, обтянутыми золотым листом накладками. Накладки крепились на деревянную основу ножен с помощью серебряных штифтов. Дл. ножен не менее 26 см, шир. – 3,8 см. Размеры нижних накладок – 2,4-2,5×1,6-1,7 см. Размеры верхних накладок – 2,7×1,7-1,8 см. Окончание ножен украшено тремя маленькими полусферическими позолоченными накладками, дм. – 0,6 см. В ножнах кроме кинжала находился и нож, но установить его форму в настоящий момент затруднительно. Черенок его рукояти выступает над устьем ножен, и мы можем только сказать, что нож занимал положение между клинком кинжала и лицевой обкладкой ножен (рис. 26, 2).

Кроме того, в тайнике зафиксированы мелкие фрагменты золотой и серебряной фольги, а на предметах отмечен органический тлен коричневого цвета.

В заполнении входной ямы и камеры были обнаружены: две бляшки (№ 28), семь обоймиц (№ 29), два фрагмента ножей (№ 30), отдельные фрагменты двух сосудов, форма которых была восстановлена, красноглиняный сосуд (№ 31) и сероглиняная мисочка (№ 32).

28. Две бляшки из золотой фольги круглой формы с двумя отверстиями для нашивки. Дм. – 0,8 см (рис. 33, 3).

29. Семь обоймиц из золотой пластины ромбовидной формы, свернутой пополам так, что получился равнобедренный треугольник. На концах треугольников имеются отверстия, в которые вставлен золотой штифт. Дл. – 1,1-1,2 см, дл. штифта – 0,4-0,5 см, дм. сечения штифта – 0,1 см (рис. 33, 4).

30. Два фрагмента железных ножей. Крупный фрагмент – от ножа с прямым лезвием и горбатой спинкой, дл. – 8 см, шир. – 2,3 см (рис. 33, 5). На меньшем фрагменте имеется отверстие для крепления деревянной рукояти, дл. – 3,4 см, ширина – 1,9 см, дм. отверстия – 0,2 см (рис. 33, 5).

31. Сосуд красноглиняный со слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и плоским дном. Маленькая петлевидная ручка одним концом крепится на венчике, чуть возвышаясь над ним, другим – в верхней части тулова. В верхней части тулова имеется точечный орнамент в виде двух горизонтальных рядов. Выс. – 11,6 см, дм. венчика – 7,7 см, дм. тулова – 12,5 см, дм. дна – 6,6 см (рис. 33, 2; 65, 2).

32. Сероглиняная мисочка с усеченно-коническим туловом со слегка скругленными боками на небольшом кольцевом поддоне. В центре тулова – слегка заметный горизонтальный желобок. Выс. – 5,1 см, дм. венчика – 10,7 см, дм. дна – 7,3 см (рис. 33, 1).

Курган № 8 находится в 70 м к востоку от кургана №5 (рис. 1; 34).

В центре кургана на глубине -240 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы неправильной прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии С–Ю (рис. 34). Стены входной ямы почти вертикальные. Длина входной ямы по верхнему краю – 3,44 м, ширина у северной стены – 1,03 м, ширина у южной стены – 0,62 м. Для спуска в камеру во входной яме были

вырыты 6 ступеней, которые образовывали лестницу вдоль восточной стены. Верхняя ступень была частично разрушена и была зафиксирована на уровне -280, т.е. на 0,3 м ниже прослеженного в этом месте уровня входной ямы. Высота ступеней колеблется от 0,21 до 0,45 м.

Дно входной ямы понижается от южной стенки к камере, перепад уровней полов – 0,18 м. Длина входной ямы по дну – 3,5 м, ширина у южной стенки (между ступенями и западной стенкой) – 0,55 м, ширина у входа в камеру, т.е. у северной стенки – 1,17 м. Глубина входной ямы от ее прослеженного уровня около 2 м. В северной стенке входной ямы имелся дромос – вход в камеру. Свод дромоса слегка скруглен, а со стороны входной ямы он немного обрушен. Длина дромоса – 0,36 м, ширина – 0,52 м, высота – 0,37 м. Вход в камеру закрывался массивной каменной плитой, отодвинутой от входа грабителями и зафиксированной у восточной стенки. Плита неправильной овальной формы размером 0,76×0,79×0,18 м. Пол в дромосе горизонтальный.

При переходе в камеру имелась ступень высотой 0,22 м. Камера прямоугольной формы со скругленными углами была ориентирована длинной осью по линии В-3, т.е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Свод камеры имел наклонные стенки и плоский горизонтальный потолок длиной – 1,4 м, шириной – 0,15 м. Пол камеры горизонтальный. Длина камеры – 2,25 м, ширина – 0,92 м, высота – 1,72 м.

В заполнении входной ямы и камеры были обнаружены: биметаллическая накладка (№ 1), рамка бронзовой пряжки (№ 2), фрагменты бронзового предмета (№ 3), ножей (№ 4, 5), кувшина (№ 6).

1. Бронзовая накладка, покрытая с лицевой стороны тонким серебряным листом в форме двух соединенных спинками полумесяцев – большого и маленького. «Рога» полумесяцев развернуты в противоположные друг от друга стороны. Накладка крепилась, возможно, к кожаному ремню с помощью пяти заклепок – одной в центре предмета и по две на каждом «роге» накладки. Дл. – 3,4 см, шир. – 2,7 см (рис. 35, 5).

2. Рамка бронзовой пряжки (язычок утрачен?). Пряжка овально-рамчатая с утолщением в передней части рамки, сделана из круглого в сечении прута. Выс – 1,9 см, шир. – 1,7 см, дм. прута – 0,5 см (рис. 35, 1).

3. Фрагменты бронзового наконечника ремня прямоугольной формы. Наконечник состоял из двух пластин, соединенных двумя штифтами в верхней части, на что указывают два отверстия. На внешней стороне лицевой пластины имеется продольное ребро в центре. Шир. – 1 см, толщ. – 0,1 см (рис. 35, 2).

4. Фрагмент железного ножа с железной заклепкой. На поверхности имеются следы дерева от рукояти. Дл. – 3,8 см, шир. – 1,4 см (рис. 35, 3).

5. Фрагмент железного черешкового кинжала с прямым перекрестьем. На поверхности клинка имеются остатки дерева от ножен. Дл. фрагмента – 7,2 см, шир. клинка – 2,8 см, шир. перекрестья – 1 см (рис. 35, 4).

6. Кувшин сероглиняный гончарный. Горло широкое в виде небольшого раструба. Переход от горла к тулову выражен в виде уступа. Тулово округлое. На тулове имеются горизонтальные каннелюры. Дно плоское. Петлевидная ручка одним концом крепится в верхней части тулова, другим – у венчика, причем верхний край ручки выше края венчика. Кроме того, верхний край ручки уплощен, т.е. выглядит как горизонтальная площадка и покрыт пролощенными полосками. Ручка слегка сужается сверху вниз, на ней имеются две вертикальные глубокие бороздки. Выс. – 15,6 см, диаметр венчика – 12,6 см, дм. горла – 10,5 см, дм. тулова – 16 см, дм. дна – 8 см, выс. горла – 6 см, дл. ручки – 9 см (рис. 35, 6; 65, 5).

Курган № 9 находился к ЮВВ от курганов 1-8, непосредственно за трассой Владикавказ – Ростов (рис. 1; 36).

В центре кургана на глубине -200 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 36). Длина входной ямы по верхнему краю (на глубине -205-208 см от репера) – 7,48 м, ширина – 0,9-1 м. Стенки входной ямы наклонны. Для спуска в камеру во всю ширину входной ямы было вырыто 12 ступеней. Высота ступеней колеблется от 0,1 до 0,25 м. Длина входной ямы по дну (от последней ступеньки до входа в камеру) – 3,67 м, ширина – 0,65-1,05 м. Дно входной ямы плавно понижается, переходя в дно камеры. Максимальная глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 2,8 м. В заполнении входной ямы в центральной ее части на расстоянии 2,9 м от ЮЮВ стенки зафиксировано скопление гальки.

Галька обнаружена на глубине ок. -380 см от репера, толщина скопления ок. 0,45 м, длина – ок. 1,45 м. В заполнении грабительской ямы на глубине -442 см от репера обнаружен крупный фрагмент каменной плиты, закрывавшей вход в камеру, размером 0,53x0,3x0,03-0,07 м. Для удобства спуска в погребение грабителями в стенках входной ямы были вырублены ступеньки-уступы. В ССЗ стене – один уступ, на расстоянии ок. 0,9 м от ССЗ стены в восточной стене три уступа и в западной стене два.

В ССЗ стенке входной ямы находился дромос – вход в камеру, длиной ок. 0,5 м, шириной – 0,65 м, высотой ок. 0,45 м. Форма свода дромоса – полуовальная. В камеру вела ступенька высотой 0,54 м. Дно камеры практически горизонтальное. Глубина дна – -545 см от репера. Свод камеры стрельчатый, он хорошо сохранился в верхней части. В придонной части стенки обрушены, так как на этом уровне проходила песчаная линза, из-за чего точные контуры камеры по дну установить не удалось, и на чертежах приводится их реконструкция. Камера прямоугольной в плане формы длиной – 2,64 м, шириной – 1,25 м, высотой – 1,98 м, ориентирована длинной осью по линии СВВ-ЮЗЗ, т.е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. На дне и в заполнении камеры были обнаружены разрозненные мелкие фрагменты костей человеческого скелета. В заполнении в придонной части камеры были обнаружены предметы погребального инвентаря (№ 1-5). В камере у стены слева от входа стояла каменная плита. Она являлась фрагментом плиты от заклада входа и по линии облома соединялась с плитой из входной ямы. Размеры плиты целиком – 0,9x0,63x0,03-0,07 м.

1. Обойма серебряная круглорамчатая с утолщением в передней части рамки. Узкую сторону рамки охватывает кольцом длинная прямоугольная пластина, далее соединенная и пропущенная через диск с прорезью в центральной части и с отогнутыми концами. Дм. рамки – 2 см, шир. пластины – 0,4 см, дм. диска – 1 см (рис. 37, 1; 64, 4).

2. Фрагмент треугольной формы тонкого стеклянного прозрачного сосуда зеленого цвета. Разм. 0,22x0,18 см. (рис. 37, 2).

3. Фрагмент венчика керамического сероглиняного сосуда. Дл. – 4,2 см (рис. 37, 3).

4. Пряжка овально-рамчатая железная без язычка из круглого в сечении прута. Дл. – 5 см, шир. – 3 см, дм. прута – 0,8 см (рис. 37, 4).

5. Фрагменты железных предметов (рис. 37, 5, 6).

Курган № 10 находился в 110 м к СЗЗ от кургана № 9 (рис. 1; 38).

В центре кургана на глубине -186-190 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоуголь-

ной формы, ориентированную длинной осью по линии СВ-ЮЗ (рис.38). Длина входной ямы по верхнему краю – 2,85 м, ширина – 0,4-0,7 м. Стенки входной ямы наклонны, так что яма слегка сужается ко дну в юго-западной ее части и расширяется в северо-восточной. Во входной яме было вырыто 7 ступеней, образующих лестницу, примыкающую к западной ее стене. Высота ступеней колеблется от 0,15 до 0,46 м. Кроме того, справа от лестницы, на расстоянии 0,2 м от противоположной от входа в камеру стенки была сделана еще одна покатая ступень высотой 0,08 м. Длина входной ямы по дну (от покатой ступеньки до входа в камеру) – 2,38 м, ширина – 0,28-0,85 м. Дно входной ямы плавно понижается, переходя в дно дромоса. Максимальная глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 3,5 м.

В заполнении входной ямы в центральной ее части на расстоянии 0,65 м от СВ стенки на глубине -395–415 см от репера зафиксирована каменная плита, закрывавшая вход в камеру, размером 0,73×0,46×0,05-0,11 м. Для удобства спуска в погребение грабителями в боковых стенках входной ямы в 0,8 м от входа в камеру были вырублены ступеньки-уступы. В ЮВ стене – четыре уступа и в СЗ стене три уступа. На дне и в заполнении придонной части входной ямы у входа был зафиксирован древесный уголь. Кроме того, у входа на дне найдено два фрагмента стеклянного кубка (№ 1), а под каменной плитой фрагмент железного меча (№ 3).

В СВ стенке входной ямы находился дромос – вход в камеру, длиной около 0,55 м, шириной – 0,6 м, высотой ок. 0,6 м. Форма дромоса полуовальная, он был смещен к правой от входа стене так, что понизу стена дромоса являлась продолжением этой стены входной ямы. В камеру вела ступенька высотой 0,18 м. Дно камеры практически горизонтальное. Глубина дна – -458 см от репера. Свод камеры усеченно-стрельчатый, он хорошо сохранился в верхней части. В придонной части стенки обрушены, так как на этом уровне проходила песчаная линза, из-за чего точные контуры камеры по дну установить не удалось, и на чертежах приводится их реконструкция. Камера неправильной трапециевидной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Длина камеры 2,3 м, шир. – 3,5 м, выс. – 1,8 м. Длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны. На дне и в заполнении камеры были обнаружены разрозненные мелкие фрагменты костей человеческого скелета. В заполнении в придонной части камеры у входа была обнаружена сероглиняная миска (№ 2), рядом с которой и кое-где на дне зафиксирован древесный уголь. Кроме того, в заполнении были найдены: сероглиняная кружка во фрагментах (№ 4), золотая серьга (№ 5), фрагмент керамического сосуда (№ 6) и два фрагмента застежки фибулы (№ 7).

1. Фрагменты тонкостенного стеклянного прозрачного сосуда светло-зеленого цвета с синим налетом (рис. 39, 2).

2. Миска сероглиняная гончарная с загнутым внутрь краем, плоским дном и коническим туловом. Выс. – 5,5 см, дм. края – 13 см, дм тулова – 15 см, дм. дна – 7,3 см (рис. 39, 7).

3. Фрагмент железного предмета, скорее всего меча. Дл. – 7 см, шир. – 4,2 см (рис. 39, 3).

4. Кружка сероглиняная гончарная с коническим горлом без выделенного венчика, приземистым округлым туловом и плоским дном. При переходе от горла к тулову имеется орнамент в виде насечек. Петлевидная ручка крепится в верхней части тулова. Выс. – 8,5 см, дм. края – 6,8 см, дм. тулова – 11,6 см, дм. дна – 6 см (рис. 39, 5).

5. Серьга золотая в виде несомкнутого кольца с 14-гранной бусиной на одном из концов, сделана из круглого в сечении прута. Дм. серьги – 2 см, дм. прута – 0,2 см (рис. 39, 1; 64, 10).

6. Фрагмент донца плоскодонного сероглиняного сосуда. Дл. фрагмента – 7 см (рис. 39, 6).

7. Два фрагмента застежки бронзовой фибулы или броши (рис. 39, 4).

Курган № 11 находился в 100 м к западу от кургана № 9 и содержал одно катакомбное (погр. № 1) и одно подбойное (погр. № 2) захоронения (рис. 1; 40). Поскольку подбой (погр. № 2) находился в 7 м к востоку от центра кургана и был перекрыт не реально прослеженной насыпью, а слоем естественного ее разрушения, невозможно точно определить, сооружалась ли насыпь не только для катакомбы, но также и для подбоя. Поэтому погр. № 2 отнесено к кургану 11 условно.

Погребение № 1. В центре кургана на глубине -176 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии СВ-ЮЗ (рис. 40). Длина входной ямы по верхнему краю – 3,67 м, ширина – 0,5-0,68 м. Стенки входной ямы наклонны. Во всю ширину входной ямы были вырыты 7 ступеней, высота которых от 0,16 до 0,42 м. Длина входной ямы по дну (от последней ступеньки до входа в камеру) – 2,57 м, ширина – 0,51-0,77 м.

Грабительская воронка, зафиксированная в СВ части входной ямы, разрушила по верхнему краю СЗ стенку входной ямы. В заполнении грабительской ямы на глубине -302–329 см от репера обнаружена каменная плита, закрывавшая вход в камеру, размером 0,68×0,55×0,05 м (рис. 40). Для удобства спуска в погребение грабителями в боковых стенках входной ямы были вырублены ступеньки-уступы. В СЗ стене на расстоянии ок. 0,85 м от СВ стены – один уступ, в ЮВ стене два уступа (рис. 40).

Дно входной ямы плавно понижается к СВ стенке входной ямы, в которой имеется дромос – вход в камеру. Дно дромоса выше дна входной ямы на 0,24 м. Максимальная глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 3,4 м. Дромос со стороны камеры частично был разрушен, но по сохранившимся боковым остаткам можно реконструировать его длину. Длина дромоса – 0,7 м, ширина – 0,55-0,7 м, высота – 0,6 м. Форма свода дромоса полуовальная. В камеру вела ступенька высотой 0,5 м. Дно камеры практически горизонтальное. Свод камеры стрельчатый, он хорошо сохранился в верхней части. В придонной части стенки обрушены, так как на этом уровне проходила песчаная линза, из-за чего точные контуры камеры по дну установить не удалось, и на чертежах приводится их реконструкция. Камера прямоугольной в плане формы ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, т.е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Длина камеры – 2,75 м, шир. – 1,5 м, высота – 1,7 м. На дне и в заполнении камеры были обнаружены разрозненные мелкие фрагменты костей человеческого скелета. В заполнении в придонной части камеры были обнаружены предметы погребального инвентаря (№ 1-4).

1. Пряжка серебряная с щитком круглорамчатая с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток серебряный квадратной формы, лицевая сторона покрыта золотой фольгой и украшена пятью гранатовыми вставками. В центре щитка – ромбовидная вставка, а по ее бокам четыре треугольные вставки. Край щитка украшен двумя рядами скани. Дм. пряжки – 2,1 см, дл. щитка – 1,8 см (рис. 41, 2; 64, 5).

2. Накладка золотая, прямоугольной формы с прочеканенным геометрическим орнаментом. Конец накладки обломан. Сохранившаяся дл. – 5,7 см, шир. – 0,9 см (рис. 41, 1; 64, 7).

3. Фрагменты стеклянного прозрачного сосуда светло-зеленого цвета с синим налетом. Донце и большая часть тулова не сохранились. По всей видимости, он представлял собой кубок с выделенным венчиком коническим туловом и утолщениями-налепами в верхней части тулова. Сохранившаяся выс. – 13,5 см, дм. венчика – 11 см (рис. 41, 3; 64, 6).

4. Фрагменты крупного керамического сосуда без профильных частей. Форма не восстанавливается.

Погребение № 2 было зафиксировано в 7 м востоку от центра кургана (рис. 40). Оно было обнаружено по еле заметному пятну могильной ямы серо-желтого цвета. Выборка грунта по пятну выявила входную яму подбоя прямоугольной формы, ориентированную по линии С–Ю. Длина входной ямы 2,4 м, ширина – ок. 0,6 м, глубина от уровня зачистки – 0,18 м, глубина от репера -183 см. Камера подбоя примыкала к входной яме с запада и была отделена ступенькой высотой 0,18 м. Заклада, закрывавшего вход в камеру, обнаружено не было. Камера была прямоугольной формы и ориентирована по линии С–Ю, т.е. длинные оси входной ямы и камеры параллельны. Камера была меньше входной ямы и несколько смещена к северу. Длина камеры 2,1 м, ширина – ок. 0,58 м, глубина от репера -201 см. Дно камеры слегка повышается к северу, где имеет отметку -195 см от репера. Свод камеры не сохранился. На дне камеры вдоль ее длинной оси, головой на север, лежал костяк взрослого человека, вытянутого на спине. Руки и ноги были вытянуты, кисть левой руки у левой бедренной кости, кости правого предплечья частично под крылом таза, а кисть правой руки частично под правым бедром. Череп – прямо на основании. Под левой кистью и под бедренными костями прослежен органический тлен темно-коричневого цвета. В северо-восточном углу камеры на дне стоял сероглиняный кувшинчик (№ 1).

1. Кувшин сероглиняный гончарный с горлом в виде раструба, приземистым округлым туловом и слегка вогнутым дном. На тулове имеются пролощенные вертикальные каннелюры. Петлевидная ручка одним концом крепится на венчике, другим – в верхней части тулова. Выс. – 11,2 см, дм. венчика – 7,3 см, дм. тулова – 9,8 см, дм. дна – 5,4 см (рис. 41, 4).

Курган № 12 находился в 100 м к северу от кургана 2 (рис. 1; 42).

В центре кургана на глубине -183–192 см от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 42). Длина входной ямы по верхнему краю (на глубине -205–208 см от репера) – 3,63 м, ширина – 0,57–0,87 м. Стенки входной ямы наклонны, так что яма слегка расширяется ко дну. Во всю ширину входной ямы было вырыто 10 ступеней. Высота ступеней колеблется от 0,15 до 0,28 м. Длина входной ямы по дну (от последней ступеньки до входа в камеру) – 2,9 м, ширина – 0,76–0,97 м. Дно входной ямы слегка понижается от последней ступеньки до входа в камеру. Максимальная глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 2 м.

Грабительская яма зафиксирована в большей части входной ямы, за исключением небольшого пространства (длиной около 0,8 м) в ЮЮВ секторе входной ямы. В заполнении грабительской ямы около входа в камеру на глубине -325 и -350 см от репера обнаружены две крупные каменные плиты, закрывавшие вход в камеру. Одна из них имела неправильную прямоугольную форму размером 0,53×0,47×0,05 м, другая – неправильную трапециевидную форму, размером – 0,5×0,33×0,05 м. Для удобства спуска в погребение грабителями в центральной части ССВ стенки входной ямы была вырублена ступенька-уступ.

В ССЗ стенке входной ямы находился дромос длиной ок. 0,45 м, шириной 0,6 м со стороны входной ямы и 0,85 м со стороны камеры, высотой ок. 0,65 м. Форма свода дромоса – полуовальная. В камеру вела ступенька высотой 0,18 м. Камера прямоугольной в плане формы, длиной 2,44 м, шириной 1,56 м, ориентирована длинной осью по линии СВВ–ЮЗЗ, т.е. перпендикулярно длинной оси входной ямы. Справа от входа, в восточном углу камеры имелось возвышение прямоугольной формы. Длина возвышения 0,6 м, шир. – 0,48 м, выс. – ок. 0,1 м. Дно камеры слегка повышается к противоположной и к левой от входа стенкам. Свод камеры обрушен. Сохранились только стенки

в придонной части. Боковые и противоположная от входа стенки наклонные. На дне и в заполнении камеры были обнаружены разрозненные мелкие фрагменты костей человеческого скелета. В заполнении входной ямы найдена бусина (№ 14). В заполнении в придонной части камеры и на дне ее были обнаружены предметы погребального инвентаря (№ 1-15) и кость животного, скорее всего барана.

Наконечник ремня серебряный, состоящий из двух прямоугольных пластин со скругленной нижней частью. Они приварены в нижней части между собой. В верхней части, куда между ними вставлялся ремень, имеется штифт для крепления. Лицевая пластина покрыта золотой фольгой⁴, украшенной штампованным орнаментом в виде ложной скани (рис. 43, 1; 66, 4).

Накладки (2 шт.) серебряные в виде полумесяца – «лунницы», лицевая сторона покрыта золотой фольгой, и имеются три округлые шляпки от штифтов, прикрепляющих их к кожаному ремню. На каждой накладке отсутствует по одной шляпке. Дл. – 2,9 см (рис. 43, 4; 66, 6).

Пряжка серебряная со щитком круглорамчатая с утолщением в передней части рамки и хоботковидным язычком. Щиток серебряный овальной формы, лицевая сторона покрыта золотой фольгой и украшена сердоликовой вставкой, окаймленной пояском из ложной зерни (штамповка). Дм. пряжки – 1,8 см, шир. щитка – 1,3 см (рис. 43, 2; 66, 5).

Подвеска серебряная грушевидной формы, лицевая сторона покрыта золотой фольгой и украшена прочеканенным чешуйчатым и точечным орнаментом. В верхней части подвески имеется отверстие, в которое продета серебряная петля, расплющенная с лицевой стороны и имеющая отверстие, через которое проходил штифт, соединенный с другим концом петли и имевший округлую позолоченную шляпку. Выс. подвески – 2,4 см, шир. – 2 см, дл. петли – 1,4 см (рис. 43, 3; 66, 1).

Фрагмент серебряного предмета в виде кусочка рваной фольги. Дл. – 2,1 см (рис. 43, 9).

Фрагменты серебряного наконечника ремня прямоугольной формы с одним скругленным краем концом. Дл. – 4,7 см, шир. – 1 см (рис. 43, 5).

Фрагменты (3 шт.) железного предмета, видимо ножа. Дл. – 2,4 см, 1,7 см, 2 см, шир. – 1,4-1,6 см (рис. 43, 10).

Фрагмент сероглиняной гончарной кружки. Венчик слегка отогнут, тулово округлое. Выс. фрагмента – 6 см, выс. венчика – 2 см (рис. 43, 11).

Подвеска стеклянная калачевидная светло-зеленого цвета прозрачная. Выс. – 1 см, шир. – 1,5х9,5 см, дм. отверстия – 0,2 см (рис. 43, 13).

Фрагмент серебряного наконечника ремня прямоугольной формы. Шир. – 1 см (рис. 43, 6; 66, 2).

Фрагменты (2 шт.) серебряного наконечника ремня прямоугольной формы. Шир. – 0,8 см (рис. 43, 7).

Заклепка серебряная бочонковидной формы с поперечным рифлением. Дл. – 0,8 см, шир. – 0,6 см (рис. 43, 8).

Бусина стеклянная синего цвета круглая кольцевидная с широким каналом отверстия. Поверхность изъедена. Дл. – 0,8 см, дм. – 1,2 см, дм. отверстия – 0,6-0,8 см (рис. 43, 14; 66, 3).

Бусина круглая кольцевидная с широким каналом отверстия розово-бежевого цвета. Материал не определен. Дл. – 0,5 м, дм. – 1,8 см, дм. отверстия – 0,7 см (рис. 43, 15).

⁴ В данном описании о предметах № 1-4 говорится, что они покрыты золотой фольгой, однако это только визуальное наблюдение, а не заключение специалиста-пробирера. В равной мере фольга может быть серебряная с позолотой.

Фрагмент ножа железного. Дл. – 4,6 см, шир. – 2 см (рис. 43, 12).

Курган № 13 находился в 20 м к СЗ от кургана 2 (рис. 1; 44).

В центре кургана на глубине -207–222 см от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии СВВ-ЮЗЗ (рис. 44). Длина входной ямы по верхнему краю – 2,85 м, ширина – 0,32-0,85 м. Стенки входной ямы почти вертикальные. Во входной яме были вырыты 6 ступеней, образующие лестницу, примыкающую к ССЗ ее стене. Высота ступеней колеблется от 0,08 до 0,5 м. Длина входной ямы по дну 2,7 м, ширина – 0,28-0,98 м. Дно входной ямы плавно понижается к входу в камеру. Максимальная глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 1,6 м.

Грабительская воронка, зафиксированная в СВВ половине входной ямы по верхнему краю, разрушила боковые стенки входной ямы. В заполнении входной ямы у дна в северном углу на глубине -344–363 см от репера зафиксирована каменная плита, закрывавшая вход в камеру, размером 0,4×0,25×0,05-0,8 м (рис. 44).

В СВВ стенке входной ямы находился дромос длиной ок. 0,19-0,22 м, шириной 0,5-0,55 м, высотой ок. 0,5 м. Дромос имел скругленную форму свода. В камеру вела ступенька высотой 0,68 м. Ступенька наклонная, так что она как бы нависает над дном камеры. Камера прямоугольной в плане формы длиной 2,13 м и шириной 1,55 м, была ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Длинные оси входной ямы и камеры расположены под углом друг к другу, почти перпендикулярны. Дно камеры почти горизонтальное. Свод камеры обрушен. Заполнение камеры представляло собой следующее: на дне практически по всей камере прослежен слой древесного угля мощностью от 1 до 4 см; на нем располагался слой затечного желтого заполнения мощностью от 2 до 4 см по всей камере и до 6 см в центре и у входа; далее прослежен еще один слой угля мощностью до 5 см, на котором зафиксировано затечное заполнение желтого и черного цвета мощностью ок. 20-25 см; далее прослежены слои материковой глины от рухнувшего свода. В заполнении в центральной части камеры на глубине -403–409 см от репера была обнаружена каменная плита неправильной формы, закрывавшая вход в камеру (0,46×0,46×0,12 м). Рядом с ней, но ближе к противоположной от входа стене на глубине -394–411 см от репера найдена еще одна плита (0,43×0,31×0,06 м). На дне и в заполнении придонной части камеры были обнаружены разрозненные мелкие фрагменты костей человеческого скелета и остатки погребального инвентаря (№ 1-12).

1. Бусина стеклянная желтого цвета непрозрачная приземистой бочонковидной формы с продольным каналом отверстия. Дл. – 1 см, дм. – 1,4 см, дм. отверстия – 0,4 см (рис. 45, 8).

2. Бусина янтарная красно-коричневого цвета непрозрачная усеченно-округлой формы с продольным каналом отверстия. Дл. – 0,7 см, дм. – 1,4 см, дм. отверстия – 0,3 см (рис. 45, 12).

3. Бусина каменная коричнево-белого цвета непрозрачная усеченно-конической формы с продольным каналом отверстия. Дл. – 2,2 см, дм. – 0,8×1,1 см, дм. отверстия – 0,2 см (рис. 45, 13).

4. Бусина синего стекла бочонковидной формы глазчатая, глазки – синие с белым ободком с продольным каналом отверстия. Синий слой полупрозрачный, глазки непрозрачные. Дл. – 1,3 см, дм. – 1,4 см, дм. отверстия – 0,6 см (рис. 45, 11).

5. Изделие из золота в виде невысокого цилиндрика с петелькой на тыльной стороне и со вставкой глухого голубоватого стекла, зажатой в каст на лицевой. Напоминает пуговицу. Дм. – 0,6 см, выс. – 0,5 см (рис. 45, 4; 64, 8).

6. Наконечник ремня серебряный состоит из двух прямоугольной формы пластин со скругленным нижним концом. В нижней части пластины спаяны между собой, в верхней части соединены штифтом. Лицевая сторона украшена шестью прочеканенными полукружьями. Дл. – 4 см, шир. – 0,8 см (рис. 45, 5; 64, 9).

7. Фибула серебряная, с пружиной и осью пружины из разных бронзовых сплавов, двучленная лучковая, с округлой в сечении спинкой, раскованной и слегка расширяющейся к концу ножкой, с широким кольцом для крепления оси пружины, образованным раскованной и загнутой вперед частью корпуса, пружина в 4 оборота. Дл. – 3 см, шир. – 1,1 см, дм. сечения спинки – 0,2 см, дл. ножки – 1,2 см, шир. ножки – 0,3 см (рис. 45, 2; 64, 2).

Фибула серебряная, двучленная прогнутая подвязная, с овальной спинкой (ее края чуть толще, чем центральная часть) и зауженной ножкой, с нешироким кольцом для крепления оси пружины, образованным загнутой вперед частью корпуса, пружина в 4 оборота. Длина – 3,3 см, шир. – 1,3 см, шир. спинки – 0,5 см, дл. ножки – 1,4 см, шир. ножки – 0,3 см (рис. 45, 3; 64, 1).

8. Фибула серебряная, двучленная прогнутая подвязная, с овальной спинкой (ее края чуть толще, чем центральная часть) и зауженной ножкой, с нешироким кольцом для крепления оси пружины, образованным загнутой вперед частью корпуса, пружина в 4 оборота. Длина – 3,3 см, шир. – 1,3 см, шир. спинки – 0,5 см, дл. ножки – 1,4 см, шир. ножки – 0,3 см (рис. 45, 3; 64, 1).

9. Предмет из мела в виде параллелепипеда. Размеры – 3,2х3,3х 2,2 см (рис. 45, 1).

10. Бусы и пронизи стеклянные непрозрачные. Бусы (13 шт.) бочонковидной формы белого цвета с продольным каналом отверстия. Дл. – 0,3-0,6 см, дм. – 0,3-0,8 см, дм. отверстия – 0,1-0,2 см (рис. 45, 9, 10). Пронизи (3 шт.) голубого цвета цилиндрические с продольным каналом отверстия. Дл. – 0, 2, 0,7, 1 см, дм. – 0,3, дм. отверстия – 0,1 см (рис. 45, 10а).

11-12. Пряжки (2 шт.) серебряные овально-рамчатые с утолщением в передней части рамок и подвижными хоботковидными язычками. Дл. рамки – 1,6 см, шир. рамки – 1,3 см, дл. язычка – 1,8 см (рис. 45, 6, 7; 64, 3).

Курган № 14 находился в 100 м к югу от кургана 13 (рис. 1; 46).

В центре кургана на глубине -212–224 от его вершины (R-0) было зафиксировано пятно могильной ямы. Выборка грунта выявила входную яму катакомбы вытянутой прямоугольной формы, ориентированную длинной осью по линии С-Ю с небольшим отклонением к западу (рис. 46). Длина входной ямы по верхнему краю – 2,67 м, ширина – 0,6-0,77 м. Стенки входной ямы наклонны, так что яма слегка расширяется ко дну. Для спуска в камеру во входной яме были вырыты ступеньки (всего их 6), образующие лестницу достаточно сложной конфигурации. Четыре ступени примыкали к западной стене входной ямы. К этому ряду ступеней с востока, между третьей и четвертой ступенями (если считать сверху) примыкала еще одна ступень, а последняя, самая нижняя ступень занимала пространство между четвертой ступенью и восточной стенкой. Высота ступеней колеблется от 0,1 до 0,48 м. Длина входной ямы по дну – ок. 2,3 м, ширина – 0,7-0,9 м. Дно входной ямы плавно понижается, переходя в дно дромоса, имеющего наклон в сторону камеры. Глубина входной ямы от уровня зачистки ок. 1,6 м. Грабительская воронка зафиксирована

в северной части входной ямы. Во входной яме, в углу справа от входа в камеру зафиксирована каменная плита, закрывавшая вход в нее, размером 0,63×0,5×0,1 м.

В северной стенке входной ямы находился дромос длиной ок. 0,3-0,48 м (восточная стенка длиннее западной), шириной 0,51-0,65 м (со стороны камеры дромос шире, чем со стороны входной ямы), высотой около 0,45 м. Форма дромоса – полуовальная. На дне дромоса найден фрагмент серебряного наконечника ремня (№ 7). В камеру вела ступенька высотой 0,66 м. Камера прямоугольной в плане формы размерами 2,65×1,55 м, ориентирована длинной осью по линии СВВ-ЮЗЗ. Длинные оси входной ямы и камеры расположены под углом, почти перпендикулярны. Дно камеры слегка понижается от входа во все стороны. Вдоль боковых стен камеры, во всю их длину были вырублены уступы шириной 0,27 м левый и 0,32 м правый, высотой ок. 0,1 м. Свод камеры в центральной части обрушен, но его можно восстановить по ССВ боковой стенке. Свод стрельчатый, высотой ок. 1,3 м. На дне и в заполнении камеры у боковых стен были обнаружены разрозненные длинные кости человеческого скелета. В заполнении в придонной части и на дне камеры были обнаружены остатки погребального инвентаря (№ 1-6, 8-11).

1. Бляшки из золотой фольги круглые (3 шт.) со штампованным орнаментом и тремя дырочками для нашивки. Дм. – 1 см (рис. 47, 9).

2. Бляшка из золотой фольги в виде равностороннего треугольника, где по углам имеются отверстия для нашивки. По краю имеется тиснение в виде ложной зерни, центральная часть в виде пирамиды. Дл. – 1,4 см (рис. 47, 2).

3. Бляшка золотая в виде буквы М с пятью отверстиями для нашивки, дл. – 2,9 см, шир. – 1,4 см (рис. 47, 6).

4. Бляшка серебряная клювовидная. Дл. – 1 см, шир. – 0,6 см (рис. 47, 8).

5. Бляшка золотая бочонковидная с поперечным рифлением, Дл. – 0,9 см, шир. – 0,5 см (рис. 47, 3).

6. Накладка серебряная в форме равностороннего треугольника, сделана из свернутой пополам ромбовидной пластины и имеет отверстия на одном конце. Дл. – 1,3 см (рис. 47, 7).

7. Фрагмент серебряного наконечника ремня прямоугольной формы с одним скругленным концом. Дл. – 2,2 см, шир. – 0,8 см (рис. 47, 5).

8. Обойма серебряная фигурная, свернутая из тонкой фольги в несомкнутую треугольную в сечении трубку. Дл. – 0,8 см, шир. – 0,6 см (рис. 47, 4).

9. Фрагменты серебряного предмета в виде пластины неправильной прямоугольной формы. Дл. – 3,8 см, шир. – 1 см (рис. 47, 1).

10. Фрагменты двух железных предметов. Один из них в виде фрагментированного кольца, сделанного из круглого в сечении прута (дм. – 2,3 см, дм. сечения прута – 0,6 см; рис. 47, 10), второй – бесформенный обломок предмета непонятного назначения (дл. – 1,8 см, шир. – 1,5 см; рис. 47, 11) с продольным каналом отверстия.

11. Бусы стеклянные непрозрачные с продольным каналом отверстия (5 шт.): три ребристые округлые, в ребрах декор, тулово голубое, декор белый и две гладкие округлые, одна – желтая, одна – сиреневая. Дл. – 0,3-0,4 см, дм. – 0,4-0,6 см, дм. отверстия – 0,1-0,2 см (рис. 47, 12).

Глава 2

Погребальный обряд

За период трех полевых сезонов (1989, 1990, 2004 гг.) на окраине села Брут было раскопано 13 (№ 2-14) курганов аланского времени. Этот памятник, как отмечалось, получил наименование Брут 1 и расположен к юго-юго-востоку от Брутского городища приблизительно в 3,5 км от раскопанного в 2002-2003 гг. участка могильника Брут 2. Все курганы могильника Брут 1 содержали основные катакомбные погребения, располагавшиеся под насыпями в центре курганов. В кургане № 11 кроме катакомбы (погребение № 1) был обнаружен и подбой (погребение № 2, рис. 40). Как было сказано выше, определить, принадлежал ли подбой этому кургану, невозможно. Поскольку выше уже было дано описание этого погребального сооружения, повторять его здесь не имеет смысла. Хотелось бы отметить, что сосуд, найденный в подбое, как это будет показано ниже, датируется кон. IV – 1-й пол. V в., т.е. временем существования могильника Брут 1, и погребения 1 и 2 могут быть синхронными. Что касается самого подбоя, то эта форма погребального сооружения, в отличие от предшествующей сарматской эпохи, в рассматриваемое гуннское время чрезвычайно редка. И.П. Засецкая, проанализировав все комплексы южнорусских степей гуннского времени, выделила только две могилы, безусловно являющиеся подбоями (г. Покровск, кург.36/2, урочище Кубей), и одну из Зеленокумска, отнесенную к ним с определенной долей вероятности [Засецкая, 1994, с. 18, 19, 198]. В центральных же районах Северного Кавказа, т.е. на территории распространения аланской культуры в рассматриваемое время, эта форма погребального сооружения неизвестна, и дать ей культурную атрибуцию пока невозможно.

Кроме одного подбоя, как отмечалось, все остальные погребения были совершены в катакомбах. Я неоднократно высказывался по вопросам о генезисе этой формы погребального сооружения в Центральном Предкавказье [Габуев, 1988; 1997; Габуев, Малашев, 2009] и ниже кратко коснусь их вновь.

На протяжении многих десятилетий общепринятой являлась точка зрения ученых, по которой аланы впервые появляются на Северном Кавказе в I в. н.э., принеся с собой обряд захоронения в катакомбе. В дальнейшем, в связи с раскопками грунтовых катакомбных могильников, таких как Нижний Джулат [Абрамова, 1972] и Чегем 2 [Керефов, 1985], датирующихся со II в. до н.э., завязалась дискуссия по вопросу о генезисе катакомбного обряда погребения. В ней наметились две основные точки зрения: первая – раннеаланские подкурганые катакомбы были принесены на Северный Кавказ мигрантами-аланами (Т.А. Габуев), вторая – этот обряд складывался под воздействием северокавказской катакомбы, производной от вышеуказанных грунтовых могильников и курганной насыпи, принесенной степняками-аланами (М.П. Абрамова, В.Ю. Малашев). Если при этом М.П. Абрамова говорит о носителях позднесарматской культуры [Абрамова, 1993, с. 188], то В.Ю. Малашев указывает на степное население среднесарматского времени [Малашев, 2007, с. 494]. В связи с раскопками на могильнике Брут 2 в 2002-2003 гг., содержащем как катакомбы подкурганые с ровиками, так и катакомбы грунтовые, кое в чем мои взгляды изменились, но в основном остались прежними.

Как и прежде, я связываю появление катакомбного обряда погребения как такового в сарматское время в Центральном Предкавказье с проникновением ираноязычных кочевни-

ков, скорее всего сираков. Эти кочевники принесли в Предкавказье впускные катакомбы, у которых длинные оси входной ямы и камеры лежат на одной прямой (тип II по К.Ф. Смирнову). Они датируются III-I вв. до н.э. Их следует рассматривать как «импульс», приведший к появлению грунтовых катакомбных могильников в предгорной зоне Центрального Предкавказья. К ним относятся могильники Нижний Джулат, Чегем II в Кабарде и пока неопубликованный курган-кладбище у с. Заманкул в Северной Осетии [Ростунов, 1993; 1994]. Во всех трех могильниках катакомбы этой конструкции датируются последними веками до н.э., сосуществуя с другими формами катакомб и грунтовыми ямами, но прекращают свое существование, как и сам могильник Заманкул, около рубежа эр. На могильниках же Нижний Джулат и Чегем II с I в. н.э. реализуется только признак «перпендикулярных осей». Констатируя это, я до некоторой степени отступаю от своей предыдущей трактовки в характеристике катакомб грунтовых могильников как достаточно аморфного массива. При этом я солидаризируюсь с М.П. Абрамовой [Абрамова, 1988, с. 32] и В.Ю. Малашевым [Малашев, 2007, с. 491] в утверждении, что катакомбы с перпендикулярным соотношением осей после рубежа н.э. становятся для данных территорий господствующими.

Ключевым вопросом для нашей темы является интерпретация основных подкурганых катакомб, появившихся в Центральном Предкавказье во II в. н.э. и просуществовавших в основной своей массе до V в. включительно. Первоначально мы имели в наличии только подкурганные без ровиков катакомбы из района Среднего Затеречья, причем из северной его части – Алхан-Кала [Нечаева, 1956], Братское [Мунчаев, 1965], Октябрьское [Абрамова, 1975], Виноградная [Габуев, 1985], и датировались они в основной своей массе (за исключением нескольких ранних погребений из Алхан-Калы) со второй половины III по IV в. н.э. включительно, сюда же относятся и курганы V в. у села Брут (Брут 1). Эти катакомбы я рассматривал как наиболее ранние памятники алан на Северном Кавказе, не связанные с катакомбами грунтовых могильников, но имевшие генетическое родство с катакомбами Раннего Средневековья [Габуев, 1997, с. 80]. Если в ранних своих работах я говорил о существенных отличиях подкурганых катакомб от катакомб ранних грунтовых могильников, то сейчас, с появлением целого пласта ранних катакомб (со 2-й пол. II в. н.э.) из курганов с ровиками (Брут 2, Беслан), я не могу быть столь категоричным. Особенно если учитывать, что могильник Брут 2 содержал катакомбы как подкурганные с ровиками, так и грунтовые [Габуев, Малашев, 2007; 2009].

Как отмечалось, я согласен с тем, что с I в. н.э. в грунтовых могильниках доминирующими становятся катакомбы с перпендикулярным соотношением осей и в то же время этот признак работает во всех подкурганых катакомбах, что должно бы сближать катакомбы этих двух массивов. Но помимо его был выделен и еще ряд признаков, их разделяющих [Габуев, 1997, с. 77-78].

Проведенный анализ, в том числе и математический, всего массива катакомб Центрального Предкавказья (гл. 2 в книге [Габуев, Малашев, 2009]) выявил, что наиболее близкими ранним грунтовым могильникам по сочетанию признаков «наличие дромоса» и «ступени» оказываются грунтовые катакомбы могильника Брут 2. В то же время подкурганные катакомбы с ровиками этого могильника сближаются с ранними грунтовыми могильниками в основном по признаку «наличие дромоса» и только небольшая их часть по признакам, связанным с наличием ступеней.

Я не исключаю, что грунтовые катакомбы могильника Брут 2 могли продолжать традицию ранних грунтовых могильников, являясь составной частью формирования раннеаланской культуры. Но этот вывод, на мой взгляд, не распространится на все остальные

памятники. Во-первых, на подкурганые катакомбы могильника Брут 2, во-вторых, на курганы без ровиков. В первом случае одна часть подкурганных катакомб по признаку II (катакомбы с выраженным дромосом или без) и по признакам, связанным со ступенями, может тяготеть к ранним грунтовым могильникам, а другая нет. Это может объясняться, например, сосуществованием двух традиций сооружения катакомб – пришлой и местной. Во втором случае весь набор, а вернее, сочетание значений признаков ставит курганы без ровиков в независимое положение от грунтовых могильников, что, на мой взгляд, указывает на их принесенный характер. В то же время В.Ю. Малашев (гл. 3 в книге [Габуев, Малашев, 2009]), рассматривая эти же памятники, приходит к заключению об их производности от катакомб грунтовых могильников, а различия между ними объясняет хронологическими изменениями. Отсутствие единства во взглядах следует объяснить недостаточностью материала для анализа и существенными лакунами в наших знаниях.

Круг памятников, представляющих курганы без ровиков, за последние годы расширился. К числу хорошо известных могильников, таких как Алхан-Кала, Братское, Октябрьское, Виноградная, добавились курганы из Экажево I в Ингушетии [Воронин, Малашев, 2006] и Пегушин I в Ставрополье [Габуев, 2007; 2008]. Вне зависимости от точек зрения исследователей эти курганы, безусловно, следует рассматривать как памятники, принадлежавшие аланам, к кругу этих памятников относится и могильник Брут 1.

Итак, все катакомбы из публикуемого могильника Брут 1 однотипные, они имели перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры (за редким исключением, когда оси, как, например, в курганах № 13, 14, были расположены под небольшим углом), настоящие дромосы, прямоугольные входные ямы и камеры, большое количество (больше пяти) ступеней. Различаются катакомбы некоторыми деталями: ориентировкой входных ям, а соответственно и камер, характером устройства ступеней во входной яме, формой свода.

Четыре входные ямы катакомб были ориентированы по линии С-Ю (№ 2, 3, 8, 14), три по линии ССЗ-ЮЮВ (№ 6, 9, 12), две – по линии ССВ-ЮЗЗ (№ 5, 7), три – по линии СВ-ЮЗ (№ 4, 10, 11), одна – по линии СВВ-ЮЗЗ (№ 13). Преобладает меридиональная ориентировка с небольшими, возможно, сезонными отклонениями, за исключением кургана № 13. Во всех случаях вход в камеру был устроен в северной короткой стенке входной ямы. И только катакомба из кургана № 13 имела широтную ориентировку. Забегая вперед, отметим, что этот курган является самым ранним в рассматриваемой группе, и, возможно, это отличие связано с хронологией. Различия в ориентировке катакомб никак не связаны с какими-либо особенностями в их конструкциях.

Количество ступеней во входной яме колеблется от 6-7 (курганы № 8, 10 – 14) до 23 в кургане № 2. Чаще всего (5 случаев) ступени устраивались в виде лестницы, вырытой во всю ширину входной ямы (курганы № 2, 4, 9, 11, 12), несколько реже (3 случая) в виде лестницы из одного ряда ступеней, примыкавшей к левой боковой стенке входной ямы (курганы № 8, 10, 13). Иногда к боковой лестнице примыкал еще один ряд ступеней (курганы № 3, 7), а в кургане № 5 между вторым рядом ступеней и правой боковой стенкой у дна имелись еще дополнительно три ступеньки. В двух случаях ступени устраивались бессистемно, т.е. располагались на разных уровнях, не образуя четких рядов лестниц, различие только в том, что в кургане № 6 ступени группировались у правого заднего угла, а в кургане № 14 они располагались у задней стенки во всю ширину входной ямы.

Дромосы, входы в камеру, во всех случаях были заложены каменными плитами. Сами дромосы, если они не были нарушены, имели скругленный верх и были, за исключением кургана № 11, на одном уровне с дном камеры и, за исключением кургана № 10, проходили

через центральную часть передней стенки входной ямы. В кургане № 11 дно входной ямы ниже дна дромоса, а в кургане № 10 дромос располагался не по центру передней стенки, а примыкал к правой боковой стене входной ямы.

Дно камеры всегда ниже дна дромоса и входной ямы, а свод вынесен вверх от верхнего уровня дромоса. Своды в некоторых случаях обрушены полностью (курганы № 12, 13), и установить их форму вряд ли возможно. В остальных случаях, несмотря на обрушение, форма восстанавливается по сохранившимся боковым стенам или они сохранились полностью. Чаще всего своды имели стрельчатую форму или, скорее всего, усеченно-стрельчатую (если исходить из терминологии И.С. Каменецкого [Каменецкий, 1983]), если боковые стены камеры были наклонны (курганы № 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 14). Иногда же своды выглядели как узкий горизонтальный потолок, представляя собой нечто вроде обрезанного острия стрелы (курганы № 4, 8). И только в одном случае свод был купольный (курган № 7).

Дно в камерах чаще всего ровное, почти горизонтальное, но имеются и исключения. В кургане № 7 в полу при входе имелось углубление неправильной прямоугольной формы, а в кургане № 14 вдоль боковых стен камеры, во всю их длину были вырублены уступы, возвышающиеся над дном.

Поскольку все катакомбы были ограблены, а в заполнениях камер и входных ям встречены разрозненные кости человеческого скелета, у нас нет практически никакой информации о позе и ориентировке погребенных. В одном только случае, в сохранившемся подбое в кургане № 11, мы имеем всю полноту информации об этом (см. описание кургана № 11).

В кургане № 2 во входной яме зафиксировано конское захоронение, а в кургане № 12 в заполнении камеры найдена баранья кость, указывающая на наличие заупокойной пищи. Исходя из представления об обряде могильника Брут 2, раскопанного в 2002-2003 гг. и расположенного в 5 км северу от могильника Брут 1 [Габуев, Малашев, 2007; 2009], основная масса погребений которого предшествовала курганам Брута 1, можно прийти к выводу о том, что заупокойная пища должна была встречаться чаще, чем один раз на 13 курганов. Скорее всего, единичный случай встреченной заупокойной пищи в курганах Брута 1 связан опять же с их ограбленностью. Но списать на тот же фактор почти полное отсутствие конских захоронений, за исключением кургана № 2, мы не можем. Конские захоронения не были обнаружены на могильнике Брут 2, и если бы они наличествовали в курганах Брут 1, то остатки их, несмотря на ограбленность, были бы зафиксированы. Что же касается кургана № 2, то, забегаая вперед, отметим – это самый богатый и в социальном плане самый значимый курган на памятнике. Соответственно столь редкий в это время элемент обряда, как жертвоприношение коня, мог сопровождать в потусторонний мир важную персону.

В большинстве случаев в камерах не были прослежены ни подстилки на дне, ни угольные подсыпки. Исключение составляет курган № 13, где над дном камеры имелось два слоя подсыпки, разделенные слоем затечного заполнения. В некоторых случаях в заполнении камер и грабительских лазах во входных ямах встречены древесные угли, но это, скорее всего, следы от факелов грабителей, а не погребального обряда.

Завершая характеристику последнего, отметим, что все 13 раскопанных курганов содержали или предметы вооружения, или остатки поясных наборов, или железные ножи. Определить их следует как мужские воинские. Только в кургане № 10 была обнаружена золотая серьга (рис. 39, 1), что чаще всего, хотя и не всегда, считается атрибутом женского костюма. В то же время здесь же был зафиксирован фрагмент прямоугольного железного предмета, по всей видимости являющийся обломком меча (рис. 39, 3). Это позволяет характеризовать данное погребение как мужское, особенно если учитывать, что в рассматриваемую эпоху одиночные

серьги встречались также и в мужских захоронениях, причем в стороне от погребенного, в качестве «даров» [Дмитриев, 1979, с. 227-228, рис. 10, 15; Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 194].

Об ограбленности. Все катакомбы в курганах были ограблены в древности. Кем же производились эти неблагоприятные действия? Остановиться на вопросе о грабителях нас заставило мнение некоторых коллег-археологов, высказанное, правда, в устной форме, о том, что грабителями были сами аланы, наблюдавшие за обрядом погребения, или даже что ограбление производилось в ритуальных целях.

Ограбление курганов производилось четко через входную яму катакомбы, причем грабительские ямы проходили через ту ее половину, которая примыкала к камере, т.е. труд грабителей был минимизирован. Очевидно, они прекрасно представляли себе устройство данного погребального сооружения. Однако их нельзя отнести к кругу людей, близких погребенному, так как они не знали о скоплениях драгоценных вещей, которые были обнаружены в курганах № 2 и 7. Эти скопления следует рассматривать как тайники-жертвоприношения, которые были совершены родными и близкими погребенного. Ограбить курганы не могли и соплеменники погребенного, не участвовавшие в самом ритуале погребения и ничего не знавшие о тайниках, но представлявшие себе устройство погребального сооружения. Во многих традиционных обществах (хотя далеко не всех), к которым мы относим и аланское, разрушение или разграбление могил предков было неприемлемо. В качестве подтверждения этого положения можно привести эпизод, рассказанный Геродотом о скифах, народе, жившем ранее алан, но им родственном. В сообщении о походе Дария против скифов говорится, что персы долго не могли вступить со скифами в сражение – те от них постоянно убегали. На упрек Дария в трусости, царь скифов Идантирс сказал следующее: «...У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они будут захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступать с вами в сражение. Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем» [Геродот, IV, 127] (цит. по [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982]).

Кроме того, аланские погребения последующего времени, но не подкурганые, а грунтовые, ограблены не были (по крайней мере, подавляющее их большинство). Так, например, в горной Осетии, где аланские могильники существовали, а население коренным образом не менялось несколько столетий, хотя видоизменялся погребальный обряд, погребения оставались нетронутыми. Т.е. традиции грабить захоронения своего народа у алан, скорее всего, не было. Подкурганые же аланские захоронения на равнине грабились, и не только потому, что они, в отличие от грунтовых погребений, имели внешние, видимые наземные признаки – курганы. Курганые насыпи, безусловно, указывали грабителям на наличие легкой наживы, но грабились они представителями других этнических групп.

Утверждение, что не аланы могли быть грабителями рассматриваемых курганов, можно, конечно, оспорить, так как это только умозрительное заключение, но некоторые находки, зафиксированные в камерах и грабительских ямах, указывают на то, что грабителями были не они, а население этой части Предкавказья последующего времени, вытеснившее алан с некогда занимаемой ими территории. К вышеуказанным находкам следует отнести всю красноглиняную керамику, найденную в курганах № 5 и 7 (рис. 20, 6, 7; 33, 2). Керамика эта по форме, технике и цвету отличается от аланской керамики как предшествующего, так и последующего времени. Принадлежать она могла населению, этнически отличавшемуся от алан. Скорее всего – грабителям. Если кто-то из читателей найдет этой красной керамике точные аналогии, то прошу сообщить о них мне. За что я буду очень благодарен.

Глава 3

Реконструкция воинского снаряжения и экипировки коня. Характеристика инвентаря. Аналогии и датировки.

Из 13 раскопанных аланских курганов у с. Брут только два (курганы № 2 и 7) содержали комплексы вещей, которые позволяют в той или иной степени реконструировать систему ношения встреченного в комплексах оружия, а также уздечку коня. Говоря в «той или иной степени», я имею в виду некоторые трудности, которые имеются в каждом из рассматриваемых случаев. Трудности эти разного характера. В первую очередь это нахождение вещей не с погребенными, которым они предназначались, а в стороне от них. Существенной трудностью является и то, что (например, в кургане № 2) совершенно не сохранилось органики, т.е. кожаных или каких-либо других ремней, а в кургане № 7, хотя фрагменты ремней оголовья конской упряжи и сохранились, обилие предметов и то, что вещи положены «навалом», вынуждает сомневаться в стопроцентной ее реконструкции и оставляет место для дальнейших исследований. Тем не менее взаиморасположение предметов в комплексах, привлечение тех или иных аналогий позволяет утверждать, что некоторые из нижеприводимых реконструкций можно считать достоверными.

Меч из кургана № 2

Как отмечалось, центральное место в этом скоплении занимает меч со сплошными золотыми обкладками ножен и рукояти (рис. 3; 4, 1). Меч железный двулезвийный, с линзовидным в сечении клинком и короткой рукоятью-штырем. Металл очень плохой сохранности, в связи с чем форма окончания клинка нам неизвестна. Переход от клинка к черенку выглядит так, будто эти детали образуют тупой угол, однако изломы на основании клинка указывают, что он, скорее всего, относится к мечам с переходом черенка в клинок под прямым углом. Таким образом, он продолжает традицию аналогичных мечей позднесарматского времени и относится к 3-му типу мечей по классификации А.М. Хазанова [Хазанов, 1971, с. 17]. На характеристике этой категории мечей мы останавливаться не будем, так как она детально разобрана в статье С.И. Безуглова [Безуглов, 2000], и поговорим о его отделке и способе подвески.

Короткий железный черенок рукояти меча, вложенный в золотую обкладку, не соответствует общей длине рукояти. Это согласуется с наблюдением С.И. Безуглова о том, что штыри слабо отражают общую длину рукояти, и она на 6-11 см оказывается длиннее [Безуглов, 2000, с. 171]. Меч длинный (115 см), судя по длине обкладки рукояти (35 см), он мог бы использоваться и как двуручный, но против этого имеется два существенных возражения. Во-первых, клинок меча не столь массивен, чтобы этим мечом нельзя было сражаться одной рукой, во-вторых, на некоторых изображениях, как на костяной пластине из Орлата [Ilyasov, Rusanov, 1997/98, p. 117] или на серебряной чаше позднекушанского времени из Британского музея [Trousedale, 1975, p. 82, fig. 61], воины сражаются мечами, имевшими столь же длинные рукояти, но держат их одной рукой. На это справедливо было указано С.И. Безугловым [Безуглов, 2000, с. 177]. По мнению М.В. Горелика, длинные рукояти компенсировали отсутствие массивного навершия, которое уравнивало

бы тяжесть длинного клинка и перекрестья [Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1995, с. 390].

Говоря о рукояти брутского меча, следует иметь в виду, что большинство рукоятей мечей гуннского времени не дошли до нас целиком, что связано с их сохранностью, многие из них, имея короткие железные рукояти-штыри, не имели обкладок. Это затрудняет решение вопроса об установлении их реальной длины. Но там, где мы можем судить о длине рукояти, а это территория практически всей Европы, включая и Восточную, они короткие, во всяком случае, уступают по длине рукояти меча из Брута. В то же время европейские мечи если и были равны брутскому по длине клинка, то превосходили его по ширине. Исключение составляют меч из погребения № 110 могильника Борок II (круг рязано-окских могильников) [Ахмедов, 2001а, с. 111-112, 114, рис. 3, 17] и два меча из могильников Цебельды в Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982, с. 131, рис. 4, 9, 10]. Эти мечи, как и меч из Брута, имели очень длинные рукояти, что следует рассматривать как редкое явление. Показательны в этом смысле мечи из могильников Абхазии, где помимо двух вышеуказанных все остальные мечи (24 шт.) имели рукояти короткие [там же, рис. 4].

Итак, меч из Брута отличается от синхронных ему мечей – он длинный, узкий и с очень длинной рукоятью (она составляет 30% от общей длины меча), а европейские мечи если длинные, то более широкие и с короткой рукоятью. Поиск аналогий брутскому мечу обращает наше внимание на вооружение Востока, и в первую очередь на изображения воинов, выполненные в разном материале. Следует сразу оговориться, что материал, связанный с мечами Азии, огромен и представлен разными формами этого вида оружия. Железные мечи разнятся как по длине и ширине клинка, так и по длине и форме рукояти, мы же коснемся мечей, только аналогичных брутскому.

Длинные узкие мечи с длинными рукоятями изображены, причем четыре раза, на уже упомянутой костяной Орлатской пластине, обнаруженной в погребении недалеко от Самарканда. Это изображение относится к I-II вв. н.э. [Ilyasov, Rusanov, 1997/98, p. 130]. В Восточном Туркестане подобные мечи, точнее, их многочисленные изображения, относящиеся к V-VII вв., зафиксированы на фресках Кызыла и Кумтуры (подборку изображений см. [Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1995, с. 390-391, табл. 49, 1, 2, 3, 5, 8, 12]). В Средней Азии эти мечи, судя по изображению царя на терракоте из Пенджикента, доживают до VII-VIII вв. [Belenitsky, 1968, p. 150, fig. 103, p. 245].

Изображения мужских фигур с мечами, в том числе имеющими и длинные рукояти, в Афганистане встречаются на рельефах как кушанского (Шоторак – II в. н.э.), так и сасанидского времени (Хаир Ханэ – IV-V вв.), а также в живописных изображениях, таких как на 38-метровой фигуре Будды из Бамиана (V в.) и на фигуре бога луны из Фундукистана (VI – начало VII в.) [Trousdale, 1975, p. 77, fig. 55, p. 79, fig. 57, p. 80, fig. 58, p. 84, fig. 64]. На серебряной чаше позднекушанского времени (III в.) со сценой охоты из Британского музея мечи с длинными рукоятями изображены дважды [ibid., p. 82-83, fig. 61].

В Центральной и Передней Азии изображения мечей с длинными рукоятями относятся к парфянскому и сасанидскому времени. К парфянскому времени относятся многочисленные изображения из Пальмиры [Ghirshman, 1962, p. 78-79, fig. 90-91; Trousdale, 1975, p. 86, fig. 65; Sculptures of Palmira, 1986, p. 475, fig. 449, p. 482, fig. 456], а к раннесасанидскому (III в.) изображения из Бишапура [Trousdale, 1975, p. 88, fig. 67], а также из Накш-и Рустама с изображением Варахрана II [Луконин, 1969, с. 105, рис. 16] и граффити из Персеполя с изображением Папака [там же, с. 156, рис. 25 (1)]. К этому же веку относятся и изображения на монетах Шапура I Сасанида (241-272) [Trousdale, 1975, p. 94, fig. 74; Иран в Эр-

митаже, 2004, с. 54, № 57], а на рельефах Накш-и Раджаба мечами с длинными рукоятями вооружены придворные этого правителя [Луконин, 1961, табл. VII]. В позднесасанидское время длинные рукояти на мечах зафиксированы на серебряном блюде из Эрмитажа с изображением Хосрова II (591-628 г), сидящего на тахте [Тревер, Луконин, 1987, с. 109, ил. 18,19], и на серебряной тарелке из Касвина в Иране с изображением того же правителя, но сидящего на троне (Iran Bastan Museum, Tehran) [Silver Vessels of the Sasanian period, 1981, p. 115, 235, pl. 34]. Еще одно изображение сидящего на тахте Хосрова II с аналогичным мечом, но вытканное на ковре, хранится в г. Лионе во Франции [Ghirshman, 1962, p. 236, fig. 289].

Итак, мечи, аналогичные брутскому, встречаются на Востоке очень широко – как во времени, так и в пространстве. Очень важным в данном случае является то, что эта форма мечей характерна для Ирана, причем как во время, предшествующее находке из Брута, так и для времени последующего. Притом что эта форма мечей не характерна для Европы, мы можем предположить, что ее появлению в Центральном Предкавказье в гуннское время мы обязаны восточному влиянию, а возможно, именно Ирану эпохи Сасанидов. К этому вопросу мы еще вернемся.

Золотые обкладки ножен встречаются крайне редко. Чаще всего это отдельные золотые пластины, порой даже крупные, и другие элементы (бутероли, перекрестья, скобы), украшавшие деревянные ножны, но не покрывавшие их целиком. Брутский меч вряд ли был единственным в рассматриваемый период мечом, полностью покрытым золотом. Многие предметы гуннского времени происходят из разрушенных и ограбленных комплексов, и, по всей видимости, некоторые мечи не дошли до нас во всем своем великолепии.

Тем не менее как о целиком покрытом золотыми пластинами мы можем судить о мече из разрушенного погребения у села Новоивановка в Запорожье. Здесь непосредственно на клинке сохранились остатки дерева и кожи, золотые накладки со вставками янтаря и обрывки золотого листа. То же самое мы можем сказать и о случайной находке из Брюхановского выселка (бывшая Пермская губерния), состоявшей из золотых обкладок (в том числе с цветными вставками) ножен меча [Засецкая, 1994, с. 31, 170-171, 192, табл. 14, 1-7, 45]. Одной из самых роскошных находкой является меч из склепа, открытого в Керчи 24 июня 1904 г., где многие детали были украшены золотыми обкладками и инкрустированы гранатовыми вставками [ОАК за 1904 г., с. 80, п/№ 29; Засецкая, 1975, с. 23, рис. 6; 1993, табл. 28, 130]. К числу богато украшенных следует отнести ножны мечей из погребений у совхоза имени Калинина в Крыму, у с. Новая Маячка в Херсонской области, у колхоза «Восход» около г. Покровска, из могилы VIII у с. Новогригорьевка, у деревни Муслюмово в бывшей Пермской губернии и др. [Засецкая, 1994, с. 31-32, табл. 23, 1-3, 6-9, 9, 1-4, 32, 6, 5, 16, 43, 11], а также ряд находок из Центральной и Западной Европы – Паннонхальма [Tomka, 1988, S. 156, 157; *L'or des princes barbares*, p. 146, 147], Печ-Усер [Alföldi, 1932, Taf. II. 1,2, III. 2, IV.12; Anke, 1998, Teil 2, S. 101, 102; Bona, 2002, fig. 112; Attila und die Hunnen, S. 298-301], Сегед-Надьсекшош [Alföldi, 1932, S. 65-71, Taf. XV-XVII; Anke, 1998, Teil 2, S. 125, 126; Fettich, 1953, Pl. VII, VIII, X, XI, XII, XIII; Attila und die Hunnen, S. 258-261], Лева [Alföldi, 1932, S. 71, 72, Taf. XIII, XIV; Anke, 1998, Teil 2, S. 78, 79.], Батасек [Ковриг, 1982, с. 6-9, рис. 2-3; Attila und die Hunnen, S. 47] в Венгрии, Якушовице в Польше [Godlowski, 1995, p. 166, Abb. 1], Альтлуссхайма в Германии [*L'or des princes barbares*, p. 134, 135] и др.

Как уже отмечалось, наш меч украшен многочисленными гранатовыми вставками, которые стилистически делят его на две составные части. Перекрестье, вертикальная пластина на ножнах и одна из горизонтальных скоб в центральной части ножен выполнены

в технике перегородчатой инкрустации – клуазоне. Навершие рукояти, бутероль – окончание ножен и вторая горизонтальная скоба в центральной части ножен меча украшены гранатовыми вставками, заключенными в гнезда и окаймленные зернью. Создается впечатление, что мы имеем дело с фрагментами двух разных предметов, объединенных в один. Для выяснения этого были взяты пробы золота с разных мест ножен и с рукояти. Но доказательства этому предположению установить не удалось – все пробы оказались одинаковы и давали 90%-ное содержание золота в металле. Возможно, анализ металла на выявление микроэлементов в золоте даст другие результаты, пока же к мечу из Брута мы будем относиться как к цельному предмету, выполненному в двух разных ювелирных техниках.

Форма навершия меча уникальна, мечи с подобными навершиями мне не известны. Перекрестье и бутероль имеют прямоугольную форму. Аналогичное перекрестье имеется на скрамасаксе из Пуана во Франции [*L'or des princes barbares*, p. 167-168]. Прямоугольные бутероли, по мнению М.М. Казанского, характерны для понто-дунайских мечей 370-470 гг. и имеют довольно широкое распространение [Казанский, 2001, с. 45]. Горизонтальные скобки на ножнах имеют аналогии как среди скоб, украшенных вставками в отдельно напаянных гнездах, – Новоивановка, совхоз им. Калинина, колхоз «Восход», Брюхановский выселок [Засецкая, 1994, табл. 14, 1-4, 23, 2,6-8, 32, 12, 45, 4-6], так и среди скоб с перегородчатой инкрустацией – склепы «24 июня 1904 г.» в Керчи [Засецкая, 1993, табл. 28, 131а, 29, 131б, 131в, 139]. Но только на брутском мече мы наблюдаем сочетание скоб, выполненных в разной технике инкрустации. Несмотря на некоторую переключку в деталях с некоторыми известными парадными мечами эпохи Великого переселения народов, брутский меч можно считать уникальным.

На способ ношения брутского меча указывает одна очень важная деталь – прорезь длиной 1,7 см под вертикальной инкрустированной гранатами пластиной на ножнах. В эту прорезь продевался дополнительный нижний портупейный ремень, равный по ширине длине прорези. Прорезь расположена на расстоянии около 45 см от навершия, т.е. на уровне 2/5 от полной длины меча, вложенного в ножны. Это соответствует изображению на упомянутой уже Орлатской пластине [Plyasov, Rusanov, 1997/98, p. 117] и характерно для большинства мечей с подобным видом подвески [Trousedale, 1975, p. 38]. Портупейный ремень одним концом крепился к поясу, другой конец проходил через прорезь под вертикальной пластиной на ножнах меча и пристегивал его к поясу. Наличие около прорези под пластиной небольшой пряжки (рис. 3, 41; 14, 7) указывает на то, что портупейный ремень не крепился непосредственно к поясу, а соединялся с ним при помощи еще одного дополнительного ремня, отходящего от пояса и имевшего на конце эту пряжку (рис. 6). Судя по расположению пряжки относительно меча, а пряжка лежала слева от меча (здесь и в дальнейшем указывается взгляд на комплекс с юга, т.е. со стороны рукояти меча), меч имел левостороннюю подвеску. Таким образом, нижний портупейный ремень одним концом наглухо крепился к поясу, другим, пройдя под вертикальной пластиной на мече, пристегивался к другому, дополнительному ремню с помощью пряжки. Этот второй дополнительный ремень также одним концом наглухо крепился к поясу, в месте левее пряжки пояса (возможно, даже за спиной воина), а другой конец дополнительного ремня оканчивался вышеупомянутой пряжкой. Возможно, оба фрагмента этого портупейного ремня крепились к поясу при помощи двух золоченых прямоугольных обойм, имевших загнутые на концах штифты (рис. 3, 40; 14, 3). Можно предположить, что нижний портупейный ремень состоял не из двух фрагментов, а был един и крепился к поясу только в

одном месте. Ни на каком из предложенных вариантов мы настаивать не будем, поскольку кожаные ремни отсутствуют, любой из них нельзя исключить.

Итак, меч имел способ подвески, который принято называть «вертикальной» или «всаднической» (рис. 6). При таком способе подвески меч мог свободно скользить по портупейному ремню, занимая наиболее удобное положение. При необходимости меч можно было легко передвинуть за спину, как это изображено, например, на золотой пластине со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра [Руденко, 1962, табл. I].

Мечи с вертикальной подвеской характерны для огромной территории от Дальнего Востока до Западной Европы, что документируется как археологическими находками приспособлений для подвешивания меча, так и многочисленными изобразительными памятниками. Наиболее полная подборка изображений мечей с подобным видом подвески по всей Евразии приведена в специальной монографии В. Трусдейла [Trousdale, 1975], и на подробной характеристике всех памятников мы останавливаться не будем. Коснемся только самых важных моментов.

Приспособлений для вертикальной подвески несколько. В Китае мечи подвешивались с помощью закрепленных на ножнах каменных скоб, чаще всего нефритовых. Из Китая эти скобы распространяются на запад и в единичных экземплярах в позднесарматское время встречаются в Восточной Европе (лит. см. [Хазанов, 1971, с. 25-27; Trousdale, 1975; Безуглов, 2000, с. 172, 175-178]). Поздними находками подобных скоб в Восточной Европе являются меч с халцедоновой скобой, украшенной стеклянными вставками, из погребения № 43 могильника Цибилиум 1 в Абхазии, а также меч с нефритовой скобой из погребения у колхоза «Восход» около г. Покровска. Первая находка датирована Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао второй половиной V – первой половиной VI в. [Воронов, Шенкао, 1982, с. 151, рис. 18, 1-2], вторая – датирована И.П. Засецкой второй половиной V – началом VI в. н.э. [Засецкая, 1994, с. 115, табл. 32, 3]. Дата меча из Абхазии была пересмотрена и омоложена до последней четверти IV в. н.э. [Гей, Бажан, 1997, с. 94, табл. 21, 8]. Проанализировав этот комплекс, М.М. Казанский и А.В. Мастыкова датировали его временем от 380/400 до 440/450 гг. н.э. [Kazanski, Mastykova, 2007, p. 57-58], что соответствует периоду D2 центральноевропейской хронологической шкалы.

Высказывалось мнение, что Китай вряд ли был родоначальником вертикальной подвески меча. По мнению А.М. Хазанова, китайцы, у которых конница никогда не была главной и решающей силой войска, заимствовали вертикальную подвеску у северных кочевников, изготавливавших вертикальные скобы из дерева [Хазанов, 1971, с. 27]. На возможность изготовления вертикальных скоб из дерева у сарматов указывает и С.И. Безуглов, при этом он ссылается на их наличие в эпоху Хань на военных поселениях во Внутренней Монголии [Безуглов, 2000, с. 178]. Однако имеющийся материал позволяет усомниться в выводе А.М.Хазанова.

Скобы на мечах и кинжалах в Китае существовали в течение 2200 лет, они фиксируются с эпохи позднего Восточного Чжоу (450-250 гг. до н.э.) и до XVIII в. [Trousdale, 1975, p. 11]. Если наиболее ранние археологические находки, такие как халцедоновые скобы из погребения 2717 из Чжунчжоулу, около г. Лоян и из погребения 25 у оз. Янтаньху (р-н г. Чанша), датируются достаточно широко – V-IV вв. до н.э. [Trousdale, 1975, p. 179; Горелик, 1993, с. 242-243, табл. XIII, 16, 56], то некоторые скульптурные китайские изображения датируются узко – V в. до н.э. [Горелик, 1993, с. 242-243, табл. XIII, 1, 2]. Это наиболее ранняя фиксация вертикальной подвески мечей или кинжалов через скобу на ножнах.

Деревянные скобы, безусловно, были, но все они, если иметь в виду документированные памятники, как и другие приспособления, более позднего происхождения.

Кроме каменных и деревянных скоб, как в случае с брутским мечом, портупейный ремень проходил через украшенные металлические пластины, закрепленные в верхней части ножен. Но и в этом случае такие пластины, будучи тонкими, должны были лишь покрывать деревянную основу. Наиболее богато выглядит меч из склепа, открытого в Керчи 24 июня 1904 г., где металлическая скоба, под которой проходил портупейный ремень, была украшена золотой обкладкой и инкрустирована гранатовыми вставками [ОАК за 1904 г., с. 80, п/№ 29; Засецкая, 1975, с. 23, рис. 6; 1993, табл. 28, 130]. Из окрестностей Керчи происходит и набор золотых предметов, украшавших парадный меч (случайная находка, покупка у Е.Р. Запорожского). Здесь помимо янтарной бусины-ограничителя, золотых обкладок ножен и навершия имеется и золотая скоба для подвешивания ножен, инкрустированная гранатами [Отчет Императорского Российского Исторического музея..., 1916, с. 76-77; Эпоха Меровингов..., 2007, с. 306-307]. Крупные пластины были обнаружены на мечах в могильнике Дюрсо: в погребении 300 – пластина серебряная с позолотой, в погребении 479 – золотая [Дмитриев, 1979, с. 224-225, рис. 7, 1, 2, 8, 4, 5], хотя из публикации неясно, проходил ли под ними портупейный ремень.

В Центральной и Западной Европе креплением для портупейного ремня на ножнах очень часто служили две небольшие металлические скобочки, иногда украшенные цветными вставками [Trousdale, 1975, p. 105, 323, pl. 15; Menghin, 1983; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002, p. 164, fig. 4, p.171, fig. 10, 4, 6; Tejral, 1995, p. 154, Abb. 8, 22].

Если наличие дополнительного (помимо основного пояса) портупейного ремня обязательно для подвески меча через вертикальную скобу и ни у кого не вызывает возражений, то в вопросе о креплении этого ремня у исследователей нет единодушия. Еще в 1937 г. Сейриг выделил два способа ношения меча, «по-римски», с портупеей через плечо, и «по-ирански», когда меч на двух ремешках закрепляется на поясе [Seyrig, 1937, p. 4-31]. Как показал М.М. Казанский, оба приема ношения меча к IV в. н.э. стали интернациональными [Kazanski, 1991, p. 123-139].

Не исключено, что меч из Брута мог носиться при помощи дополнительного портупейного ремня, но не на талии, а самостоятельно, надетым через плечо, т.е. «по-римски». На возможность этого указывают многие изображения, такие как на мозаике из Киссфима (Палестина) [Balint, 2000, S. 148, Taf. 5, 1], на рельефах из Гандхары [Горелик, 1982, с. 91, рис. 5, а; Zwalf, 1996, № 127; Gandhara sculpture..., 1960, p. 27] и Бишапура [Trousdale, 1975, p. 90, fig. 69; Луконин, 1969, с. 73, рис. 11], а также на серебряной амфоре IV в. н.э. с юга России и др. [Trousdale, 1975, p. 102, fig. 87; Kazanski, 1991, p. 129, fig. 3]. Однако в нашем случае этот способ ношения меча маловероятен. На это указывает крупная каменная бусина-ограничитель со щитком, украшенным гранатами, лежавшая в верхней части ножен, с противоположной от пряжки стороны, немного уходя под ножны (рис. 3, 14; 4, 2). Как мы помним, на тыльной стороне этой бусины имелась серебряная петля, в которую, видимо, и продевался портупейный ремень.

Относительно назначения этих бусин среди исследователей нет единодушия. Некоторые рассматривают их как навершия мечей [Засецкая, 1975, с. 54, 76; 1994, с. 31], другие – как темляки на саблях и шпагах или как украшения рукояти [Хазанов, 1971, с. 25; Воронов, Шенкао, 1982, с. 130]. Версия с навершиями верна только в том случае, если эти бусины найдены у основания рукояти меча (лежат *in situ*). Или они, если погребение потревожено, имели длинные металлические штыри, а не оканчивались петлей, как в случае с мечом

из Брута [Засецкая, 1975, с. 23, рис. 6; 1994, с. 31; Безуглов, 2000, с. 190, рис. 4, 1, 5; с. 191, рис. 5, 4, 17-22].

Что касается brutского комплекса, то вариант наверхия безоговорочно отпадает, поскольку у этого меча оно уже есть. Вариант использования бусины в качестве подвески темляка маловероятен, поскольку рукоять не имеет выступающего перекрестья или массивного наверхия, за которые темляк можно привязать. Скорее всего, она выступала как ограничитель движения ножен меча на ремне. Т.е. придав мечу наиболее удобное положение, воин передвигал на портупейном ремне эту бусину, ограничивая тем самым движение меча⁵. Крупные круглые предметы встречаются и на изображениях портупейных ремней, висящих через плечо [Trousdale, 1975, p. 90, fig. 69], но это, скорее всего, пряжки, застегивающие портупею, а не бусины-ограничители.

Крупные бусины, найденные с мечами, С.И. Безуглов также интерпретирует как ограничители, обратив внимание на то, что в отверстиях этих бус иногда находят остатки тонких кожаных ремешков, с помощью которых бусины крепились к портупейному ремню [Безуглов, 2000, с. 172, 177, 178]. Реконструируя систему подвески длинных мечей, этот автор, на основе анализа большого археологического и изобразительного материала, высказал мнение, что портупейный ремень носили независимо от основного пояса, надетым наискось, так, что он, охватывая бедра, как бы ниспадал на левую сторону, т.е. не был скреплен с поясом. Эта же мысль ранее была высказана В. Трусдейлом. По его мнению, портупейный ремень не был прикреплен ни к поясу, ни к какой-либо другой части одежды и держался на пояснице благодаря весу самого меча [Trousdale, 1975, p. 78, 90, 109]. Это мнение основано на анализе двух кушанских скульптурных изображений – во-первых, скульптуры из Матхуры сакского сатрапа, правившего около 130 г. н.э., во-вторых, одной из фигур, стоящей рядом с Буддой справа, на рельефе из Гандхары второй половины II в. н.э. [ibid., 1975, p. 73, fig. 48, p. 74, fig. 49; Kushan Sculpture: Images from Early India, p. 112-113, 194-195]. Если на рельефе из Гандхары интересующая нас фигура воина изображена стоящей к нам спиной и предположить мы можем все что угодно, то скульптура сатрапа в указанной публикации приведена в трех позициях – спереди, сбоку справа и сзади (рис. 48). И мы ясно видим наличие наборного металлического пояса на талии, портупейного ремня, охватывающего правое бедро и свисающего на левую сторону, где крепится меч. Какие-либо приспособления, указывающие на крепление портупейного ремня к поясу, отсутствуют.

Вроде бы все ясно – портупейный ремень не был скреплен с поясом. Однако не забудем и мнение тех авторов, которые считали, что портупейный ремень был соединен с поясом [Хазанов, 1971, с. 25, 26; Аржанцева, 1987, с. 122]. Не отрицая в целом возможности наличия самостоятельного, не скрепленного с поясом портупейного ремня для меча, хотелось бы привести и некоторые возражения и в значительной мере поддержать последних исследователей. Проведя небольшой эксперимент с макетом меча, было установлено, что, не затянутый на талии, а свободно свисая, этот ремень под тяжестью меча сползал бы с воина. И если какое-то равновесие возможно, то только если воин стоит или не спеша передвигается (понятно, что для воина, сидящего на лошади, все это не имеет никакого значения). При этом ремень должен быть достаточно широк, как и изображено на двух вышеуказанных скульптурах, а не таким узким, как в погребении из Брута. В то же время подобное ношение меча затруднительно или почти невозможно, если воин передвигался быстро, например в бою в пешем строю, что подчас случалось и с всадниками, как это

⁵ Интерпретация крупных бусин как ограничителей не исключает мнения о придании им магического значения, которое высказал И. Вернер [Werner, 1956, S. 26f.].

изображено на уже упоминавшейся Орлатской пластине. К тому же назначение бусины-ограничителя полностью теряло бы смысл, как и в случае если бы меч одевался через плечо. Кроме того, на росписи западной стены Афрасиаба, изображающей послов из Чаганиана, на центральной фигуре тонкий портупейный ремень имеет не одну, а как минимум две пряжки, делящие его на самостоятельные сегменты [Альбаум, 1975, с. 21, рис. 4, 3; Arzhantseva, Inevatkina, 2006, pl. XXVIII, fig. 3, 3; pl. XXIX, fig. 7, d]. При отсутствии видимой бусины-ограничителя это позволяет пристегивать меч на ремне в разных (как минимум в трех) позициях относительно тела воина (рис. 49). Что, в свою очередь, совершенно бессмысленно, если портупейный ремень не соединен с поясом хотя бы в одном месте. Так, например, при посадке на коня сам портупейный ремень, а не меч, скользящий по нему, можно передвигать как заблагорассудится.

Чем же объяснить наличие самостоятельного портупейного ремня на двух вышеуказанных скульптурных изображениях из Матхуры и Гандхары? Возможно, это может свидетельствовать о небольшой важности для скульптора точной передачи изображения деталей системы подвески меча. Т.е. существование самостоятельного портупейного ремня для меча в этих случаях можно было бы списать на некомпетентность или небрежность скульпторов. Но аргументы за это отсутствуют. Если все же признать существование самостоятельного портупейного ремня, то он должен был быть, как уже отмечалось, достаточно широк, как на двух вышеуказанных изображениях, что не распространяется на все известные случаи вертикальной подвески меча. Например, на вышеупомянутых росписях из Афрасиаба портупейные ремни всех трех послов из Чаганиана небольшой ширины и мечи передвинуты за спины, что нарушает равновесие, на которое указал В. Трусдейл, и делает длительное ношение мечей в таком положении затруднительным.

В каких-то случаях, опять же в пешем бою, не скрепленный жестко с поясом портупейный ремень мог в каком-либо месте, например за спиной воина, продеваться под основным поясом и охватывать его, как бы повисая на нем. По всей видимости, именно этот способ мы наблюдаем на одном из рельефов Буткары [Горелик, 1982, с. 97, рис. 10, e]. На этом рельефе изображен воин с левого бока сзади в доспехе, имевший меч с вертикальной скобой на ножнах, через который проходит нижний портупейный ремень, уходящий под пояс, т.е. момент «мягкой» фиксации портупейного ремня на поясе (не наглухо с помощью металлического штифта, скобы и пр.) имеется. Если вышеприведенное изображение и оставляет некоторые сомнения из-за не очень удачного ракурса, то они полностью отпадают при знакомстве с одним из каменных изваяний из Пальмиры [Trousedale, 1975, p. 86-87, fig. 65-66; Sculptures of Palmyra, 1986, p. 482, fig. 456]. Здесь, как мы видим, портупейный ремень проходит под основным поясом стоящей к нам лицом мужской фигуры (рис. 50, 1). Похожую композицию можно увидеть и на скульптуре царя из Хатры в [Ghirshman, 1962, p. 89], где портупейный ремень спускается из-под парадного пояса (рис. 50, 3). Еще одно аналогичное сочетание портупейного ремня и пояса мы можем наблюдать на скульптуре, сфотографированной М.Н. Бутырским во дворе музея города Шанлыурфа (город Эдесса античного времени) в Восточной Турции (рис. 51, 2)⁶. Интересное сочетание ремней мы наблюдаем на одном из парфянских рельефов Ирака [The arts of Persia, 1995, p. 56]. Здесь стоящий к нам лицом мужчина также имеет массивный парадный металлический пояс, из-под которого вниз спускается портупейный ремень для подвески меча, а кроме того, на талии имеется еще один узкий неукрашенный ремешок (рис. 50, 2). К сожалению, мы

⁶ Выражаю искреннюю благодарность моему коллеге сотруднику ГМИНВ М.Н. Бутырскому за предоставленную фотографию.

не знаем, как соотносятся между собой этот узкий ремешок и портупейный ремень, но важным является то, что, как и в случае с изображением из Пальмиры, пояс фиксировал портупейный ремень на талии.

Итак, оба способа ношения меча с помощью дополнительного портупейного ремня имели место. В одном случае портупейный ремень наглухо крепился к поясу с помощью золотых штифтов, как, например, в случае с мечом из Брута, в другом он мог существовать самостоятельно, но в нужный момент продеваться через пояс или притягиваться поясом к талии.

Кроме крупной бусины и портупейного ремня, разделенного пряжками на сегменты, ограничителями движения меча по ремню выступали и два кольца, неподвижно закрепленные на ножнах рядом с вертикальной скобой. На это указала И.А. Аржанцева, анализируя росписи Калаи-Каххаха I (Узбекистан): нижний портупейный ремень проходил через три точки – через вертикальную скобу и два кольца на ножнах, обеспечивая устойчивое положение меча на портупее [Аржанцева, 1987, с. 124, 125, 134, рис 3, 6-8].

Не совсем ясен вид крепления меча по изображению воина на одной из нагрудных застежек, найденной в погребении № 3 Тилля-тепе [Сарианиди, 1983, последняя цветная вставка между с. 32 и 33; Sarianidi, 1985, p. 139, № 8] (прорисовку см. [Мордвинцева, 2003, с. 119, рис. 4, кат. 6]). Воин имеет и основной пояс, одетый несколько выше талии поверх кирасы, и портупейный ремень, также одетый поверх кирасы несколько ниже основного пояса и проходящий через скобу на мече. Но портупейный ремень не имеет ровной линии, а изогнут и перетянут в месте нижнего края кирасы. Был ли в этом месте еще один ремешок, не ясно, но на увеличенном изображении отчетливо видна складка, перекрывающая портупейный ремень (рис. 51, 1).

Итак, вертикальная подвеска меча с помощью дополнительного портупейного ремня, продетого через скобу на ножнах, имела очень широкое бытование как во времени, так и в пространстве. Если в Китае она просуществовала до XVIII в., то в Западной Европе мы наблюдаем ее в период Раннего Средневековья до VII в., так как именно этим временем датируется изображение воина с подвешенным через скобу мечом на бронзовом шлеме из Швеции [Trousedale, 1975, p. 108, fig. 90]. На Востоке и в степной полосе Евразии в тот же период такая подвеска сменилась на наклонную, что было обусловлено уменьшением веса меча и заменой его саблей. В росписях Средней Азии в VII-VIII вв. мы наблюдаем сосуществование обоих видов подвески, а наиболее поздними с вертикальной подвеской являются изображения из Калаи-Каххаха I и Фундукистана.

Кинжалы

Не менее важным, чем меч, но более, если не самым престижным видом вооружения был кинжал. В древности он носился не только в бою или при важных церемониях, как и меч, но и в повседневной жизни, олицетворяя собой оружие как таковое. На Северном Кавказе кинжал вплоть до начала XX в. являлся обязательным атрибутом традиционного костюма взрослого мужчины. В рассматриваемых курганах было обнаружено два целых кинжала – в курганах № 2 и 7 и несколько фрагментов клинкового оружия, не поддающихся точному определению. Из них к кинжалам можно отнести клинки из курганов № 8 и, возможно, № 6.

Кинжал из кургана № 7 (рис. 26). Как уже отмечалось, кинжал из кургана № 7 имел ножны с четырьмя парными выступами по краям для его крепления. Под выступы продевались два ремешка, привязывая кинжал к правому бедру воина. Этот способ ношения

кинжала чрезвычайно удобен для всадника и описан древними авторами: «...десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» (Овидий); «...надев штаны и обувь, он привязал к бедру кинжал, но складки штанов ниспадали на кинжал и закрывали его до голени» (Фавст Бузанд) [Хазанов, 1971, с. 13-14, 27].

Время, в которое появилась эта система крепления кинжала, установить чрезвычайно сложно, так как ранние известные экземпляры ножен кинжалов с четырьмя выступами сделаны из дерева, и прослеживаются они только в случаях, где есть соответствующие условия для сохранности. Наиболее ранние деревянные ножны были открыты на Алтае в погребениях могильников Юстыд, Барбургазы I и II, Уландрык, датированных V-IV вв. до н.э. [Горелик, 1993, с. 238-239, табл. XI, 85, 87-89; Кубарев, 1987, с. 132, 217, табл. XVI, 13; с. 259, табл. LVIII, 9; 1991, с. 133, табл. XXVII, 26, XLVII, 28, LVII, 27].

Парадные образцы таких кинжалов первых веков н.э. известны из Тилля-тепе (Афганистан) [Сарианиди, 1983, с. 86-88, рис. 45-47; 1989, с. 94-98, рис. 33], Армазис-хеви (Мцхета, Грузия) [Апакидзе, Гобеджишвили, Каландадзе, Ломтатидзе, 1958, с. 32-33, табл. XXX-VIII, 1], Горгипии (Анапа) [Шедевры..., 1987, с. 61, 165] и могильника Дачи (Нижний Дон) [Беспалый, 1992, с. 185-188, рис. 11-12].

Широко известны изображения ножен кинжалов с четырьмя выступами в искусстве Востока. Они зафиксированы на каменных изваяниях I в. до н.э. царей Антиоха I и Митридата Калиникоса в Малой Азии [Ginters, 1928, tab. 26a; Ghirshman, 1962, p. 79, 80; Tanabe, Hori, Miyashita, Haga, 1998, p. 87, 90, pl. 115, 118, p. 92, 96, pl. 120, 124, p. 102, 105, pl. 130, 133] и на многочисленных изображениях Пальмиры первых веков н.э. [Seyrig, 1937, vol. XVIII, fasc.1, с. 29, p. 19; Sculptures of Palmira, 1986, p. 416, fig. 385, p. 420, fig. 389, p. 424, fig. 393, p. 441, fig. 410, p. 467, fig. 441]. В IV в. они встречаются на серебряных сасанидских блюдах с изображениями царей Шапура II и Шапура III [Тревер, Луконин, 1987, с. 107, илл. 6-7, 10-11]. На Боспоре воины с такими кинжалами изображены на надгробиях I – 1-пол. II в. н.э. [Трейстер, 2008, с. 146-160].

До недавнего времени наиболее поздними кинжалами с четырьмя выступами считались находки из Абхазии [Амброз, 1986, № 3, с. 30]. Они обнаружены в погребениях № 39 и 43 могильника Цибилеум-1 и датировались Ю.Н. Вороновым и Н.К. Шенкао 2-й пол. V – 1-й пол. VI в. н.э. [Воронов, Шенкао, 1982, с. 151, рис. 18, 3, 19, 1, 9]. О.А. Гей и И.А. Бажан, предложив дробную хронологию абхазских могильников, удревели эти погребения, датировав их последней четвертью IV в. н.э. [Гей, Бажан, 1997, с. 99, табл. 27, 13, 14]. Здесь, как и в случае с мечом из погребения № 43 могильника Цибилеум-1, я склонен признать правомерной датировку этого комплекса, предложенную М.М. Казанским и А.В. Мастыковой, – временем от 380/400 до 440/450 г. н.э. [Kazanski, Mastykova, 2007, p. 57-58].

В любом случае кинжал у с. Брут, относящийся к первой половине V в., является одним из наиболее поздних кинжалов с четырьмя выступами на ножнах.

Ножны кинжала из погребения № 39 могильника Цибилеум-1 близки рассматриваемому кинжалу из Брута одной конструктивной деталью. В верхней их части боковые выступы лежат на металлической пластине, через которую они соединяются с деревом ножен. Отличие же их в том, что если на кинжале из Цибилеум-1 таким образом оформлены обе пары выступов, то на брутском только верхняя. Отличаются и клинки кинжалов. У обоих кинжалов из Абхазии, судя по рисункам в публикации, они обоюдоострые, тогда как клинок из Брута однолезвийный. В то же время следует отметить, что большинство клинков кинжалов из могильника Цибилеум-1 однолезвийные. Под клинком однолезвийного кинжала из погребения № 58 обнаружен «приржавевший» к нему железный нож [Воронов,

Шенкао, 1982, с. 156-157, рис. 21, 8, 9]. В последнем случае мы, видимо, сталкиваемся с таким типом, когда, как и в brutских кинжалах, кинжал и нож находились в одних ножнах. Сочетание клинков зафиксировано на интереснейшей находке из погребения № 4 Тиллятепе, когда в одних золотых ножнах с двумя выступами в их нижней части обнаружены однолезвийный нож и два небольших обоюдоострых клинка – кинжальчика. Причем нож занимал главенствующее положение, располагаясь с лицевой стороны, а кинжальчики с тыльной [Сарианиди, 1989, с. 98-101, рис. 34]. Ранними находками ножен для двух клинков являются кинжалы из Монголии и Тувы V-III вв. до н.э. [там же, с. 101]. Обычай помещения двух клинков в одни ножны связан, видимо, с простым удобством, когда на поясе подвешено не два предмета, а один. В то же время кинжал не мог исполнять функции ножа, являясь боевым оружием, и в повседневной жизни как нож не использовался. Наиболее поздними образцами такого сочетания клинков являются кавказские кинжалы начала XX в., где на тыльной стороне ножен кинжалов имелись иногда ячейки как для одного, так и для двух небольших ножей.

Кинжал из кургана №2 (рис. 5). Кинжал и нож в одних ножнах в этом кургане были обнаружены справа от рукояти меча, зафиксированного здесь же. Кинжал лежал лицевой стороной вниз, параллельно мечу. Тыльная сторона ножен кинжала была покрыта тонким серебряным листом, на котором четко отпечатались рельеф ножа. Извлечь клинки ножа и кинжала из ножен, как отмечалось, не представляется возможным, поскольку из-за плохого состояния серебряной обкладки ножен она скипелась с предметом целиком и представляет единый монолит. Коррозия клинков привела к увеличению размеров всего блока предмета, что видно на рис. 5. Длина ножен на 2,8 см превышает длину лицевой золотой обкладки. Хотя она и состоит из двух пластин, положенных друг на друга, но нижняя заходит под верхнюю обкладку незначительно.

У правого края тыльной стороны ножен имелись две небольшие серебряные петельки. В эти петельки продевались ремешки, необходимые для крепления кинжала к поясу. Рядом с кинжалом, справа от него были обнаружены и две пары одинаковых пряжек (одна из них частично напозая на кинжал) с наконечниками (рис. 14, 8, 9). Эти пряжки находились около серебряных петелек на тыльной стороне кинжала, из чего следует сделать вывод, что именно благодаря им кинжал пристегивался к поясу. Реконструировать же подвеску кинжала мы можем следующим образом – продетые в петли на ножнах ремешки оканчивались небольшими пряжками, в которые продевались дополнительные ремешки с наконечниками, спускающимися с основного пояса. Эти дополнительные ремешки наглухо крепились к основному поясу, видимо, с помощью двух круглых золотых заклепок найденных в комплексе (рис. 6; 14, б). При таком способе подвески кинжал, как и меч, можно было легко надеть и снять. Таким образом, кинжал подвешивался горизонтально или наклонно с левой стороны (рис. 6).

Ближайшей аналогией вышеописанному кинжалу является кинжал из могилы VIII у с. Новогригорьевка в Запорожской области на Украине. Две П-образные накладки из этого комплекса А.К. Амброз определил как оковки двух боковых прямоугольных выступов для горизонтального или наклонного подвешивания ножен, указав, что этот кинжал является наиболее ранним в Евразии (первая половина V в.) из серии кинжалов с двумя прямоугольными выступами [Амброз, 1986, № 3, с. 30-32, рис.2, 1-5]. Несколько более поздними (конца V – начала VI в.) А.К. Амброз считает согдийские изображения кинжалов с двумя прямоугольными выступами, определяя находку из Новогригорьевки недостающим зве-

ном между изображениями кинжалов на Востоке и скрамасаксами – длинными однолезвийными боевыми ножами германцев в Западной Европе. Имея целый кинжал из Брута, а не во фрагментах, каким он дошел до нас из Новогригорьевки, мы можем уточнить реконструкцию, данную А.К. Амброзом, развернув П-образные скобы так, как они расположены на кинжале из Брута. В этом виде форма ножен кинжала напоминает скорее кинжалы с четырьмя выступами предшествующей эпохи, но сам кинжал, благодаря двум петлям на тыльной стороне ножен, имеет качественно новую – горизонтальную систему подвески. Скорее всего, ту же систему подвески имел и кинжал из Новогригорьевки.

Кинжалы из Брута и Новогригорьевки датируются приблизительно одним и тем же временем – 1-й пол. – серединой V в. Они несколько предшествуют знаменитому скрамасаксу из могилы франкского короля Хильдерика (ум. 481/2 г.) в Турне (Бельгия) [L'or des princes barbares, 2000, p. 206-209], и также более раннего происхождения в сравнении со всеми известными изображениями кинжалов с горизонтальной подвеской на Востоке. Несколько особняком стоят находки из поврежденного погребения из Тугозвонovo на Алтае [Уманский, 1978, с. 129-163]. Здесь были найдены кинжал и палаш, датированные А.П. Уманским IV-V вв. н.э., и дана их реконструкция, судя по которой кинжал имел горизонтальную подвеску. В.Ю. Малашев, проанализировав комплекс, пряжки из него датировал периодом с середины III до середины IV в., но, учитывая наличие перегородчатой инкрустации на кинжале отнес, его к позднему IV в. [Малашев, 2000, с. 203-204]. Вне зависимости от того, датируется ли этот комплекс серединой или поздним IV в., кинжал из него явно старше кинжала из Брута. Если бы не сомнения, высказанные А.К. Амброзом, в корректности реконструкции оружия, приведенной А.П. Уманским [Амброс, 1986, № 4, с. 57-58], мы бы, видимо, имели наиболее ранний кинжал с горизонтальной подвеской. Пока же, до появления более качественных прорисовок этой находки, вопрос остается открытым.

Казалось бы, устоявшееся мнение, что наклонная подвеска кинжалов возникла на Востоке, а затем распространилась на Запад, пока не вполне корректно. Для подобного утверждения нужно признать реконструкцию, предложенную А.П. Уманским, правильной, а происхождение кинжала из Новогригорьевки связать с Востоком. Кинжал же из Брута, как будет показано ниже, был, скорее всего, «восточного» происхождения, но датируется он серединой V в., т.е. не намного предшествует скрамасаксу из Турне. Малое количество таких кинжалов и их недостаточная изученность пока оставляют вопрос открытым. Можно только констатировать, что, видимо, именно V век явился тем рубежом, когда обе системы подвески кинжалов стали сосуществовать и в дальнейшем архаическое привязывание к бедру сменяется горизонтальной или наклонной подвеской.

Кинжал и меч из кургана № 2, возможно, носились вместе на одном поясе. Воин, конечно, мог испытывать определенные неудобства при ношении этих предметов вооружения одновременно, но если учесть, что рассматриваемый длинный меч кавалерийский, то носить его вне конного строя не имело практического смысла, за исключением парадных выходов и редких случаев участия всадника в бою как пехотинца. Иметь же при себе оба предмета при посадке на коня было, на мой взгляд, не так уж и обременительно, учитывая, что меч свободно скользил по портупейному ремню, занимая наиболее удобное для всадника положение. В то же время, спешившись, всадник мог меч легко отстегнуть.

В остальных курганах было обнаружено много фрагментов железных предметов, и только в двух случаях мы можем предполагать наличие предметов вооружения. В курганах № 6 и 8 обнаружены фрагменты, которые следует интерпретировать как клинки кинжалов.

В кургане № 6 (рис. 22, 10, 12) сохранились два фрагмента клинка, на одном из которых (самом широком) имелись остатки дерева от ножен. Судя по фрагментам, клинок был обоюдоострый, линзовидный в сечении с подтреугольной формой острия. В кургане № 8 сохранился фрагмент рукояти с остатками дерева от нее и следом от заклепки (рис. 35, 3) и фрагмент клинка с брусковидным перекрестьем (рис. 35, 4).

Пояса

Из-за ограбленности погребений выявить поясной гарнитур в брутских курганах оказалось возможным только для курганов № 2 и 7. При наличии же в комплексах вещей из этих курганов многих пряжек выбрать ту, которую можно охарактеризовать как поясную, оказалось делом непростым.

В кургане №2 после тщательного отбора пряжек, явно не относящихся к поясу, мы остановились на двух находках – самой крупной пряжке в комплексе (рис. 7, 7) и также крупной, но несколько меньших размеров с двумя наконечниками ремней (рис. 7, 2, 3). Пряжка с двумя наконечниками, судя по стилю их исполнения, составляют единый гарнитур, и именно они вполне могут относиться к поясу погребенного воина. Косвенно на это указывает их местоположение в комплексе, т.е. в верхней части ножен и у кинжала (рис. 3, 11-13). Самая крупная пряжка была сдвинута, и установить место, где она должна была бы находиться, не представляется возможным. Обе пряжки в равной мере могут быть поясными. Что касается пряжки с двумя наконечниками ремней, то ни один из последних не может быть наконечником, которым оканчивается конец пояса. Во-первых, наконечник шире рамки пряжки, а во-вторых, наконечников два. Оценивая их назначение, мы можем в очень осторожной форме предположить, что они являлись декоративными подвесками, спускающимися с пояса на коротких ремешках. Если это так, то мы (хотя в науке и существует мнение, что подвески появляются не ранее VI в. н.э. [Balint, 2000]) имеем здесь наиболее ранние подвески на поясе.

В кургане № 7, при обилии как пряжек, так и наконечников ремней, поясным гарнитуром можно считать самую крупную золотую пряжку, украшенную крупным сердоликом, и крупный золотой наконечник ремня, украшенный тремя гранатовыми вставками (рис. 28, 12, 13). Остальные пряжки и наконечники составляют парные комплекты обувной гарнитуры и уздечки, но об этом ниже.

Завершая краткий разговор о поясе и оружии, к нему подвешенном, следует охарактеризовать еще два предмета из кургана № 2. Я имею в виду кремь и практически не сохранившийся железный предмет⁷, лежавшие вместе, по всей видимости составлявшие огниво (рис. 14, 12). Эти предметы найдены на ножнах кинжала, т.е. в том месте, где сконцентрированы вещи, пристегивающиеся к поясу. На основании местоположения огнива мы можем высказать предположение, что оно могло находиться в каком-либо мешочке или сумочке и пристегиваться к поясу. В этом случае могла быть задействована маленькая пряжка со щитком, имевшим гранатовую вставку, и наконечником ремня, по форме аналогичными тем, которые были найдены в непосредственной близости от кремня и железного предмета, и еще одна круглая золотая заклепка (рис. 6; 14, 6, 10).

⁷ При расчистке погребения на ножнах был оставлен комок грунта, в котором прослеживались окислы железа. Расчистка этого комка ничего не принесла, форму предмета установить не удалось. Считать этот предмет составной частью огнива мы можем по наличию следов от окислов железа на предмете из кремня.

Обувной гарнитур

Интересной находкой в кургане № 2 являются четыре распределителя ремней (рис. 8, 1а-г). В кургане № 2 они были зафиксированы справа от меча (рис. 3, 10, 16-18). Здесь же были обнаружены две пряжки со щитками, украшенными гранатовыми вставками, и наконечник ремня, также украшенный гранатовыми вставками, аналогичный наконечник был найден и слева от меча, несколько налезая на его ножны (рис. 3, 8, 19, 20, 42; 8, 2а-б, 3а-б). Последний наконечник лежал таким образом, что ремень, который им оканчивался, располагался частично на мече, а в основном на пространстве с правой стороны от меча.

Поскольку одна из пряжек лежала рядом с одним из этих наконечников ремня (рис. 3, 19, 20), можно констатировать, что они составляли пару. Другая пряжка и наконечник были им идентичны, и можно сделать вывод, что эти четыре предмета составляли единую группу предметов. Кроме того, первые из рассматриваемых (пряжка и наконечник) предметов лежали рядом с двумя распределителями ремней, дополнявшими эту группу. Они не имели отношения ни к поясу погребенного или его вооружению, ни к оголовью лошади.

Судя по имеющимся аналогиям, все эти предметы следует рассматривать как гарнитур застежек для обуви из мягкой кожи. Указывают на это два случая, когда распределители ремней были обнаружены в погребении *in situ*. В погребении № 27 в некрополе Танаиса (раскопки 1985 г.) и в захоронении № 5 из склепа № 88 могильника Лучистое в Крыму эти предметы были найдены в сочетании с пряжками у голеностопных суставов погребенных, оба погребения датированы V в. н.э. [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 25, табл. 22, 310, 311, 313; Хайретдинова, 1999, с. 206, рис. 5, 9, 12, 13, 14]. В каждом из этих погребений имеется только по два распределителя ремней, по одному на каждую ногу. Аналогичные вышеописанным, два распределителя ремня с пряжками были обнаружены в кургане № 6 у с. Лихачевка Полтавской области. Хотя эти предметы были найдены не в области ног, а на локте правой руки захороненной женщины, А.М. Обломский интерпретирует их как обувной гарнитур и напутственный дар [Обломский, 2004, с. 222-224, рис. 2, 3-6]. В погребении Do-370 могильника Dollkeim-Коврово в Калининградской области было найдено два аналогичных распределителя ремней, интерпретируемых В.И. Кулаковым как «распределительные кольца портупей ножа-кинжала» [Кулаков, 2003, с. 68, рис. 2, 370-8, 17]. Однако, если исходить из того, что вещи найдены в урновом захоронении с кремацией, приведенная интерпретация находки не является однозначной, и эти вещи также можно рассматривать как застежки для обуви. К серии обувных гарнитуров гуннской эпохи, видимо, следует отнести и находку из Хасавюрта в Дагестане, представляющую два предмета, состоящие из двух распределителей, но соединенные не ремнями, как предполагается в вышеописанных случаях, а плетеными, плоскими в сечении металлическими цепями [Kazanski, Mastykova, 1999, p. 564, fig. 25, 6].

Реконструкция обуви с этими элементами для погребения из Лучистого была предложена Э.А. Хайретдиновой [Хайретдинова, 1999, с. 222, рис. 5, 1]. В кургане же из Брута имеются не одна пара распределителей, а две, и в этом случае реконструировать застежку обуви можно по более сложной схеме (рис. 9). На каждую ногу приходилось по два распределителя ремней, по одной пряжке и по одному наконечнику. Распределители располагались с внешней и с внутренней стороны стопы ноги так, что два круглых щитка находились сверху, а один снизу. От нижних щитков отходил ремень, который проходил под подошвой ноги и был наглухо приклепан к этим щиткам. Таким же образом были соединены и два щитка, развернутые на тыльной стороне ноги. От передних же щитков

отходили ремни, которые на концах имели в одном случае пряжку, в другом наконечник, с помощью которых эти ремни и застегивались на передней стороне ноги.

Обувь с подобными элементами была исключительно парадной, и не столько потому, что было использовано золото, сколько из-за наличия цветных вставок, которые при повседневном ношении и частом соприкосновении друг с другом (имеются в виду распределители с внутренней стороны ног) могли то и дело ломаться.

Подобные предметы были обнаружены и в кургане № 7. Здесь среди скоплений находок были найдены и четыре распределителя ремней, и две одинаковые пряжки, и два одинаковых наконечника ремней (рис. 27, 1-8). Их также следует рассматривать как обувной гарнитур.

Рукояти нагаек

Интереснейшими и очень редкими находками являются рукояти нагаек из курганов № 2 и 7 (рис. 7, 1; 30, 1).

Ремень нагайки, как уже отмечалось, крепился с помощью скобы и штифтов на наконечнике. Каких-либо приспособлений, указывающих на способ ношения нагайки, в кургане № 2 не обнаружено, тогда как на рукояти из кургана № 7 в ее нижней части имеется отверстие для петли, одевавшейся на руку. Целиком, т.е. вместе с рукоятью, нагайки встречаются очень редко. Только в рассматриваемых брутских курганах (№ 2 и 7) найдены рукояти нагаек, изготовленные из золота и серебра. Во всех остальных случаях до нас дошли или рукояти, обложенные бронзовым листом, такие как в погребениях 59 и 89 могильника у с. Кораблино в Рязанской области [Ахмедов, 1991, с. 146-150], или золотые цилиндрики со штифтами для крепления кожаного ремня, такие как у дер. Муслимово и в урочище Кубей Одесской области [Засецкая, 1994, табл. 43, 12, 13; 46, 15; Субботин, Дзиговский, 1990]. Довольно частым маркером нагаек в погребениях являются обоймицы-скобы, с помощью которых кожаный ремень крепился к рукояти [Малашев, Маслов, Яблонский, 2001, с. 10, рис. 4, 8; Мошкова, Максименко, 1974, табл. XV, 9-11].

Итак, говоря о брутских нагайках, мы имеем дело с вещами, безусловно престижными, а возможно (и это очень робкое предположение), могущими выступать как своеобразный жезл – символ власти ее обладателя. На какую основу были наложены золотые и серебряные листы рукоятей нагаек, неизвестно. Рукоять из кургана № 2 была раздавлена грунтом, и, чтобы сохранить металл, реставраторам пришлось пожертвовать органикой, заключенной в металлический корпус нагайки. А при неплохой сохранности металла рукояти из кургана № 7 ее пришлось бы разобрать, что могло бы привести к необоснованным потерям (возможно, впрочем, в дальнейшем это и удастся сделать безболезненно).

Конская уздечка

Курган № 2. Ремни оголовья конской уздечки из рассматриваемого комплекса не сохранились, но поскольку они были украшены золотыми сердцевидными бляшками и круглыми бляхами, то, представляя себе направление ремней, мы можем с достаточной долей вероятности реконструировать все оголовье (рис. 13).

Удила с двумя стержневидными псалиями были обнаружены слева от меча (рис. 3, 22; 10). В центральной части каждого псалия имелась прямоугольная рамка, к которой крепились две пары накладок – верхней и нижней, расположенных параллельно друг другу. Рядом с одной из нижних накладок найдена накладка – «чумбур» для крепления и регулирования длины кожаного ремня – повода (рис. 3, 27; 12, 5). Поскольку «чумбур» найден

непосредственно у нижней накладки, крепящейся на псалии, можно сделать вывод, что эти два предмета были соединены очень коротким ремешком. Повод одним концом привязывался к «чумбуру», а другим крепился к аналогичной нижней накладке из другой пары псалиев (рис. 13).

От другой (верхней) пары накладок отходили ремни, через небольшой промежуток, равный длине одной сердцевидной бляшки, которой он и был украшен, соединявшиеся с двумя симметрично расположенными нижними нащечными бляхами, имевшими по три подвески. Бляхи крепились к ремню с помощью штифтов и прямоугольной бронзовой пластины, под которой он и проходил (рис. 12, 2, 4). Далее ремни соединялись с двумя верхними нащечными бляхами, аналогичными двум предыдущим, но с двумя подвесками. Способ крепления этих блях к ремню аналогичен бляхам с тремя подвесками (рис. 12, 1, 3). Отрезки ремня между бляхами были украшены сердцевидными бляшками (рис. 12, б). Далее ремни, по всей видимости, уходили на затылок лошади. Затылочные ремни не были украшены сердцевидными бляшками, но наличие в месте, где они должны были находиться, одной пряжки и наконечника ремня указывает на то, что они застегивались этими предметами (рис. 13).

Две пары круглых блях с подвесками соединялись друг с другом наносным и налобным ремнями. На их наличие указывают уже знакомые нам сердцевидные бляшки, которыми ремни были украшены. В центральной части бляшки, маркирующие эти ремни, оказались сдвинуты. Можно предположить, что кроме сердцевидных бляшек эти ремни могли быть украшены еще и подвесками-«лунницами», которые были сдвинуты скрепером (рис. 12, 7, 8). На реконструкции (рис. 13) мы изобразили подвески-«лунницы» свисающими от налобного и наносного ремней на коротком ремешке, но это только предположение. На самом деле эти подвески могли крепиться непосредственно к этим ремням, без коротких ремешков. Вообще, нахождение подвесок-«лунниц» в этом месте тоже лишь предположение, основанное на том, что одна из них найдена около сдвинутых сердцевидных бляшек наносного ремня.

Продолжений наносного и налобного ремней не сохранилось, но они, что видно по остаткам кожи, проходили под бляхами крест-накрест с ремнями нащечными, образуя два подбородочных ремня. Рядом с круглыми бляхами с двумя подвесками, т.е. с нащечными, были обнаружены две пары пряжек с наконечниками ремней, по паре для каждой стороны предполагаемой головы лошади (рис. 11). Эти пряжки служили для застегивания ремней (рис. 13). При этом ремень, проходящий в пряжку, не мог быть свободно расстегнут, так как наконечник ремня, оканчивающийся полумесяцем, был шире пряжки. Скорее всего, мастер, изготавливавший сбрую, сначала пропустил через пряжку ремень, а уже затем прикрепил к его окончанию наконечники. Этот способ застегивки, судя по наличию двух пар пряжек, мы наблюдаем как с правой, так и с левой стороны головы лошади. При этом ремень (хотя бы один из них) должен был быть достаточно длинным и обладать нужным количеством отверстий для язычка. Аналогичным образом застегивался и затылочный ремень. При подобном способе застегивки ремни, по крайней мере затылочный и один из подбородочных, должны были быть достаточно длинными и иметь несколько отверстий для язычка пряжки. Наличие рядом с оголовьем еще одного наконечника с окончанием в виде полумесяца, а также сдвинутой пряжки, аналогичной остальным трем, указывает на то, что эти два предмета также несли какую-то нагрузку применительно к оголовью. Однако о месте их назначения мы можем только гадать. Возможно, эти пряжка и наконечник также застегивали затылочный ремень. Т.е. он пристегивался двумя симметрично

расположенными пряжками с наконечниками – одна с левой, другая с правой стороны головы лошади. Подобный способ пристегивания затылочного ремня функционально не оправдан, и наличие двух пар пряжек с наконечниками можно рассматривать и как своего рода украшательство.

Курган № 7. Реконструкция узды из кургана № 7, несмотря на то что сохранились довольно крупные фрагменты ремней, имеет большие сложности, чем подобная операция из кургана № 2. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, эта узда была положена в тайник через небольшое отверстие в свернутом виде (рис. 25), и по мере истлевания кожаных ремней металлические части перемешивались, занимая самое разнообразное положение (*in situ* лежали только отдельные фрагменты узды). Во-вторых, как уже отмечалось, разборка тайника, взятого монолитом, производилась без моего наблюдения, и я в результате получил набор разрозненных вещей. Тем не менее, благодаря анализу имеющихся деталей, подсчету всех блях и бляшек, а также консультациям со многими исследователями я предлагаю вариант реконструкции, который на настоящий момент видится достаточно правдоподобным. Если у читателей возникнут конструктивные предложения по улучшению предложенной схемы, они будут с благодарностью приняты.

Итак, обратимся к предлагаемой реконструкции (рис. 30 *а*). В боковые кольца железных удиц вставлялись бронзовые псалии (рис. 30 *а*; 29 *а, б*). Судя по всему, псалии располагались отогнутыми сторонами вверх и назад, так что орнаментированная нижняя сторона выступала наружу и была хорошо видна. Кроме того, в боковые кольца удиц, с внешней стороны от псалиев, были вставлены овальные цельные железные кольца, к которым крепился толстый кожаный ремень повода. Удила и эти кольца отковывались отдельно, затем после монтировки швы соединялись методом кузнечной сварки. Справа от удиц, если смотреть на морду лошади, так сказать, анфас, т.е. слева от всадника, располагался чумбур для крепления и регулирования длины кожаного ремня – повода (рис. 30 *а*; 32, 4).

Псалии крепились к удилам с помощью кожаного ремня, продетого через два центральных отверстия в псалиях, как бы обхватывали кольца удиц. К сожалению, эти ремни сохранились лишь фрагментарно, но, видимо, именно от них отходили концы, которые далее соединялись с остальными ремнями оголовья лошади, а продолжение ремней приходилось на место обрывов. Ремни оголовья изготавливались довольно сложным способом. Если судить по крупным фрагментам этих ремней, то в месте обрыва они представляют почти полую трубку, в которой прослежен тонкий, возможно, сыромятный ремешок (рис. 32, 2*а*, 3). Это свидетельствует о том, что ремень кроился из хорошо выделанного куса довольно тонкой кожи, свернутого в длинную овальную в сечении трубку так, что этот сыромятный ремешок оказывался внутри нее. При этом, возможно, внешний край куса тонкой кожи внутренней стороной приклеивался к поверхности кожаной трубки, а затем трубка уплощалась по всей длине, и в центральной продольной части ремень склепывался теми многочисленными бляшками, которые фиксируются на оголовье. Бляшки разных форм, о чем будет сказано ниже, внутри имели оловянистый припой⁸, с помощью которого крепились сложенные вдвое узкие бронзовые полоски, которые пропускались через проколотое в коже отверстие и разгибались с обратной стороны.

Соединение удиц с псалиями, по всей видимости, производилось следующим образом. Конец ремня, идущий от оголовья к удилам, разрезался продольно пополам и сворачивал-

⁸ Это визуальное наблюдение, так как анализ металла не проводился. В дальнейшем, если удастся его провести, на этот вопрос скорее всего будет получен достоверный ответ.

ся вышеуказанным способом, как бы раздваиваясь. Возможно, для прочности оба конца перевязывались, на что указывают существенные утолщения на остатках этих ремней в месте охвата ими железного кольца удила со стороны оголовья. Затем эти раздвоенные ремни проходили через отверстия в псалиях и, обхватив внешнюю сторону колец удила, опять завязывались узлом. На вероятность второго узла указывают еще одни утолщения остатков ремней, сохранившиеся с внешней стороны псалиев.

Итак, от псалиев отходили ремни, которые через небольшой промежуток соединялись с двумя симметрично расположенными недалеко ото рта лошади нащечными бляхами-распределителями ремней крестовидной формы (рис. 30 а; 31). Бляхи крепились к ремню с помощью штифтов таким же способом, как и вышеописанные бляшки. Далее ремни соединялись с двумя нащечными бляхами-распределителями, аналогичными двум предыдущим, перед ухом лошади. Отрезки ремня между крестовидными бляхами были украшены небольшими бляшками в виде птичьих головок (рис. 30 а; 32, 1). В центральной части этих ремней имелись круглые обоймы, с каждой стороны по одной, со свисающей горизонтально расположенной петлей, напоминающей пряжку без язычка (рис. 30 а; 32, 2). Со стороны удила, от первой крестовидной бляхи-распределителя до обоймы, зафиксировано 8-9 бляшек, а от обоймы и до второй крестовидной бляхи – 11 бляшек. Далее ремни, по всей видимости, уходили на затылок лошади. Эти ремни не были украшены бляшками.

Две пары крестовидных блях-распределителей ремней соединялись друг с другом наносным и налобным ремнями. Каждый из них был украшен одной (на концах «креста», устремленного вверх) бочонковидной бляшкой, а затем тремя трехчастными накладными бляшками (рис. 30 а; 32, 3). А вверх, из угла крестовины бляхи-распределителя под углом в 45 градусов по отношению к соседним ремням, отходили еще по два дополнительных ремня, соединяющихся довольно причудливым образом. Таким образом, от крестовины вверх, по направлению друг к другу отходило по три ремня (рис. 30 а). Центральные, как уже было сказано, составляли обычные наносные и налобные ремни. А ремни, уходящие в центр образованного крестами прямоугольника, пересекались в центральной части и в месте пересечения соединялись наложенной крестовидной бляхой, имеющей окончания в виде ромбов, скрепленной с ремнями с помощью штифтов (рис. 30 а; 30, 3). Местоположение этой бляхи не безусловно, и в это место она была помещена произвольно. Эти ремни, уходящие вверх под углом, около крестовидных блях-распределителей были украшены одной бочонковидной бляшкой и от нее, на небольшом расстоянии, имелась по одной бляшке в виде птичьей головки. Аналогичными бляшками были украшены и ремни, отходящие в стороны от условного прямоугольника. По всей видимости, они соединялись между собой, образуя дополнительную пару ремней на голове лошади, – один под наносным ремнем, другой над налобным (рис. 30 а).

От нижнего конца всех четырех крестовидных блях вниз отходили подбородочные ремни. Причем если бляхи, расположенные ближе к удилам, были соединены ремнем «наглухо», т. е. без разрыва и «украшательства», то нижние ремни от другой пары, по всей видимости, имели и по пряжке, с каждой стороны по одной, эти ремни застегивающие. Еще две пряжки могли застегивать и затылочный ремень таким же образом, как на узде из кургана № 2, т.е. по одной пряжке с правой и с левой стороны от головы лошади. Но это только предположение, основанное на наличии в комплексе четырех пряжек с однотипными щитками и несколько различающихся размерами (рис. 30 а; 30, 6-9) которые очень сложно поместить в какое-либо другое место. Хотя в качестве застежки узды вполне хватало бы и одной пряжки.

Нижний конец каждой крестовидной бляхи-распределителя был украшен небольшим ремешком, оканчивающимся серебряным с золочением наконечником. Всего было найдено четыре наконечника, два со скругленным окончанием и два – в форме полумесяца (рис. 30 *a*). Этот ремешок уходил под бляху и крепился там с помощью штифта, занимая место между подбородочным ремнем и бляхой. Пространство ремешка между наконечником и бляхой было украшено одной бляшкой в виде птичьей головки, развернутой клювом вверх. *In situ* сохранилось только одно соединение бляхи-распределителя с наконечником (рис. 31, *1a, б*). Причем сохранилось сочетание от левой задней пары (если смотреть на морду лошади со стороны удил), и наконечники этой пары имели скругленный конец. В комплексе они были расположены на максимальном удалении от удил. Две другие пары, передние, имели окончание в форме полумесяца (рис. 30, *2, 4*) и найдены ближе к удилам, чем два других. Таким образом, все четыре наконечника ремней являлись подвесками-украшениями.

Прямых аналогий всему конскому оголовью как единому предмету мы не имеем. Скорее всего, многие парадные конские уздечки изготавливались мастерами в каждом конкретном случае индивидуально.

Форма удил с псалиями стержневидной формы и прямоугольной петлей, изготовленной вместе со стержнем, из кургана № 2 имеет некоторые аналогии в памятниках Евразии. И.Р. Ахмедов, классифицировавший псалии эпохи Великого переселения народов, выделил стержневидные псалии в типы 1 и 2. Наиболее близкими брутским (если учитывать и форму рамки) являются псалии из кочевнического погребения в Мертвых солях в Оренбургской области, которые И.Р. Ахмедов датировал последней третью IV – началом V в. н.э. (период D1 по Я. Тейралу) и отнес их к типу 2 по своей классификации. Этим же временем он датировал и брутские псалии из кургана № 2 [Ахмедов, 2001, с. 222, 229, рис. 1, *21*]. Отличие заключается лишь в том, что псалии из Мертвых солей не имеют обмотки серебряной проволокой, но, возможно, имеют рифление. Стержневидные псалии с рифлением, цельнокованные с округлой рамкой-петлей зафиксированы в Венгрии в Печ-Усеге (конец IV – середина V в.) [там же, рис. 1, *26*; *Attila und die Hunnen*, 2007, S. 300] и в Паннонхальме (середина V в.) [*L'or des princes barbares*, 2000, p. 147; *Attila und die Hunnen*, 2007, S. 227], а также в Бризе в Богемии (1-я треть V в.) [*L'or des princes barbares*, 2000, p. 111]. При этом стержни из Паннонхальма покрыты золотой обкладкой. По мнению И.Р. Ахмедова, высказанному устно, брутские псалии из кургана № 2 воспроизводят идею рифления вертикальных стержней псалий в виде обмотки их серебряной проволокой. Украшение стержневидных псалий рифлеными золотыми обкладками мы наблюдаем на экземплярах из Апахиды II в Румынии (третья четверть V в.) и Гроссернера в Германии (конец V в.) [*L'or des princes barbares*, 2000, p. 180, 201], а также во франкском погребении из Крефельд-Геллепа в Германии (начало второй четверти VI в.) [Quast, 2007, S.56-59, Abb. 18, *3*]. Эти псалии имеют другую конструкцию, они вставлялись в железные кольца – окончания удил. Как представляется, датировать удила со стержневидными псалиями следует как гуннским временем, а учитывая находки из Апахиды, Гроссернера, Крефельд-Геллепа, так и более поздним.

Аналогии, которые бы полностью соответствовали форме псалий из кургана № 7, мне не известны. Тем не менее в эпоху Великого переселения народов известно большое количество псалий, своими частями аналогичных или даже почти идентичных описываемым брутским. Если при описании псалиев из кургана № 7 выделить два основных признака: 1 – их общие очертания (верхний конец отогнут назад, а нижний оформлен в виде расши-

ряющей лопасти); 2 – форма крепления их к удилам (с помощью двух центральных отверстий), то сочетания двух этих признаков в других памятниках мы не находим. Однако имеется довольно большая их группа, у которых имеется первый признак, но они имеют округлые или прямоугольные петли в центральной части, изготовленные вместе со стержнем псалий. К ним относятся псалии из погребения № 3 Ахьяцараху в Абхазии [Воронов, Шенкао, 1982, с. 134, рис. 6, 20], погребения № 10 могильника у Лермонтовской скалы [Рунич, 1976, с. 260, рис. 4, 3], из Унтерзибенбрунна [Kazanski, 1996, 112, fig. 3]. И в первую очередь это псалии из погребения № 44 могильника Абгиздраху в Абхазии, имевшие на нижней лопасти орнамент в виде «отступающего уголка» [Воронов, Шенкао, 1982, с. 134, рис. 6, 30]. О.А. Гей и И.А. Бажан датировали этот комплекс в пределах последней четверти IV в., сославшись на наличие в выделенной ими группе абхазских памятников стеклянного сосуда с синими налестками [Гей, Бажан, 1997, с. 25, 99, рис. 27, 20]. Однако нахождение в кургане № 11 раскопанного нами в 2004 г. могильника Брут аналогичного сосуда в сочетании с пряжкой V в. (рис. 41, 2, 3) не позволяет ни сузить дату абхазского комплекса, ни установить ее для брутской находки ранее того же века. Такие сосуды известны по всей Европе и в Средиземноморье в гуннское время и несколько позднее (обзор дискуссии см. [Гавритухин, 2007а, с. 11-13]). В то же время датировать комплекс из брутского кургана № 7 серединой V в., как это предлагает И.Р. Ахмедов [Ахмедов, 2005, с. 247], преждевременно. Пока что эту узду можно надежно датировать первой половиной V в.

Соединения ремней на оголовьях уздечек в комплексах из курганов № 2 и 7 украшены по-разному, в кургане № 2 это круглые бляхи с подвесками (рис. 12, 1-4), а в кургане № 7 они крестовидные (рис. 31). Общим является то, что они с лицевой стороны покрывали соединения ремней и крепились к ремням с помощью штифтов, проходивших через кожу и загнутых на тыльной стороне. При этом если в кургане № 2 ремни на тыльной стороне прикрывала еще и прямоугольная пластина, то в кургане № 7 штифты загибались на поверхности кожи. Круглые бляхи, в том числе и богато украшенные гранатовыми вставками, известны среди находок гуннского времени, например, в богатейшем погребении № 2 из Апахиды в Румынии [L'or des princes barbares, 2000, p. 63, 180], однако сочетание их с двумя и тремя подвесками встречено впервые.

Крестообразные накладки на перекрестья ремней, аналогичные накладкам от сбруи кургана №7, в гуннское время встречены на Северном Кавказе в погребении 10 могильника Лермонтовская скала 2 [Рунич, 1976, с. 260, рис. 4, 6], в могильнике Верхняя Рутха в Северной Осетии [Абрамова, 1997, с. 77, 86, рис. 57, 3] и в разрушенном кургане у ст. Здвиженская около г. Ставрополя [Засецкая, 1994, с. 168, табл. 11, 4]. Они также зафиксированы в могилах VIII и IX у с. Новогригорьевка в Запорожской области на Украине [Амброз, 1989, с. 93-94, рис. 7, 4; 8, 6; Засецкая, 1975, с. 69], в разрушенных погребениях Крыма – в совхозе им. Калинина и в окрестностях г. Феодосия [Высотская, Черепанова, 1966, с. 190, рис. 2, 9; 3, 10; Засецкая, 1994, с. 176, 178, табл. 22, 6; 26, 2], в Якушовице в Польше [Ахмедов, 2002, с.30, рис. 6, 20], в Паннонхальме в Венгрии [L'or des princes barbares, 2000, p. 147] и в Гюнцбурге в Германии (1-я пол. V в.) [Böhme, 1988, S. 26-27, Abb. 6, 12].

Обоймы с круглым щитком и круглорамчатой подвеской из кургана № 7 (рис. 32, 2а,б). Такие обоймы найдены во многих комплексах, например, в кургане 9 могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 201, рис. 35, 5-8], в погребении 10 могильника Лермонтовская скала 2 [Рунич, 1976, с. 259, рис. 3, 18], в склепе № 145 в Керчи в материалах гуннского времени раннесредневекового некрополя Боспора [Шкорпил, 1907, с. 36; Засецкая, 1993, табл. 13, № 31а], в склепе 88 могильника у с. Лучистое в Крыму [Хайрединова, 1999, с. 218,

рис. 4, 1-3], в числе случайных находок у г. Алешки (Кучугуры), в погребении у с. Казаклея [Засецкая, 1994, табл. 15, 10; 47, 14], в погребении 110 могильника Борок II [Ахмедов, 2001а, с. 115, рис. 4, 6].

Накладки для крепления поводка – «чумбур», зафиксированные в курганах № 2 и 7 (рис. 12, 5; 32, 4), имеют аналогии в погребении 10 могильника Лермонтовская скала 2 [Рунич, 1976, с. 259, рис. 3, 17], в погребении у с. Новая Маячка, в числе случайных находок у г. Алешки (Кучугуры), в погребении на городище Беляус, в урочище Кубей [Засецкая, 1994, табл. 9, 9; 15, 8; 26, 15; 46, 4].

Накладка в виде двух пластин с круглорамчатой обоймицей из кургана № 7 (рис. 28, 14) имеет аналогю в инвентаре из погребения у с. Казаклея [Засецкая, 1994, табл. 47, 16].

Бляшки-подвески в виде лунницы, аналогичные находкам из кургана № 2 (рис. 12, 7, 8), но не всегда столь богато украшенные, обнаружены в кургане 9 могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 201, рис. 35, 15], в могиле № IX в Новогригорьевке, у с. Новая Маячка, у с. Здвиженское [Засецкая, 1994, табл. 1, 10; 10, 3; 11, 9], в Верхней Рутхе в Северной Осетии [Амброз, 1989, с. 100, рис. 14, 19-20]. Все эти лунницы происходят из разрушенных погребений, однако наличие в этих комплексах предметов, относящихся к конской узде, позволяет предположительно отнести их к элементам конской упряжи. В погребении на поселении Мухино-2 на Верхнем Дону на груди погребенной женщины также была обнаружена подвеска-лунница [Земцов, 2003, с. 116, рис. 2, 7]. Это указывает на то, что этими предметами украшали не только лошадей. Эволюции их от поздне римского времени до раннего Средневековья посвящена специальная статья [Каргопольцев, Бажан, 1993, с. 113-121], и на этих вопросах мы останавливаться не будем, там же приведена и основная литература.

Бляшки-накладки трехчастные из кургана № 7 (рис. 32, 3) встречены в некоторых памятниках V в.: в могиле № VIII в Новогригорьевке, у с. Новая Маячка [Засецкая, 1994, табл. 4, 1, 2; 10, 2], в погребении № 10 у Лермонтовской скалы 2 [Рунич, 1976, с. 259, рис. 3, 8].

Бляшки-накладки в виде птичьих головок и бочонков с поперечным рифлением встречены не только в кургане № 7 (рис. 31, 32), но также в кургане № 14, где найдено по одной из этих видов бляшек (рис. 47, 3, 8), а в кургане № 12 – одна бочонковидная (рис. 43, 8). Бляшки этих типов были найдены в богатой каменной гробнице могильника V в. н.э. Ираги в Дагестане [Абакаров, Давудов, 1993, с. 102, 215, рис. 49, 9, 15].

Бляшки-накладки в виде лунницы найдены в курганах № 6 и 12 (рис. 22, 3, 8; 43, 4). Аналогичные им бляшки найдены в грунтовой катакомбе (катакомба № 6) могильника Брут, раскопанной М.П. Абрамовой в 1969 г. [Абрамова, 1975, с. 230, рис. 7, 30], в кургане 9 могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 201, рис. 35, 11], в погребении 10 могильника Лермонтовская скала 2 [Рунич, 1976, с. 260, рис. 4, 8; Амброз, 1989, с. 97, рис. 11, 10], в могиле № 4 у городища Гиляч [Минаева, 1982, с. 228, рис. 5, 6, 7], в кургане № 3 у хутора Пирожок на Дону [Безуглов, 1990, с. 84, рис. 1, 5], в погребении в песчаном карьере около с. Синявка близ Танаиса, открытом в 1998 г. [Безуглов, Ильяшенко, 2001, табл. 86, 1080-1083], в погребении 38 кургана 61 позднего некрополя Танаиса [Безуглов, Толочко, 2002, с. 48, рис. 3, 5, 6], в курганах № 1, 3 из Кантемировка на Полтавщине последней четверти IV – 1-й трети V в. [Казанский, Мастыкова, 1999, с. 121, рис. 2, 10-12; с. 122, рис. 3, 11-13; Комар, 2000, с. 40, рис. 5, 40, 42; Обломский, 2003, с. 240, рис. 91, 6-8; с. 92, рис. 92, 7], в склепах гуннского времени в Керчи [Засецкая, 1993, табл. 29, № 144; табл. 58, № 337; табл. 62, № 374], а также в могиле № VII в Новогригорьевке [Засецкая, 1994, табл. 6, 8]. В большинстве случаев эти бляшки-накладки были найдены в нарушенных погребениях, в связи с чем мнение, высказанное С.И. Безугловым и С.М. Ильяшенко, о том, что эти накладки являются частью обувной гарнитуры, нельзя

считать исчерпывающим. Это мы можем достоверно сказать лишь о погребении из Кантемировка и, возможно, о погребении у городища Гиляч. Хотя в последнем случае автор раскопок Т.М. Минаева, указав на возможность отнесения таких накладок к обувной гарнитуре, оговаривает, что нахождение рядом железных удил позволяет также рассматривать их как украшение конской узды [Минаева, 1982, с. 230].

К числу подобных накладок, видимо, следует отнести *бляху-накладку* в форме двух соединенных спинками полумесяцев, найденную в кургане № 8 (рис. 35, 5). Прямые аналогии этой накладке мне не известны, возможно, она является разновидностью трех- или четырехлепестковых накладок, которые принято рассматривать как элементы поясной или обувной гарнитуры [Мастыкова, 2009, с. 64-65].

В кургане № 12 в единичном экземпляре встречена *подвеска грушевидной формы* с чешуйчатым орнаментом (рис. 43, 3). Аналогичная подвеска известна из погребения 28 могильника Курман, и относилась она к конской узде [Ахмедов, 2002, с. 32, рис. 7, 14]. По всей видимости, с конской уздой следует связывать и *обойму* из кургана № 9 (рис. 37, 1), хотя ее функциональное назначение мне не известно.

Пряжки и наконечники ремней составляют довольно значительную группу погребального инвентаря, и большинство из них найдено в непо потревоженных комплексах – тайниках в курганах № 2 и 7, где мы можем, как было показано выше, соотнести эти предметы между собой, составив пары. В остальных же нарушенных комплексах, в курганах № 12 и 13, они могли составлять комплекты, а могли и не образовывать их.

Пряжки зафиксированы в курганах № 2, 7, 11, 12, 13 в количестве 24 предметов. Они изготовлены из золота, серебра, а также серебра или железа, обтянутого золотым листом. Имеются еще две рамки без язычка, одна бронзовая из кургана № 8 (рис. 35, 1) и одна железная из кургана № 9 (рис. 37, 4), но безоговорочно относить их к категории пряжек, учитывая их плохую сохранность, нельзя. Пряжки – однотипные, имеют округлую рамку с утолщением в передней части, хоботковидный язычок, заходящий за передний край рамки, и с уступом у основания. Все перечисленные признаки характерны для всех пряжек, но они разнятся как по форме щитков (о чем поговорим ниже), так и по некоторым мелким деталям, которые могут дать некоторые хронологические различия, на них мы и постараемся обратить внимание.

Несколько особняком от остальных стоят две серебряные мелкие пряжки из кургана № 13, не имевшие обойм (рис. 45, 6, 7). Они хотя и имеют весь набор вышеперечисленных признаков, но эти признаки не столь ярко выражены, как у более крупных экземпляров (рамки скорее овальные, чем круглые, утолщение в передней части рамки незначительное, уступ у основания язычка сглажен), что не позволяет их датировать более узко, чем всей эпохой Великого переселения народов.

Все остальные пряжки с обоймами, хотя и имеют некоторые отличия друг от друга по форме рамок (одни – более овальные, другие – более круглые), но эти отличия скорее технические, чем типологические, и в расчет приниматься не будут. По форме язычка пряжки можно разделить на две группы: 1 – окончания язычков плотно прижаты к переднему краю рамки пряжки, как бы охватывают ее, кроме того, на внешней поверхности некоторых язычков имеется поперечное рифление; 2 – язычок несколько отведен в сторону от рамки, как бы нависает над ней, но не прижат к переднему краю рамки полностью, рифления, как у язычков пряжек 1-й группы, нет. К 1-й группе относятся все пряжки из кургана № 7 (8 шт.) и единственная пряжка из кургана № 12 (рис. 26, 3; 27, 7, 8; 28, 12; 30, 6-9; 43, 2). Ко 2-й – все пряжки из кургана № 2 и единственная пряжка из кургана № 11 (рис. 7, 2, 7; 8, 2а, б; 11, 1а-г; 14, 7-10; 41, 2).

Отличительной особенностью второй группы пряжек является присутствие в этом наборе пряжек с полыми рамками. Они встречены только в кургане № 2. Это две пряжки с неукрашенными прямоугольными обоймами и аналогичная пряжка с обоймой, украшенной треугольным щитком с гранатовой вставкой (рис. 14, 8-10). У этих пряжек отсутствует нижняя половинка рамки, причем не из-за поломок и потерь, а это их характерный признак. Полые рамки, видимо, – достаточно поздний признак для пряжек гуннской эпохи. Они характерны как для «шиповского» горизонта эпохи Великого переселения: от 430/470 до 530/570 гг. (см. [Мастыкова, 2009, с. 19]), так и для почти всего Раннего Средневековья. По форме такие рамки имеют различную конфигурацию, нас же в данном случае интересуют рамки круглые. Поскольку в публикациях на рисунках не всегда приведены изображения рамок в разрезе, мы приведем хотя бы несколько примеров.

В могильнике Дюрсо под Новороссийском сочетание пряжек с цельными и полыми рамками отмечено неоднократно – погребения № 479, 410, 517 [Дмитриев, 1979, с. 255, рис. 8, 1-3; 1982, с. 89, рис. 8, 1-3, с. 95, рис. 10, 10-16]. И если в погребениях № 410 и 479 полые пряжки имеют В-образную или овальную форму, то в погребении № 517 они круглые. Уточнив датировку могильника Дюрсо, М.М. Казанский посчитал, что погребение № 517 занимает промежуточную позицию между фазами 1-2 (450 – 480/490) и 3 (470/480 – 530/540) [Казанский, 2001, с. 45, 46, 52]. На могильнике Ксизово 17а в Задонском районе Липецкой области в погребении № 19 обнаружены округлые пряжки как с полкой (1 шт.), так и с цельными (2 шт.) рамками. А.М. Обломский датирует это погребение серединой V в. [Обломский, 2010, с. 251, 257, рис. 5, 2-4]. Ярослав Тейрал, характеризуя выделенный им хронологический этап D2 (380/400 – 440/450), пряжки с полыми рамками рассматривает как позднее явление, которое, во 2-й пол. V в. в различных типах пряжек с овальной рамой выступает как хроноиндикатор [Tejral, 1997, S. 342]. В качестве примера он приводит погребение всадника из Якушовице [Godlowski, 1995, S. 169, Abb. 4, 5-7] и богатое женское погребение 25/1953 из Лауриак-Цигельфельда (Lauriacum-Ziegelfeld), которое содержало фибулу второй трети V в. [Kloiber, 1957, S. 123, Taf. 51, 1-3, 7-11].

Итак, как видим, пряжки с полыми рамками, являясь самой поздней находкой в кургане № 2, позволяют датировать этот комплекс временем не ранее середины V в., а скорее всего – началом второй его половины. Таким образом, пряжки выделенной 2-й группы следует считать более поздними по сравнению с пряжками 1-й группы.

Обратим внимание на еще одну микродеталь. Все пряжки как первой, так и второй группы имеют обоймы. Почти все обоймы сделаны из согнутой пластины, а в месте сгиба имеется прорезь для язычка, при этом нижняя часть пластины более узкая. Исключение составляет крупная пряжка из кургана № 2 первой группы, у которой нижняя круглая часть обоймы равна по размеру верхней (рис. 7, 2). Это единственный случай, когда нижняя и верхняя части обоймы выглядят так, будто они изготовлены отдельно. При этом верхняя часть обоймы (щиток) приваривалась к отростку нижней ее части, уже смонтированному с рамкой пряжки (возможно, это ремонт). Оформление лицевой стороны обоймы-щитка, выглядит по-разному. Щитки пряжек округлые – в 1-й группе их 3 шт. (рис. 26, 3; 28, 12; 43, 2), во 2-й – 9 шт. (рис. 7, 2, 7; 8, 2а,б; 11, 1а-г; 14, 7); подпрямоугольные – в 1-й группе их 4 шт. (рис. 30, 6-9), во 2-й – 3 шт. (рис. 14, 8, 9; 41, 2); сегментовидные – в 1-й группе их 2 шт. (рис. 27, 7, 8), во 2-й группе их нет; и треугольные – в 1-й группе их нет, во 2-й – 1 шт. (рис. 14, 10). Щитки, за исключением двух пряжек из кургана № 2 (рис. 14, 8, 9) и четырех пряжек из кургана № 7 (рис. 30, 6-9), украшены цветными вставками.

Все неукрашенные пряжки имеют щитки прямоугольной формы с одной заклепкой со штифтом для соединения пряжки с ремнем. Но если щитки пряжек из кургана № 2 прямоугольные, почти квадратные, имеют прямые боковые грани (рис. 14, 8, 9), то щитки пряжек из кургана № 7 подпрямоугольные с вогнутыми боковыми гранями (рис. 30, 6-9). На эти пряжки из кургана № 7 следует обратить особое внимание. В специальной статье М.М. Казанского приведена подборка цельнолитых пряжек с полыми рамками и с вогнутыми боковыми гранями, которые датируются «шиповским» горизонтом и имеют прототипы по признаку «вогнутости граней» в сасанидском Иране [Казанский, 2002, с. 194-196, рис. 1, 12-16]. Рассматриваемые пряжки из кургана № 7 хотя и не литые и не полые, но щитки их имеют вогнутые грани, из чего мы можем сделать вывод, что они или иранского производства, или сделаны по иранским образцам.

При украшении щитков пряжек использовались как разные материалы, так и техники декорирования. Как мы помним, пряжки различаются по степени «отогнутости» кончика язычка над передним краем рамки, но есть и еще одно различие. Если все пряжки кургана № 2, имеющие вставки на щитках, украшены настоящей зернью, то все пряжки из кургана № 7 украшены штампованным орнаментом, имитирующим скань и зернь. Эта отличительная особенность касается и всех других предметов, имеющих вставки и разделяющих инвентарь курганов № 2 и 7 по этому признаку. Кроме того, если почти на всех пряжках из кургана № 2 щитки украшены гранатами (9 из 12 шт.), то в кургане № 7 украшенных вставками пряжек меньше (4 из 8) и присутствуют как гранаты (рис. 26, 3; 27, 7, 8), так и сердолик (рис. 28, 12). Исключение составляет одна пряжка от оголовья лошади из кургана № 2, имевшая стеклянную вставку (рис. 11, 1з). Это, видимо, объясняется утратой гранатовой вставки и заменой ее на имеющееся под рукой стекло.

Таким образом, разделение пряжек из курганов № 2 и 7 на две группы по вполне формальному признаку, связанному с соотношением язычка и рамки, усиливается и некоторыми другими особенностями. Пряжки из курганов № 12 и 11 до некоторой степени подтверждают это наблюдение. Пряжка из кургана № 12 с ободком вокруг вставки из ложной зерни (штамповка) украшена сердоликом и имеет рифление на язычке (рис. 43, 2), т.е. вполне справедливо попала в 1-ю группу. Пряжка же из кургана № 11, попавшая во 2-ю группу, хотя и имеет вставки из граната, характерные для этой группы, но украшена штамповкой в виде ложной скани (рис. 41, 2). Объяснить ситуацию можно следующим. Обе техники декорирования, и зернь и штамповка, были характерны для всей эпохи Великого переселения народов, и появление и сочетание разных признаков на отдельных предметах обычно. В нашем же случае важно то, что предметы из курганов № 2 и 7 различаются, составляя две самостоятельные стилистические группы, в том числе и по форме язычка пряжек. Указанные микродетали (техника декорирования и состав вставок на щитках) не служат хроноиндикаторами сами по себе, возможно, они работают только на могильнике Брут 1. Приведены эти признаки только потому, что вещи, выполненные из драгоценных металлов, – импортные и попасть в рассматриваемый район могли в разные отрезки времени.

Исходя из наличия в кургане 2 поздних пряжек с полыми рамками, различительный признак формы язычка можно рассматривать и как хронологический. В период всего гуннского времени пряжки (пожалуй, самый многочисленный материал) имеют хоботковидные язычки, но степень «отогнутости» его от рамки у них разная. Установить, хронологический ли это признак для всех территорий интересующего нас времени – отдельная и трудоемкая работа. Очень многие экземпляры имеют не вполне

качественные прорисовки по всем важным ракурсам, что существенно усложняет задачу. Тем не менее имеется наблюдение И.О. Гавритухина о пряжках могильника Клиньяр, где язычки плотно примыкали к рамке на всю ее высоту. Пряжки этого типа автор, приведя ряд аналогий (с Северного Кавказа и других территорий), считает достаточно ранними. Их следует датировать последними десятилетиями IV – первыми десятилетиями V в. [Gavritukhin, in press]. Пряжки этого типа В.Ю. Малашев (тип П11) также датирует от последних двух-трех десятилетий IV до раннего V в. [Малашев, 2000, с. 196, 203, 205]. Таким образом, суммируя наблюдения (хотя и не охватывающие всего массива), сделанные при анализе этих пряжек, можно говорить о признаке, который способен стать хронологическим индикатором.

Наконечники ремней, встреченные в могильнике Брут 1, насчитывают 20 целых экземпляров, один относительно целый (в кургане № 11 сохранилась только золотая лицевая обкладка наконечника, да и нет полной уверенности, что это обкладка именно наконечника ремня) и фрагменты приблизительно 6 экземпляров. Наиболее многочисленна группа наконечников подпрямоугольной формы со скругленным концом. Они использовались для пояса воина, для застежки обувных ремней, для портупей кинжала, а также для ремней уздечки. Различаются они размерами, оформлением лицевой стороны и способом крепления к ремню. По способу крепления они делятся на две группы: 1) наконечники, полые внутри, в виде коробочки (рис. 7, 3а,б; 14, 8-10; 28, 13) и 2) из двух спаянных в нижней части пластин, соединенных одним штифтом в верхней части (рис. 8, 3а,б; 11, 2а-г; 26, 4; 27, 5, 6; 30, 2, 4, 5; 31, 1а; 43, 1; 45, 5). Все наконечники небольших размеров ничем не украшены, за исключением одного из кургана № 7, у которого на лицевой стороне имеется вертикальное ребро жесткости (рис. 26, 3). Аналогичное ребро жесткости имеют еще два достаточно длинных наконечника от обувной гарнитуры из этого же кургана (рис. 27, 5, 6). На верхней лицевой части этих наконечников имеется по одной небольшой прямоугольной гранатовой вставке. Наконечники с вертикальным ребром, но двухчастные бытуют в позднесарматское время (тип Н4 по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000, с. 197]). В гуннское время наконечники с вертикальным ребром, но уже одночастные встречены в кургане 9 могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, с. 201, рис. 35, 13а], в кургане 2 могильника Утамыш в Дагестане [Котович, Котович, Магомедов, 1980, с. 57, рис. 10, 7], в погребении 4 могильника Гиляч [Минаева, 1982, с. 228, рис. 5, 8], в склепах Боспора [Засецкая, 1993, табл. 13, 33; 58, 347], в кургане № 1 из Кантемировка на Полтавщине [Комар, 2000, с. 40, рис. 5, 35; Обломский, 2003, с. 240, рис. 91, 1], а также в местечке Кучугуры около г. Алешки Херсонской области [Засецкая, 1994, табл. 15, 1].

Группу из 6 экземпляров составляют наконечники подпрямоугольной формы, несколько сужающиеся к окончанию, оформленному в виде полумесяца. Причем если в кургане № 7 они украшены штампованным орнаментом (рис. 30, 2, 4), то в кургане № 2 инкрустированы гранатами в стиле клуазоне и зернью (рис. 11, 2). Наиболее близкие территориально наконечники такой формы происходят из Дагестана. Они известны в могильниках Паласа-сырт и Урцеки [Гмыря, Ильюков, Магомедов, 2007, с. 173, рис. 2, 1, 2, 5, 9]. Подобные наконечники обнаружены в могильнике Лучистое в Крыму [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 303, рис. 16, 14], в Запорожской области у с. Копуловка, у с. Новая Маячка Херсонской области [Засецкая, 1994, табл. 6, 14; 10, 4] и в кургане из Бабичей Киевской губернии [Гавритухин, 2004, с. 218, рис. 3, 1в]. Вышеприведенные наконечники, которые датируются как первой половиной V в. (Лучистое), так и «какой-то частью VI в.» (Бабичи), служить надежным хроноиндикатором не могут. Характеризуя наконечники этой формы из мо-

гильника Паласа-сырт, авторы статьи о них высказали мысль, что подобные предметы могли служить височными привесками, украшавшими начельник, что иллюстрирует изображение на бронзовом кувшине сасанидского типа [Гмыря, Ильюков, Магомедов, 2007, с. 165, 167]. Возможно, подобное использование этих наконечников и имело место, но в случае с находками из Брута мы безоговорочно относим их к гарнитуру конской узды, что обусловлено их местоположением.

Наконечники ремней, вне зависимости от формы их окончания, на лицевой стороне украшены или гранатовыми вставками в стиле перегородчатой инкрустации (в кургане № 2 у двух наконечников из этого комплекса были украшены и боковые грани – рис. 7, 3а, б), или штампованным орнаментом, точечным, как в кургане № 7 (рис. 30, 2, 4, 5; 31, 1б), и в виде рубчика, как в кургане № 12 (рис. 43, 1). В кургане № 7 два гладких наконечника, имевших вертикальное ребро жесткости, в верхней части украшены прямоугольной гранатовой вставкой (рис. 27, 5, б), а наконечник от пояса из кургана № 7 имел в верхней части три гранатовые вставки и штампованный орнамент в виде семи полушарий, заключенных в кольцо (рис. 28, 13).

Если наконечники со штампованным орнаментом имеют в рассматриваемую эпоху самое широкое распространение, как и наконечники, украшенные отдельными вставками [Засецкая, 1994, с. 43], то наконечники с перегородчатой инкрустацией составляют самую малочисленную группу. Они зафиксированы в склепах «24 июня 1904 г.» в Керчи [Засецкая, 1993, табл. 27, № 125], в разрушенных погребениях у с. Концешты в Румынии и у дер. Муслюмово в Пермской области [Засецкая, 1994, табл. 19, 1; 43, 2], а также в комплексах Сегед-Надьсекшош в Венгрии, Апахида II в Румынии и Блучина-Сезави в Чехии [L'or des princes barbares, 2000, р. 144, 176, 199]. По всей видимости, они принадлежали наиболее богатой и знатной части общества.

Украшения

Женские украшения составляют относительно небольшую группу находок в рассматриваемых брутских курганах. Это связано с их ограбленностью и с тем, что, судя по сохранившемуся инвентарю, раскопаны были в основном мужские захоронения. Если погребение из кургана № 10 и можно рассматривать как женское захоронение, то только основываясь на наличии в нем золотой серьги (рис. 39, 1). Интерпретировать же мужские возможно по наличию в них остатков ременных гарнитуров и вооружения. Что касается кургана № 10, то наличие в нем фрагмента меча позволяет рассматривать его как мужское.

Вышеуказанная серьга в виде несомкнутого кольца с многогранной бусиной на одном из концов – достаточно частая находка в погребениях всей эпохи Великого переселения народов, и не только на Северном Кавказе, но и далеко за его пределами, дошедшая до Раннего Средневековья [Мастыкова, 2009, с. 72-74].

В безусловно мужском захоронении из кургана № 7 имеется набор интересных находок, которые, с некоторым сомнением, следует связывать с набором мужского инвентаря. Это две шаровидные подвески с цепочками, круглая бляха с сердоликовой вставкой в центре и петельками для пришивания (рис. 28, 1, 2) и многочисленные М-образные, треугольные и круглые штампованные бляшки (рис. 28, 5-7, 9-11).

Бляшки всех трех видов – достаточно частая находка в погребальных памятниках рассматриваемой эпохи. Они найдены в погребении с поселения Мухино-2 на Верхнем Дону [Земцов, 2003, с. 116, рис. 2, 3-5], в склепах «24 июня 1904 г.» в Керчи [Засецкая, 1993, табл. 25, № 95, 96, 97], в погребении гуннского времени на Дону близ Танаиса [Каменецкий,

Кропоткин, 1962, с. 237, рис. 2]. Различные сочетания этих видов бляшек, а также наличие какого-либо одного из них фиксируются во многих погребениях позднесарматского и гуннского времени. Они найдены, например, в склепах № 145, 167-169, 175, 176 из Керчи [Засецкая, 1993, табл. 12, № 23; табл. 57, № 319, 323; табл. 58, № 336], в могиле VIII из Новогригорьевки [Засецкая, 1994, табл. 4, 4], близ Танаиса на Дону [Каменецкий, Кропоткин, 1962, с. 237, рис. 2, 2, 3] и в могильнике Ираги в Дагестане [Абакаров, Давудов, 1993, с. 102, рис. 49]. Комплекты всех трех видов бляшек зафиксированы также в Западной и Центральной Европе в погребениях из Эрана во Франции [L'or des princes..., 2000, p. 124], из Регей в Венгрии [Bóna, 1991, S. 19, 270, Taf. 15], из Унтерзибенбрунна [Kazanski, 1996, p. 111, 114, fig. 2, 5]. В последнем случае бляшки найдены в сочетании с подвесками, аналогичными брутским, из кургана № 7. Кроме того, в европейских погребениях зафиксированы различные сочетания этих бляшек (см. [Кишш, 1995, с. 94, табл. 2]).

Сочетания всех трех видов бляшек (более 200 предметов), с круглой крупной бляхой с петельками для нашивки и двумя височными подвесками найдены в могиле № 82 могильника у с. Лучистое в Крыму [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 298, рис. 13, 1, 4, 6, 10]. Различие между находками из Брута и Лучистого заключается в отсутствии в кургане № 7 из Брута некоторых категорий бляшек и пронизок, встреченных в Лучистом. Отличаются также и формы височных подвесок [там же, рис. 13, 2, 3, 5, 7, 8].

Если во многих из вышеприведенных случаев интересующие нас находки происходят из нарушенных погребений и установить, как и на какой предмет они были нашиты, затруднительно, то в погребении из Лучистого, несмотря на повреждение его многочисленными трещинами, некоторое количество предметов найдено *in situ*, что позволило реконструировать находку целиком. По мнению авторов статьи о нем, все эти предметы были нашиты на матерчатую налобную повязку-диадему, чему приводится ряд аналогий [там же, с. 299-301, рис. 14]. Наиболее существенной из них является случай в Восточном Прикаспии. Здесь в пещере на восточном берегу озера Батырь был найден клад драгоценных предметов, среди которых имелась и длинная полоска ткани, расшитая золотыми круглыми бляшками и справедливо определенная как головная повязка – диадема [Скалон, 1961, с. 120-123, рис. 4, 3; 5; 6].

Итак, комплекс из кургана № 7 в Бруте во многом аналогичен Лучистому. Сочетание основных элементов – бляшек, височных подвесок и круглой бляхи с петельками для нашивки присутствует в обоих захоронениях. Из чего можно было бы сделать вывод, что мы и в Бруте имеем женскую диадему. Наличие в воинском погребении женского украшения, по всей видимости, следует рассматривать как заупокойный дар, что не раз фиксировали археологи. Тем не менее, несмотря на эти аргументы «за», есть и существенный аргумент «против», что не позволяет интерпретировать брутские находки как повязку-диадему. Это расположение крупных элементов, таких как одна из круглых подвесок (напомним, другая подвеска была случайно вытащена из тайника одним из рабочих, и место ее в комплексе установить невозможно) и круглая бляха. На рис. 25 видно, что, хотя около круглой бляхи лежат две М-образные бляшки, она лежит в стороне от сочленения таких же бляшек, которые отсутствуют на пространстве между нею и крупной пряжкой. Подвеска также лежит на некотором расстоянии от бляшек с противоположной от бляхи стороны. Оба предмета расположены как бы по центральной оси комплекса, тогда как все бляшки расположены справа на некотором расстоянии от этих предметов. М-образные бляшки концентрируются в двух местах чуть ниже острия кинжала (внизу рисунка) и около крупной пряжки (вверху рисунка), причем плотно прилегая друг к другу. Остальные – треугольные

и круглые бляшки частично шли вперемешку с ними, но в основном в большом количестве лежали слева от всего скопления находок. Они были взяты монолитом вместе с грунтом и, как отмечалось, все еще не извлечены из него. Это обусловлено отсутствием достаточной исследовательской базы для их всестороннего изучения. Возможно, когда эти исследования будут проведены, к вопросу их интерпретации можно будет вернуться.

В то же время в погребении 82 в Лучистом только отдельные бляшки лежат *in situ*. Это не позволяет считать данную реконструкцию безусловной. Мы не исключаем возможности интерпретации находок в Лучистом и Бруте как диадем с нашивными бляшками. Однако следует иметь в виду, что во многих случаях ими расшивали платье, а не головной убор, чему авторы статьи о раскопках Лучистого приводят ряд аналогий [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 301-302]. Очень показательным в этом случае погребение в кургане № 1 Малковского могильника в Южном Зауралье, где многочисленными бляшками, найденными в сочленении (как и М-образные в брутском кургане № 7), были расшиты отвороты кафтана [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 56, рис. 16, IV]. Последнее усиливает сомнение в правильности интерпретации находки из Брута как диадемы. Этот вопрос остается пока открытым.

Кроме кургана № 7, круглые, треугольные и М-образные бляшки найдены в курганах № 6 и 14 рассматриваемой курганной группы (рис. 22, 4; 47, 2, 6, 9), а также в разрушенном кургане из этого же могильника, доследованного С.С. Куссаевой [Амброз, 1989, с. 96, рис. 10, 28, 29].

К категории украшений относятся бусы, найденные в некоторых курганах, и уже упомянутая золотая серьга. Бусы достаточно невыразительные по своим морфологическим признакам и ни на что кроме как на гуннское время не указывают. Надеюсь, что в дальнейшем будет проведен анализ стекла для установления центров их изготовления. Что касается серьги с 14-гранной бусиной, то подобные находки достаточно хорошо известны в памятниках гуннской эпохи и более поздних.

Предметы туалета представлены невыразительным фрагментом зеркала из кургана № 2 (рис. 14, 2). Скорее всего, оно имело центральную петлю на тыльной стороне и не сильно профилированный валик по краю и орнамент в виде двух концентрических линий, между которыми расположены отрезки лучей. Такие зеркала широко распространяются с середины III в. н.э., бытуют в рассматриваемый период – IV-V вв. [Абрамова, 1997, с. 118-119], зафиксированы и в последующую эпоху (подробнее о них см. [Мастыкова, 2009, с. 86]).

Очень редкой находкой является миниатюрное изделие из золота, напоминающее пуговицу из кургана № 13 (рис. 45, 4). Поскольку аналогии ей не известны, то дать ей какую-либо характеристику, в том числе и хронологическую, затруднительно. В то же время она происходит из кургана, который по облику инвентаря отличается от остальных рассматриваемых курганов. Пряжки (рис. 45, 6, 7), как отмечалось, имеют хоботковидный язычок, что характерно для V в., но он недостаточно проработан, и его «хоботковидность» только намечена. В то же время они очень маленькие и тонкие и почти не имеют утолщения рамки в передней части, что существенно отличает их от остальных пряжек брутских курганов, являющихся надежным маркером V в. Датировочным материалом этого кургана также являются найденные в нем две фибулы. Одна из них (рис. 45, 2) соответствует серии III группы 15 (двучленные лучковые фибулы с расширенной ножкой), выделенной А.К. Амброзом и датированной им II-III вв., но на Кавказе бытовавшей до IV в. [Амброз, 1966, с. 52]. Вторая (рис. 42, 3) – соответствует серии VI группы 15 (лучковые и прогнутые фибулы с овально расширенной спинкой и относительно узкой ножкой – «лебяжинская» серия),

ее варианту 4 (двучленные, прогнутые) выделенной А.К. Амброзом и датированной им 2-й пол. IV, V и частично VI в. [там же, с. 57]. Подобное сочетание двух этих типов фибул было отмечено в погребении XXIII могильника Брут 2. В.Ю. Малашев справедливо датировал их последними двумя-тремя десятилетиями IV – началом V в. [Габуев, Малашев, 2009, с. 135-136]. Итак, присутствие в кургане № 13 вышеуказанных пряжек и фибул позволяет датировать этим же временем. Важным в данном случае является то, что в раскопанной группе брутских курганов он является самым ранним.

Стеклянные сосуды встречены только во фрагментах в курганах № 9, 10 и 11 (рис. 37, 2; 39, 2; 41, 3). При чем только сосуд из кургана № 11 в значительной мере сохранил форму, его мы можем отнести к разряду конических кубков (иногда их определяют как лампы) с синими налестками (рис. 41, 3). Такие сосуды известны по всей Европе и в Средиземноморье в гуннское время и несколько позднее (обзор дискуссии на эту тему см. [Гавритухин, 2007а, с. 11-13]). Ближайшей же аналогией коническому кубку из Брута являются сосуды из погребения 10 могильника Лермонтовская скала 2 [Рунич, 1976, с. 258, рис. 2, 12] и из могилы 2 могильника Гиляч [Минаева, 1982, с. 227, рис. 4, 9], где они зафиксированы вместе с материалами не ранее середины V в.

Керамика. Керамическая коллекция могильника Брут 1, относящаяся к эпохе Великого переселения народов, насчитывает в общей сложности около двух десятков сосудов (включая фрагментированные) и происходит из 12 комплексов – курганы № 2-12 (в кургане № 11 керамика имела в обоих погребениях – и в катакомбе, и в подбое); два погребения не содержали керамики – в курганах № 13, 14. Отсутствие керамики в этих погребениях связано, скорее всего, с их ограбленностью, а не с элементом обряда. Этим же фактором можно, видимо, объяснить и незначительное количество сосудов в комплексах, по сравнению с наборами предшествующего времени, содержащими от 2-3 до 6 сосудов на одного погребенного.

Почти вся керамика изготовлена с использованием гончарного круга и достаточно хорошо обожжена (восстановительный обжиг, придающий сосудам темные – серо-черно-коричневые – тона). Представлены исключительно столовые формы – кувшины, кувшинчики, кружки, миска. Почти вся посуда относится к керамическому комплексу раннеаланской/аланской культуры. Особую группу составляют три красноглиняных сосуда, не имеющие прямого отношения к комплексам: целый кувшин и горло крупного тарного сосуда из кургана № 5 и кружка из кургана № 7 (рис. 20, 6, 7; 33, 2). Эти сосуды, скорее всего, были оставлены грабителями, но определить их дату и культурную принадлежность пока затруднительно. Далее мы остановимся на основных формах керамики из погребальных комплексов.

Кувшины насчитывают 3 экземпляра. Наиболее показателен трехручный кувшин из кургана № 3 (рис. 16, 2). Особенности слива, орнаментация тулова вертикальными налестками валиками и наличие ручек на тулове ставят его в один ряд с подобными сосудами, получившими распространение с 1-й пол. V в. на территории от Кисловодской котловины до Северной Осетии [Малашев, 2001, с. 30]. Два других полностью сохранившихся кувшина из кургана № 6 более индивидуальны (рис. 23, 1, 2). При этом орнаментация основания плечиков поясом из заштрихованных треугольников, выполненная широкими смыкающимися пролощенными линиями, у этих сосудов находит аналогии на посуде начала V в. [там же, рис. 75А, 75Б] (см. кружки из могильников Лермонтовская скала 2, катакомба 10 – ранняя группа вещей, и «Шестая шахта»). Анализ остальных морфологических признаков и орнаментации кувшинов из кургана № 6 пока не позволяет дать более точную

хронологическую оценку, но при этом, как уже указывалось, они укладываются в общие представления об аланском керамическом комплексе.

Кружки и кувшинчики. Особую группу образуют три сосуда – кувшинчики из курганов № 4 (рис. 18, 8) и 8 (рис. 35, 6) и кружка из погребения № 2 кургана № 11 (рис. 41, 4). Общее морфологическое сходство – сосуды с высоким горлом и ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику, – усиливается одинаковой орнаментацией тулова и плечиков – вертикальными смыкающимися каннелюрами. Аналогичные сосуды, выделенные в самостоятельную таксономическую группу В.Ю. Малашевым для Кисловодской котловины и района Верхней Кубани (Кк.18 и Кр.18), дают возможность для надежной и достаточно узкой датировки – кон. IV – 1-й пол. V в. [Малашев, 2001, с. 17, 20; рис. 75].

Кружка из кургана № 10 (рис. 39, 5) типологически восходит к сосудам раннеаланского керамического комплекса III-IV вв. [Деопик, 1988, с. 199, рис. 6а, 6б] и получает хронологическую оценку исходя из даты самого комплекса.

Единственный экземпляр миски из кургана № 10 (рис. 39, 7) имеет серию аналогий в наборах посуды из близлежащих погребальных комплексов могильника Брут 2 V в. [Габуев, Малашев, 2009, с. 293, рис. 127], а также из грунтовых погребений Брутского некрополя [Абрамова, 1975, с. 230, рис. 7, 8, 13, 14]. Подобные миски с загнутым внутрь бортиком – неперемный атрибут погребальных наборов позднего II-IV в.; образцы V в. отличаются от последних большей широкодонностью, являющейся надежным хроноиндикатором V в. [Абрамова, 1997, рис. 12, 8, 9, 20; Габуев, Малашев, 2009, с. 293, рис. 127, 17, 18, 21, 23].

В наборе инвентаря кургана № 5 присутствует миниатюрный, видимо, *туалетный сосудик* (рис. 20, 4). Подобные формы керамики в целом мало характерны для погребальных наборов раннеаланской культуры. Зато немалый пласт близких сосудиков известен в предшествующее время в катакомбных грунтовых погребениях первых веков н.э. [Абрамова, 1993, с. 144, рис. 56, 22], а также в комплексах средне- и позднесарматской культур в степи.

Несколько особняком на фоне гончарной посуды некрополя стоит небольшая *лепная чаша* из кургана № 7 (рис. 33, 1). Аналогии ей подобрать сложно. Наличие лепных форм в раннеаланских погребальных комплексах кон. II-III в. большая редкость (единичные случаи зафиксированы, например, в Алхан-кале или Бруте 2). Видимо, традиция использования лепной посуды в погребальном ритуале может являться пережитком указанной выше традиции.

Помимо этого, в состав комплексов входило некоторое количество фрагментированной керамики, также относящейся к керамическому комплексу аланской культуры, но сложной из-за плохой сохранности для культурно-хронологической атрибуции.

О датировке

Как известно, создание дробной хронологии является одной из первостепенных задач археологической науки. От успешности ее решения во многом зависят как многие собственно археологические выводы, так и исторические интерпретации. Что касается курганов могильника Брут 1, то все материалы представляют собой, за исключением кургана № 13, достаточно единый массив. Анализ погребального инвентаря позволяет большинство раскопанных погребений отнести к V в. Курган № 13 можно датировать самым концом IV или рубежом IV-V вв. В любом случае он является наиболее ранним на могильнике. Таким образом, временные рамки раскопанных курганов некрополя Брут 1 укладываются в период от конца IV в. до середины или начала второй половины V в. Чтобы разбить этот

отрезок времени на хронологические периоды, следует прибегнуть к помощи естественно-научных методов исследования.

В работе экспедиции 2004 г., при раскопках курганов № 9-14 принимали участие почвоведы О.С. Хохлова и А.А. Хохлов из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Института биофизики клетки РАН (г. Пущино). Ими были взяты пробы грунта из всех раскопанных курганов. Кроме того, была предпринята попытка взять пробы и из раскопанных в 1989 и 1990 гг. курганов № 2 и 7, как объектов, содержащих максимальное количество инвентаря. Все методы и выводы этой работы изложены в отдельной статье, являющейся приложением к данной монографии, и сейчас мы их излагать не будем. Коснемся только основных выводов.

Все курганы на основе полученных результатов были выстроены в хронологической последовательности. Наиболее ранним в этом ряду оказался курган № 13, что подтверждается и археологической датировкой. Самым поздним оказался курган № 9. Определить его хронологическое положение относительно остальных археологически невозможно, поскольку инвентарь малочислен и невыразителен. Далее почвооведами курганы были разбиты на три хронологические группы. В первую группу попал, как и ожидалось, только курган № 13, во вторую – курганы № 7, 12, 14, в третью – курганы № 2, 9, 10, 11.

Что касается кургана № 13, то, кроме более раннего вещевого материала, он имеет и отличную, как уже отмечалось, ориентировку погребения. Входная яма ориентирована широко, а не меридионально, как в катакомбах всех остальных курганов.

Если с первой группой все ясно, то на двух других следует остановиться подробно. Отличительной особенностью второй, более ранней, чем третья, группы является наличие в камерах катакомб некоторых конструктивных деталей. В кургане № 7 это подпрямоугольное углубление на дне камеры у входа (рис. 24). В кургане № 12 – прямоугольное возвышение на дне в правом от входа углу (рис. 42). В кургане № 14 – вырубленные вдоль боковых стен камеры уступы, во всю их длину (рис. 46). Во всех остальных катакомбах эти детали не наблюдаются. В вещевом материале также имеются некоторые переключки. Самым сохранившимся, как мы помним, является комплекс из тайника кургана № 7. В курганах же № 12 и 14 до нас дошли только отдельные разрозненные предметы. Тем не менее их достаточно, чтобы провести сравнение. В кургане № 14 имеются следующие соответствия с курганом № 7: 1) три типа нашивных бляшек – бляшки треугольные (рис. 28, 5; 47, 2), бляшки в виде буквы М (рис. 28, 7; 47, 6) и, возможно, круглые бляшки, хотя они несколько и отличаются друг от друга (рис. 28, 10; 47, 9); 2) два типа накладок – бочонковидные с поперечным рифлением (рис. 31, 1-3; 47, 3) и в виде птичьих головок (рис. 28, 8; 47, 8); 3) треугольные обоймицы (рис. 33, 4; 47, 7). В кургане № 12 подобных совпадений меньше. Следует отметить аналогичную бочонковидную с поперечным рифлением накладку (рис. 43, 8) и особенности в оформлении единственной имеющейся в этом комплексе пряжки (рис. 43, 2), схожей с некоторыми пряжками из кургана № 7 (рис. 27, 7, 8; 28, 12). Схожим, хотя и несколько различающимся выглядит орнамент, украшающий наконечники ремней из курганов № 7 и 12 (рис. 30, 5; 43, 1), но важным является то, что все они выполнены в технике штамповки. Кроме того, эти наконечники сделаны не из золота, как большинство предметов из кургана № 2, а из серебра, покрытого золотым или позолоченным серебряным листом, как и большинство предметов из кургана № 7. То же можно сказать и о лунницах-накладках, и о грушевидной подвеске из кургана № 12 (рис. 43, 3, 4).

Курганы, входящие в третью, наиболее позднюю хронологическую группу, никакими особыми деталями конструкций катакомб не отличаются. При очень сильной ограблен-

ности курганов № 9, 10, 11 очень мало материала и для сравнения с реперным комплексом из кургана № 2. Тем не менее в кургане № 11 имеется серебряная пряжка с золотым прямоугольным щитком, украшенным гранатовыми вставками (рис. 41, 2), которая указывает на три важных момента. Во-первых, это щиток из золота, а не из серебра, покрытого позолоченным серебряным листом. Во-вторых, вставки на нем именно из граната, как практически все вставки на предметах в кургане № 2. В-третьих, форма язычка пряжки идентична язычкам всех пряжек из кургана № 2. Язычок не плотно охватывает переднюю рамку пряжки, а как бы нависает над ней. Общим же для курганов № 9, 10, 11 является то, что в них найдены, в отличие от всех остальных курганов могильника, фрагменты стеклянных сосудов. Не будучи хронологическим признаком, этот факт, возможно, также указывает на один период попадания в Брут 1 данных предметов импорта.

Выделение второй и третьей хронологических групп в той последовательности, которую предложили почвоведы, стало несколько неожиданным. В поле, во время работ экспедиции, почвоведомы хотя и были намечены эти группы, они не были выстроены в той последовательности, которую мы имеем на сегодняшний день. По моим тогда, как оказалось, ошибочным представлениям, они должны были хронологически поменяться местами. В то же время та последовательность, которая существует сейчас и на которую указали почвоведы после проведения лабораторных работ, позволила обратить внимание на пряжки разделив их на ранние и поздние, как было показано выше, и на все вышеуказанные микродетали, разделяющие вторую и третью хронологические группы. Это разделение довольно логично объясняет присутствие в курганах № 2 и 7 кинжалов с разной системой подвески. Кинжал из кургана № 7 с архаической системой привязывания к бедру оказался в ранней группе, а кинжал из кургана № 2, имевший горизонтальную систему подвески, – в более поздней, третьей группе.

Итак, сопоставив естественно-научные методы с археологическими наблюдениями, можно предположить, что выделение хронологических групп методологически оправданно. Если же рассмотреть остатки погребального инвентаря из курганов № 3, 4, 5, 6, 8, на которых палеопочвенные исследования не проводились, то об их дате, за исключением кургана № 6, мы ничего сказать не можем. Вещевой материал очень невыразителен и укладывается в хронологические рамки существования всего могильника Брут 1. Курган же № 6 мы можем отнести ко второй хронологической группе из-за наличия в нем М-образной бляшки и подтреугольной накладки, аналогичных находкам в курганах № 7 и 14 (рис. 22, 4, 6; 28, 7; 33, 4; 47, 6, 7).

Глава 4

Кому принадлежали курганы у села Брут?

Как уже было сказано в самом начале этой работы, курганы у села Брут в Северной Осетии принадлежали аланам. Мы не будем подробно останавливаться на вопросах происхождения алан. Свою точку зрения я по этому вопросу уже высказывал [Габуев, 1999; 2000] и совсем недавно, с некоторыми изменениями и дополнениями, изложил ее еще раз [Габуев, Малашев, 2009, гл. 2]. Следует отметить только, что формирование алан происходило в последнем веке до н.э. или на рубеже старой и новой эр в глубинах Азии, на территориях, которые Клавдий Птолемей называл Восточной Скифией (где он помещал алан и аланосов), а китайские источники – владением Кангюй (Канцзюй).

Сформировавшись как народ, часть алан в середине I в. н.э. устремляется на запад, доходит до низовьев Дона и Северного Причерноморья, где их фиксируют античные авторы (Плиний, Иосиф Флавий и др.). С момента попадания на страницы исторических хроник аланы заявляют о себе как о серьезной политической и военной силе. В I – II вв. из районов Дона они совершают неоднократные походы на Дунай, а также в Закавказье (Грузию, Армению) и Переднюю Азию (Мидию, Каппадокию). Походы алан в Закавказье и Переднюю Азию проходили через Дарьяльский перевал, т.е. через Центральное Предкавказье. Отсутствие аланских погребальных памятников I – 1-й пол. II в. н.э. в Предкавказье не дает пока (подчеркну – пока) возможности говорить о том, что какая-то крупная аланская группировка закрепились на данной территории уже в это время. Письменные источники также не фиксируют алан в Предкавказье в указанную эпоху, но о присутствии их здесь в III в. свидетельствуют два важных источника.

В первую очередь это надпись верховного зороастрийского жреца Ирана Картира на Кабае Зороастра в честь Шапура I Сасанида (240 – 272): «...в странах не-Ирана (...), именно в тех, куда дошли кони и люди царя царей: в Антиохии, городе и в сирийской стране (...) и в провинции Сирии (...) Тарсе (...), городе и в киликийской стране и в провинции Киликия... и Иберии, и Алании, и Баласакана – вплоть до «Аланских ворот», – [там], где Шапур, царь царей, со своими конями и людьми совершил разгром и пожарища, и опустошения, – именно там мною по приказу царя царей... (были основаны многочисленные зороастрийские храмы)» [Луконин, 1979, с. 19]. Надпись была сделана после победы Шапура I над войсками римского императора Валериана в 259 г. и распространения власти Сасанидов на провинции «не-Ирана» на западе. Упоминание Алании и Аланских ворот (Дарьяльский проход) в надписи Картира свидетельствует о том, что в 60-70-х годах III в. аланы на Кавказе уже занимали прочные политические позиции и место их обитания называлось Аланией.

Еще одним из ранних источников, свидетельствующих о пребывании алан на Кавказе, является «Арабская версия Агафангела». В ней повествуется о крещении народов Кавказа Григорием Просветителем в годы царствования армянского царя Тиридата III (ок. 287 – ок. 330 г.). Наряду с царями Грузии и Абхазии и множеством князей упомянут и «царь аланский», к которому обратился Тиридат с призывом принять христианство и разрушить капища идолов [Марр, 1905, с. 111-115].

Не обошли своим вниманием алан и грузинские летописи. В «Жизни картлийских царей», написанной Леонти Мровели в XI в., являющейся составной частью «Картлис Цхов-

реба» («Жизнь Грузии»), аланы упоминаются неоднократно. Я не буду останавливаться на сюжетах, описанных в этом и других источниках, они были рассмотрены ранее, и изменений в моих оценках рассмотренных событий не произошло [Габуев, 1999, с. 31-54]. Следует только отметить следующее: если походы алан в Закавказье в 72 и 135 гг. скорее всего начинались из района Танаиса – низовьев Дона, то все последующие брали свой старт из районов Центрального Предкавказья. Там алан помимо такого достаточно позднего источника, каким является «Картлис Цховреба», фиксируют и два вышеприведенных свидетельства.

С середины III и до V в. включительно военная активность алан на Кавказе неуклонно возрастает, о чем сообщает Леонти Мровели. Походами их в Закавказье отмечены периоды правления грузинских царей Амазаспа, современника персидского царя Шапура I Сасанида, Аспагура и Мириана (IV в.) и Вахтанга Горгасала (V в.) [Леонти Мровели, 1979, с. 35, 37, 39, 81-85]. О военной активности алан в Закавказье сообщают и армянские источники, но мы не всегда можем с достаточной уверенностью судить, идет ли в этих случаях речь об аланах Центрального Предкавказья или об аланах-маскутах Северного Прикаспия. В большинстве случаев в описании этих событий сообщается, что аланами предводительствуют цари. Таким образом, встает вопрос, кому могли принадлежать курганы у села Брут. И речь идет не об этнической атрибуции этих курганов, ибо нет никаких сомнений, что эти курганы принадлежали аланам, а об определении их социального статуса.

Итак, в Центральном Предкавказье в позднесарматское время наличествует Алания, возглавляемая предводителями, которых источники именуют «царями». Говорить о реальной царской власти в современном понимании для этого периода истории алан не приходится, но упоминание самого термина указывает на высокий авторитет аланских предводителей на международной арене и, видимо, концентрацию в их руках довольно большой власти.

Подтверждают сказанное и археологические источники. В первые века н.э. в Центральном Предкавказье появляются многочисленные городища (Зильги, Алхан-Кала, Брут, Киевское и др.), иногда достигающие площади 1,5 кв. км (раннеаланские слои на них датируются с середины II в. н.э.), и окруженные колоссальными катакомбными могильниками. Одним из таких памятников является Брутское городище и принадлежащие ему катакомбные могильники, которые, как уже отмечалось, состоят из курганов гуннского времени, – могильники Брут 1 и Брут 2; последний из них непосредственно примыкает к городищу. Не останавливаясь подробно на описании могильника Брут 2, поскольку оно уже опубликовано в недавно вышедшей монографии [Габуев, Малашев, 2009], здесь мы обратим внимание только на некоторые важные для нашей темы аспекты.

Итак, могильник, относящийся к городищу Брут, можно разделить на три участка: 1-й – подкурганые катакомбы с ровиками, но без выраженных насыпей и грунтовые катакомбы, суммарно датированные со 2-й пол. II в. до рубежа VI-VII вв. (могильник Брут 2); 2-й – курганный катакомбный могильник 1-й пол. – сер. V в., в котором катакомбы фиксировались под видимыми насыпями, но не имели ровиков (могильник Брут 1); 3-й – грунтовый катакомбный могильник 1-й пол. V в. [там же, с. 9]. Если, как отмечалось, могильник Брут 2 расположен непосредственно у городища, то могильник Брут 1 находится к юго-юго-востоку от городища, изолированно, и на достаточно большом от него расстоянии. Грунтовый могильник V в. расположен также к юго-юго-востоку от городища, занимая территорию между городищем и могильником Брут 1 (на некотором отдалении, но ближе к могильнику Брут 1).

Как видим, грунтовый могильник и курганный Брут 1 синхронны и датируются V в. На могильнике Брут 2 также имеются несколько комплексов этого времени, это курганы № 9, 15 и грунтовые катакомбные погребения № I, II, XXI-XXIII и XXIX. Как соотносятся между собой все эти погребения?

Если рассматривать конструкции катакомб⁹, то на грунтовом и курганном могильнике Брут 1 они идентичны. Схожи с ними и подкурганные катакомбы с ровиками № 9 и 15 на могильнике Брут 2. Несколько отличаются от этой группы грунтовые катакомбы из могильника Брут 2. Отличия эти наблюдаются не по такому важному типобразующему признаку, как соотношение длинных осей входной ямы и камеры, все катакомбы имели перпендикулярное их соотношение, а по другим, менее важным признакам (размеры, количество ступеней, тщательность отделки). Если грунтовые катакомбы из Брута 2 небольших размеров, небрежно сделаны, имеют малое количество ступеней или не имеют их вовсе, то остальные катакомбы больших размеров с большим количеством ступеней и отличаются тщательностью отделки конструктивных деталей. Т.е. первые выглядят более примитивно по сравнению со вторыми. В первую очередь это касается погребений № I, XXI, XXII, XXIX. Погребения № II, XXIII занимают по этим характеристикам промежуточное положение.

Что касается содержащегося в погребениях инвентаря, собственно указывающего на богатство и социальный статус погребенных, то картина выглядит следующим образом. Практически все подкурганные катакомбы Брута 1, несмотря на ограбленность, содержали изделия из золота и серебра. В близлежащих грабленных катакомбах грунтового могильника V в. в отдельных случаях имелись серебряные вещи, как и в грабленных курганах № 9 и 15 могильника Брут 2. Но драгоценных предметов совершенно не зафиксировано в грунтовых погребениях Брут 2, хотя погребения № I, XXI, XXII, XXIII, XXIX ограблены не были.

По территориальному расположению весь массив катакомб гуннского времени делится на две группы. Первая – могильник Брут 2, в котором грунтовые катакомбы социально менее значимы, чем подкурганные с ровиками. На это указывает примитивность самих грунтовых катакомб и отсутствие в них сколь-нибудь значимых предметов инвентаря. Вторая – курганы Брут 1 и катакомбы грунтового могильника V в., где богатством и большими трудовыми затратами на создание погребального сооружения (возведение курганной насыпи), а значит, и большей социальной значимостью, отличаются подкурганные катакомбы. Как видим, и в первой, и во второй группах имеются богатые и бедные, но если соотнести между собой одних бедных с другими бедными же и одних богатых с другими же богатыми, то такое соотнесение выявит некоторые любопытные факты. Если бедные в Бруте 2 – бедняки в полном смысле слова, то бедные грунтового могильника в Бруте 1 имеют серебро. Если богатые в Бруте 2 имеют серебро, то богатые в курганах Брута 1 имеют золото, причем подчас, как мы знаем, в большом количестве.

Вне всякого сомнения, курганы могильника Брут 1 принадлежали социально самой значимой группе представителей аланского общества. С большой долей вероятности их можно отнести как к социальной, так и к воинской элите. В первую очередь на это указывает наличие тайников в курганах № 2 и 7, в которых были зафиксированы скопления драгоценных предметов.

Центральное место в тайнике кургана № 2 занимает меч с золотыми обкладками ножен и рукояти. Остальные предметы комплекса – кинжал, рукоять нагайки, подвеска от меча,

⁹ Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе и приводить чертежи погребений, поскольку вся информация о могильнике Брут 2 опубликована в вышедшей монографии [Габуев, Малашев, 2009].

оголовье конской уздечки, пряжки и наконечники ремней, составляющие как поясной, так и обувной гарнитуры, – группировались вокруг него. Большинство предметов сделано из золота и инкрустировано гранатовыми вставками. Набор вещей из кургана 7 выглядит беднее, чем инвентарь из кургана 2. В нем очень много изделий из серебра, бронзы или серебра и бронзы, покрытых серебряным позолоченным листом, но мало вещей из золота с гранатами. Возможно, это объясняется социальными или небольшими хронологическими различиями погребений, о чем поговорим ниже.

Если говорить о социальном статусе захороненных в курганах могильника Брут 1, то надо иметь в виду следующее. Несмотря на ограбленность, практически все курганы сохранили изделия из золота и серебра, за исключением курганов № 3 и 5. В остальных встречено или только золото (курган № 10), или золото с серебром (курганы № 2, 6, 7, 11, 12, 13, 14), или серебро и серебро с золочением (№ 4, 8, 9). Столь высокая частота встречаемости изделий из драгоценных металлов позволяет предположить, что и в курганах № 3 и 5 они присутствовали до ограбления. Итак, курганы богаты, и напрашивается вывод, что они принадлежали аланской воинской аристократии.

В то же время существует точка зрения, высказанная А.К. Амброзом. Она сводится к тому, что большинство вещей гуннской эпохи, обнаруженных в степи в погребениях кочевников, хотя и производят впечатление особой пышности и богатства, на самом деле являются только их имитацией. Они сделаны из более дешевого, чем золото (серебро и бронза), материала и обтянуты тонким золотым или даже серебряным с золочением листом, а инкрустированы недорогими вставками полудрагоценных камней. Из чего сделан вывод, что эти погребения принадлежали рядовым воинам, а могилы знати еще не найдены [Амброз, 1981, с. 12, 22]. Возникает два вопроса: правомерна ли эта точка зрения и если да, то приемлема ли она для характеристики, например, брутских курганов?

Что касается первого, то, к сожалению, из-за ограбленности большинства погребений гуннской эпохи в степи это мнение, исходя из тех посылок, которые предлагает А.К. Амброз, нельзя ни полностью подтвердить, ни окончательно опровергнуть. Некоторые сомнения всегда могут оставаться. В степи мы на самом деле почти не имеем массивных вещей из золота. Если же обратиться к находкам полихромного стиля гуннской и постгуннской эпохи в Центральной и Западной Европе (стиль «клуазоне»), то картина будет выглядеть следующим образом. В «королевских» могилах, таких как Апахида I в Трансильвании или Хильдерика I в Турне (Бельгия), имеются массивные золотые вещи. Это золотые браслеты с расширяющимися концами, перстни с указанием королевского титула – символы «королевской» власти. Кроме того, здесь имеются Т-образные фибулы типа Келлер 6, которые получали высшие римские чиновники от императора при вступлении в должность, например, губернатора, и литые золотые пряжки [Казанский, Перен, 2005, с. 26, 27, рис. 1, 2; *L'or des princes barbares*, 2000, p. 185, 188, 207]. Эти предметы, являясь инсигниями власти, с одной стороны, указывали на высокий статус их обладателя в иерархии Римской империи (Хильдерик был губернатором западноримской провинции Белгика II), с другой – на верховную власть над своим народом.

На фоне таких погребений могилы кочевников степи выглядят, безусловно, намного беднее, и в оценке их статуса, с оговоркой на ограбленность, я согласен с А.К. Амброзом. А вот применима ли подобная оценка для характеристики таких курганов, как Брут 1? Безусловно, нет, и сам А.К. Амброз указывал, что «вне степи... появление оружия, сбруи, захоронений коней в могилах оседлых народов объясняется прежде всего внутренним социальным развитием общества (возникновением дружины)» [Амброз, 1981, с. 12]. Если

погребения степи единичны, они разбросаны по огромной территории и мы не можем их социально ранжировать, то погребения, связанные с городищем Брут (могильники Брут 1 и 2) эпохи Великого переселения народов, могут быть социально стратифицированы.

Некоторые возражения вызывают только отдельные аргументы, выдвинутые А.К. Амброзом в поддержку своего мнения, – тонкость золотого листа на изделиях и использование дешевых полудрагоценных камней. Если опять обратиться к таким памятникам, как Апахида и Турне, то из массивного золота сделаны только те предметы, которые были перечислены выше. Остальные же находки в этих, безусловно, самых элитных погребениях сделаны из тонкого золотого листа и инкрустированы недорогими, по мнению А.К. Амброза, гранатами. Кроме того, мы практически не знаем в рассматриваемую эпоху предметов, инкрустированных именно драгоценными, а не полудрагоценными камнями.

В этой связи можно констатировать, что ни небольшая толщина золотого листа, ни дешевизна гранатов не являются сами по себе социальным маркером. Эти два признака следует рассматривать как элементы «моды», о которой высказывался сам А.К. Амброз, характерной для Евразии в рассматриваемый период. Золотые вещи с инкрустацией гранатами могли встречаться в погребениях как правителей и аристократии, так и в захоронениях среднего, в нашем нынешнем понимании, класса. Определяющим признаком при социальной интерпретации комплексов может служить сочетание качества и количество этих предметов в погребениях. Да и столь ли уж дешевы были эти гранаты? Говоря об этом, надо учитывать два момента. Во-первых, повторюсь, мы не знаем более дорогих камней, встреченных на предметах, принадлежавших князьям-варварам. Во-вторых, большинство гранатов в Европу в это время поступало из Индии и Цейлона, а месторождения чешских гранатов стали активно разрабатываться только в начале VII в. [Перен, 2005, с. 42-47]. Из чего следует, что мнение о дешевизне этих камней выглядит излишне категоричным.

Возвращаясь к брутским памятникам, можно констатировать, что наиболее богатым является курган № 2. Предметы из этого комплекса сделаны в основном из золота и только в нескольких случаях обтянуты золотым листом. Некоторые вещи, такие как меч, кинжал, нагайка, обувной гарнитур, являются не просто богатыми, но и в высшей степени престижными и социально значимыми. Мечей с золотой обкладкой немного, а экземпляр в полностью сохранившемся виде эпохи Великого переселения народов дошел до нас один – и это брутский меч. От меча из могилы Хильдерика в Турне сохранились только отдельные элементы, включая рукоять из золотого листа. Мечей с золотой обкладкой рукояти в Европе найдено всего около 30 [Казанский, Перен, 2005, с. 35], и большинство из них интерпретируются как атрибуты княжеского вооружения, хотя далеко не все имели золотую обкладку ножен. Таковы, например, мечи из Пуана (Франция) или Гюльтлингена (Германия) [L'or des princes barbares, 2000, p. 167, 203]. Кроме того, именно в некоторых «королевских» погребениях Европы встречены наконечники ремней, лицевая сторона которых сплошь покрыта гранатовыми вставками, что, на мой взгляд, также сближает социальный статус их обладателей с брутским захоронением из кургана № 2, где большинство наконечников ремней сплошь покрыты гранатами.

Немного и кинжалов с золотой обкладкой, и столь богатых обувных гарнитуров, а нагаек из золота и серебра всего две и обе из Брута (одна из кургана № 2, вторая – из № 7). Таким образом, погребение в кургане № 2 следует трактовать как «царское», если исходить из письменной традиции, описывающей кавказский регион, или «королевское», если искать ему европейские аналогии.

Беднее, чем в кургане № 2, хотя и достаточно богатым, выглядит погребение из кургана № 7. Это бросается в глаза хотя бы по отсутствию меча, аналогичного рассмотренному выше. Но не это главное. Меч мог находиться не в тайничке небольших размеров, а в камере катакомбы, непосредственно рядом с погребенным воином и стать добычей грабителей. Важно, что в тайнике этого кургана немного вещей, сделанных целиком из хотя и тонкого, но золота. К несомненно роскошным вещам из кургана № 7 можно отнести две золотые шаровидные подвески с гранатами. С некоторой натяжкой – крупную пряжку с наконечником и обувной гарнитур. Все же остальные вещи сделаны из более дешевого, чем золото, материала (железо, бронза, серебро), иногда обтянуты золотым или серебряным листом с позолотой.

Разнятся вещи и в технике их декорирования. Если в кургане № 2 главенствовали изделия, украшенные зернью, сканью и гранатами, то в кургане № 7 преобладает тисненый орнамент в виде рубчика, имитирующего скань и зернь, т.е. штамповка. Не столь богато оформление и кинжала из кургана № 7, он украшен только несколькими элементами из серебра с золочением. Следует отметить и очень небольшое количество гранатов в этом комплексе. Они имеются только на вышеуказанных подвесках (рис. 28, 1, 2), на самом крупном наконечнике ремня (рис. 28, 13) и на пряжках и наконечниках обувного гарнитура (рис. 27, 5-8). И это два единственных случая (имеются в виду два наконечника), когда на наконечниках ремней встречены гранаты, причем по одной небольшой прямоугольной вставке. В остальных случаях наконечники ремней украшались штампованным орнаментом в виде ложной зерни.

Встают вопросы, на которые пока достаточно трудно ответить однозначно: являются ли различия в выявленных сходных предметах (а именно: зернь или штамповка, гранаты или их отсутствие, чистое золото или покрытие предметов листовым золоченым серебром) социальными или это лишь некоторые временные различия. Соответственно возникает и вопрос о том, сколь социально разными или близкими были погребенные в курганах № 2 и 7 и обусловлено ли их различие хронологией.

Если оценивать технические приемы изготовления этих вещей, то надо иметь в виду следующее. Штампованный орнамент в виде рубчика, имитирующий скань и зернь, характерен для всей эпохи Великого переселения народов и распространен был на всей территории бытования полихромного стиля [Засецкая, 1982], причем в этой технике выполнены вещи из самых престижных памятников Центральной и Западной Европы. Что же касается гуннского времени, то настоящая зернь характерна для территорий к востоку от Днепра. Она бытует на пространстве от степей Причерноморья, Нижнего Поволжья до Приуралья, Средней Азии и Алтая и очень редко встречается на Западе [там же, с. 16, 23-24; Казанский, Мастыкова, 2004, с. 166-167]. В то же время для Запада в большей мере характерна перегородчатая инкрустация, когда предметы полностью или почти полностью покрывались гранатами (стиль «клуазоне») и дополнительное украшательство не требовалось. На Востоке же наряду с гранатами в большем количестве использовался сердолик и наряду с клуазоне распространены вставки в отдельно напаянные гнезда.

Исходя из суммы этих противоречивых данных, сделать окончательный вывод, что какая-то ювелирная техника была более, а другая менее престижна, чрезвычайно трудно. В связи с этим опять-таки встают несколько вопросов – являлись ли эти вещи привозными или изготавливались на месте, имеют ли они для данного конкретного района хронологические особенности, т.е. один комплекс чуть более раннего, другой чуть более позднего происхождения, или все же здесь существовала некоторая иерархия вещей разного стиля.

Если вещи привозные и разновременные, то в один какой-то момент к аланам, например в качестве политического дара, мог попасть комплекс предметов, обнаруженный в кургане № 2, а в другой – в кургане № 7. Говорить в этом случае о статусе вещей затруднительно, так как их подбор зависит от воли и политической задачи «дарителя». Но если они привозные и одновременные, то, скорее всего, различия между ними статусные. Если же они местного производства, что при отсутствии выявленных мастерских будет очень трудно доказать, то различия между ними могли быть как хронологические, так и социальные.

Итак, если предположение, которое было высказано ранее, о временных различиях курганов № 2 и 7 верно (курган № 7 более ранний, чем курган № 2, и я считаю, что вещи, скорее всего, были привозными), то ответ на вопрос о социальном статусе погребенных решается в пользу более высокого ранга погребенного в кургане № 2 только на основе некоторых дополнительных признаков. На это указывают и величина курганной насыпи – в кургане № 2 она двухметровая, а в кургане № 7 составляет всего 1 метр, – и существенная разница в размерах катакомб. Катакомба кургана № 2 больше по размерам и глубине залегания камеры, т.е. трудозатрат на ее сооружение, как и на возведение курганной насыпи, пошло намного больше, чем на сооружение катакомбы кургана № 7. Кроме того, во входной яме кургана № 2 обнаружено конское захоронение. В других курганах конские захоронения отсутствуют. Все сказанное указывает на более высокий социальный статус погребенного в кургане № 2.

В целом же вся курганная группа у с. Брут (могильник Брут 1) представляет собой достаточно гомогенный памятник. Он имеет узкие хронологические рамки, одинаковый обряд погребения (в данном случае важно наличие курганной насыпи), и в большинстве курганов сохранились остатки снаряжения воина и клинковое оружие. Можно предположить, что это было элитное кладбище, где в кургане № 2 был похоронен «царь», в кургане № 7 – кто-то из его ближайших старших родственников¹⁰, а в остальных курганах – представители воинской аристократии.

На правильность последнего вывода указывает и то, что на могильнике Брут 2, как уже было отмечено выше, хотя и зафиксированы катакомбы гуннского времени, но они (как грунтовые, так и подкурганные с опоясывающими ровиками) выглядят значительно беднее. Оба могильника находятся на расстоянии нескольких километров друг от друга и оба относились к Брутскому городищу. И если могильник Брут 2 можно считать кладбищем для рядовых горожан – причем при наличии определенной стратификации внутри их общества (курганы с ровиками богаче грунтовых), – то могильник Брут 1 являлся местом погребения аланской элиты, составляющих особую родовую или даже, возможно, племенную группу. Эта группа также, видимо, имела свою стратификацию. Я имею в виду наличие погребений как в подкурганных, так и в грунтовых катакомбах. Это позволяет характеризовать этот могильник как кладбище аланских правителей, быть может и их дружины. Говоря о последней, можно предположить, что в рассматриваемый период это была группа воинов, связанная с правителем кровнородственными или клановыми отношениями, и процент дружинников был невелик.

Сколь широко распространялась власть аланских предводителей, погребенных у села Брут в Северной Осетии, мы не знаем. На близлежащем аланском городище у села Зильги элитных погребений гуннского и постгуннского времени пока не выявлено. Но сопостави-

¹⁰ Хотя и для такого узкого хронологического среза, который представляют курганы № 6, 7, 12 и 14, не все до конца ясно. Возможно, в этой группе не курган № 7 был самым элитным. Более высокая и большая по площади насыпь кургана № 6, чем в кургане № 7, и также наличие в нем среди остатков инвентаря изделий из золота, оставляет вопрос о выборе приоритетов между ними открытым.

мые по пышности и богатству комплексы этого времени обнаружены в Ингушетии [Древности Магаса, 2002, с. 13], в Кабардино-Балкарии у села Зарагидж [L'or des princes barbares, 2000, р. 162-165] и в районе Кавминвод [Казанский, Мастыкова, 2001]. Это указывает на наличие у алан Центрального Предкавказья не одного, а нескольких центров власти. Установление характера взаимосвязей между ними – дело будущего.

Великолепное оружие и конское снаряжение, найденное в брутских курганах, свидетельствует не только о богатстве и знатности их обладателей, но и о включенности алан в активные международные отношения. Ведь скорее всего, лучшие образцы брутских золотых находок изготавливались все-таки не в местных ювелирных мастерских, а оказаться в Бруте они могли или в качестве военного трофея, или, что более вероятно, дипломатических даров. Это предположение не исключает того, что какие-то вещи полихромного стиля могли производиться на месте, но пока для такого утверждения у нас нет оснований.

Говоря о включенности алан в активные международные отношения, следует остановиться на политической обстановке, сложившейся в регионе в гуннское время. Сразу же оговоримся, что источников этого периода крайне мало и мы коснемся вопросов, связанных только с историей алан Центрального Предкавказья и их взаимоотношениями с гуннами, а не всего Кавказа или историей гуннов.

Важнейшим источником, осветившим начало гуннской эпохи, является труд «История», в оригинале «Res Gestae» («Деяния») Аммиана Марцеллина (закончен около 390 г.). Этот историк Рима неоднократно упоминает алан, он описывает их географическое положение, приводит ценные этнографические наблюдения и некоторые исторические сведения. Важнейшим из последних является сообщение о вторжении гуннов незадолго до 376 г. в земли алан. В своем сочинении Аммиан помещает алан на разных территориях, и пересказывать эти сообщения мы не будем, так как характеристика их мною уже приводилась [Габуев, 1999, с. 71-77]. Отмечу только два важных момента. Во-первых, Аммиан ни одну из аланских группировок не помещает непосредственно в Центральном Предкавказье. Этот регион остался, видимо, вне поля его зрения. Во-вторых, он четко указывает, с какой группой алан гунны вошли в соприкосновение: «...гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с гревтунгами (остроготами. – *Т.Г.*) и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрманариха, весьма воинственного царя...» [Аммиан Марцеллин, 1994, с. 494]. Таким образом, столкновение гуннов произошло с группировкой алан-танаитов, обитавших в низовьях Танаиса-Дона. Не преуменьшая степень серьезности поражения этих алан, следует иметь в виду, что разгром не носил тотального характера, поскольку в последующих событиях этим и многими другими авторами аланы в Восточной и Западной Европе упоминаются неоднократно. Различные их группировки выступают в качестве серьезной политической силы, как на стороне гуннов, так и против них (битвы при Адрианополе в 378 г., на Каталаунских полях в 451 г. и пр.). Косвенно на степень поражения алан указывает Иордан, автор VI в.: «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них (общей) человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками» [Иордан, 1960, § 126, с. 91]. Слова «подчинили... обессилив» ни в коей мере не говорят о разгроме и уничтожении. Не были подвергнуты разгрому и уничтожению, как считалось раньше, многие города и поселения Боспора [Айбабин, 2003, с. 15].

Итак, часть алан, а именно аланы-танаиты, потерпели поражение от гуннов, с которыми отправились в Европу и имели бурную и насыщенную событиями, хотя и кратко-

временную историю. А вот коснулся ли гуннский разгром северокавказских алан и если да, то в какой степени? В кавказоведении сложилось мнение, что коснулся, и одним из аргументов является вышеприведенное сообщение Иордана. А.В. Гадло, на его основании и сопоставив с сообщением Аммиана, приходит к выводу, что Иордан говорит не только о покорении алан-танаитов, но алан вообще, в том числе и частично алан Северного Кавказа [Гадло, 1979, с. 11-13]. Отсутствие в тексте у Иордана алан-танаитов как таковых ставит вывод А.В. Гадло под сомнение. Не вызывает возражения то, что нападению гуннов в 70-е годы IV в. подверглись не только аланы, но многие другие племена Азово-Каспийского междуморья, в том числе и какие-то территории Северного Кавказа, но говорить о массированном вторжении гуннов на территорию алан Центрального Предкавказья не приходится. Письменные источники об этом молчат. Однако, поскольку подобное мнение существует, рассмотрим некоторые исторические сюжеты.

То, что какая-то часть гуннов осталась в Азово-Каспийском междуморье и продвинулась на Северный Кавказ, сомнений не вызывает. Несколько забегаая вперед хронологически, отметим один момент, относящийся ко времени царствования Аттилы (434-453). Приск Панийский, автор V в., в 448 г. побывавший в ставке Аттилы в составе константинопольского посольства, сообщает интересный факт. Аттилой был послан к акацирам (одному из гуннских племен на востоке) Онегесий, один из его приближенных, вместе со старшим сыном Аттилы, для того, чтобы «поставить своего старшего сына царем этого народа» [Приск Панийский, № 4, с. 252-253]. Рассматривая это и другие сообщения авторов того времени, А.В. Гадло делает справедливый вывод, что помимо гуннской державы на Западе существовала и гуннская конфедерация на Востоке, в Азово-Каспийском междуморье [Гадло, 1979, с. 50-53].

В то же время в сочинении Приска фигурирует эпизод (относящийся к более раннему времени, чем вышеприведенный) о том, что «по заключении мира с римлянами (имеется в виду договор в Марге около 434 г. – Т.Г.) Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с саросгами» [Приск Панийский, 1948, с. 245-246]. Под «саросгами» А.В. Гадло, правда в очень осторожной форме («весьма заманчиво»), готов видеть осов-алан, к покорению которых Аттила и Бледа стремились, интерпретируя этот термин следующим образом: «сар-и-осаг – глава, царь осов – социальный термин, принятый Приском за наименование этноса» [Гадло, 1979, с. 50-51]. Хотя нельзя исключить, что гунны могли стремиться к покорению алан, этот фрагмент, скорее всего, с аланами не связан. Под именем «осы» или «овсы» аланы фигурируют только в грузинской летописной традиции, соответственно вряд ли именно этот термин мог появиться в обозначении этого народа в среде гуннов времени Аттилы. К 30-м годам V в. гунны уже несколько десятков лет имели общение с этим народом, и все современники, описывающие политические события той эпохи, именуют его «аланами».

Итак, обратимся к гуннам на Северном Кавказе. Об их пребывании здесь свидетельствуют события 395 г. Высший сановник восточной части Римской империи Флавий Руфин, составив заговор против императора Аркадия, призвал гуннов на помощь и направил их в Малую Азию и Сирию через Кавказ [Гадло, 1979, с. 17-18]. Об этом сообщают три современника этих событий. Римский поэт Клавдий Клавдиан (375-404) пишет, что в них приняли участие гунны, которые живут «...на крайнем востоке Скифии за ледяным Танаисом», и вторжение происходило «по нежданному пути через Каспийские ворота и арменские снега» [Клавдий Клавдиан, 1949, с. 253-254]. Подтверждают эти сведения данные, сообщенные современниками тех событий Евсевием Иеронимом и Филосторгием.

И если Евсевий Иероним подтверждает факт вторжения через Кавказ, не указывая конкретную территорию, через которую оно проходило: «Восток казался не тронутым этими бедствиями (нашествием варваров. – *Т.Г.*) и только приведенным в ужас вестями о них. Но вот тебе в прошлом году (395 г. – *Т.Г.*) напущенные на нас северные волки в короткое время обрыскали столь обширные провинции» [Евсевий Иероним, 1949, с. 228], то Филосторгий, правда косвенно, указывает, что вторжение происходило через восточную часть Кавказа: «Другие же (имеются в виду гунны. – *Т.Г.*), жившие восточнее, перейдя через реку Танаис и вторгнувшись в восточные области, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Келесирии и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей...» [Филосторгий, 1948, с. 282].

Итак, мы узнаём, что после ухода одной части гуннов на запад другая их часть осталась в Каспийско-Азовском междуморье, Причерноморье и на Северном Кавказе. Однако то, что поход на восточные провинции Рима производился через Каспийские ворота, ничего не говорит нам о характере взаимоотношений гуннов с аланами. Мы можем только констатировать, что гуннами контролировался Северо-Восточный Кавказ.

Следующее крупное событие на Кавказе, связанное с пребыванием здесь гуннов, относится к первой половине V в., и повествует нам об этом современник его Приск Панийский. Этот автор, как уже отмечалось, в 448 г. побывал в ставке Атиллы в составе константинопольского посольства. Во время этой миссии Приск из разговора с послом из Рима по имени Ромул узнает, что Атилла, стремясь расширить свои владения, желает двинуться даже в Персию. По словам Приска, Ромул сообщил, что гунны «уже давно делали вторжение в Мидию», и привел эпизод, когда «... пришли... в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза. ...они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятеля, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда... прибыли на родину» [Приск Панийский, 1948, с. 257].

Итак, это вторжение гуннов в Закавказье происходило на этот раз через Северный Кавказ, а точнее, через Дарьял, и возвращались они через Прикаспий. На то, что вторжение проходило через Дарьял, в сообщении Приска указывает следующее – то, что возвращались они «другой дорогой» мимо «пламени, поднимавшегося из подводной скалы», т.е. через нефтеносные районы Апшеронского полуострова. А раз так, то вторжение должно было произойти или через Центральное Предкавказье (Дарьял), или через Западный Кавказ. Последний путь маловероятен, так как он должен был бы пролегать через Боспор, значительную часть Черноморского побережья, всю Грузию, а пройти его всего за 15 дней было бы затруднительно. Кроме того, скорее всего этот путь был бы отмечен Ромулом как хорошо известный римлянам. Когда точно происходили эти события, в источнике не сообщается, в тексте говорится лишь что гунны «уже давно делали вторжение», т.е. до 448 г., когда посольство Приска прибыло в стан Атиллы. А.В. Гадло считает, что поход этот можно отнести к 30-м годам V в., т.е. до создания персами при Иездигерде II (438-457) системы укреплений на западном побережье Каспийского моря [Гадло, 1979, с. 50]. А.Г. Фурасев,

проанализировав сообщение Приска и сопоставив его с политическими реалиями 1-й пол. V в., пришел к заключению, не противоречащему наблюдению А.В. Гадло, что этот поход относится к 421 г. [Фурасьев, 2004, с. 92-103]

Еще один автор V в., армянский историк Егишэ, также пишет о вторжении гуннов в Закавказье. Описывая восстание царя Албании против персов в начале правления царя Ирана Пероза (458-484), Егишэ сообщает что персы «...ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию (восставших. – Т.Г.), – отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из hОнов и сражались один год с царем Албании. Хотя и поколебалось и рассеялось его войско от войска hОнов, но его не смогло покорить» [Егишэ, 1971, с. 170]. Под войсками «hОнов» мы без труда узнаем гуннов, а если обратиться еще к двум фрагментам труда Егишэ [там же, 1971, с. 31, 127], то их же мы видим и под наименованием «Хайландуры». Возможно, в первом случае это название всего народа, а во втором – племенной или правящей группы. Как бы то ни было, перед нами свидетельство еще одного, третьего по счету, вторжения гуннов в Закавказье.

И последнее интересующее нас событие относится ко времени царя Вахтанга Горгасала, правившего Грузией в середине – второй половине V в. Сведения об этом мы находим в «Жизни Вахтанга Горгасала», труде, приписываемом Джуаншеру Джуаншеряни, вошедшем составной частью в «Жизнь картлийских царей» Леонти Мровели (XI в.): «В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска овсов и полонили от берегов Куры до Хунани, разорили просторы да заняли укрепленные города, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт – девочку трех лет... прошли Ворота Дарубанда, ибо сами дарубандцы указали им [этот] путь, и затем вернулись в Овсети победителями. В ту пору появились греки в Абхазии... захватили земли от Эгрис-Цхали до Цихе-Годжи ...» [Леонти Мровели, 1979, с. 81].

По прошествии нескольких лет, после своего воцарения в 15-летнем возрасте, Вахтанг обращается с речью к картлийским вельможам, в которой сообщает, что «невмоготу мне более насмешки овсов», и призывает к отмщению. «Вахтанг призвал все рати картлийские», а «цари овсетские собрали свои войска, призвали силы из Хазарети и встретили [Вахтанга] у реки, что проходит через Дариалан и разливается по Овсетской равнине... Оба войска разбили лагерь по обе стороны реки... » [Леонти Мровели, 1979, с. 81-82]. Успешно завершив сражение, «[картлийцы] вторглись в Овсети, сокрушили там города, захватили большую добычу и увели в полон». Далее происходит обмен пленными: «Вахтанг выдал им (овсам. – Т.Г.) тридцать тысяч пленников в обмен за свою сестру и вернул ее себе...» [там же, с. 85].

Проанализировав это сообщение и сопоставив его с данными Егишэ, А.В. Гадло пришел к выводу, что скорее всего грузинский и армянский источники сообщают об одном и том же событии. Рассказ в первом из них о вторжении овсов, совпавшем по времени с вторжением греков в Абхазию, о котором сообщает также и Приск Панийский, указывает приблизительно на один и тот же период, а именно на 2-ю пол. 50-х годов V в. [Гадло, 1979, с. 45]. В данном случае несоответствие сообщений обоих источников друг другу там, где в них говорится об инициаторах вторжения (в одном говорится о гуннах, в другом – об овсах-аланах), объясняется, скорее всего, тем, что грузинский источник написан в VIII в. и реальных гуннов на Кавказе уже не существовало. Их участие в событиях маркируется наличием хазар, с которыми гуннов и следует, видимо, отождествить. В то же время существовала достаточно сильная Алания, которая, по представлению Джуаншера, и должна была выступить инициатором этого похода.

Итак, мы имеем несколько сообщений о походах гуннов в Закавказье. Все они относятся к разным периодам гуннской эпохи. Первый в 395 г. совершен через Прикаспий, два последующих – в 20-е и 50-е годы V в. через Дарьял, т.е. через земли собственно алан. В первом случае гуннское нашествие кавказских алан серьезно не затронуло. О столкновениях в это время мы ничего не знаем. А вот как развивались их отношения в V в. и особенно с 20-х годов? На основе анализа приведенных письменных источников можно строить только догадки. И маятник их колебаний может качаться от мнения о порабощении алан гуннами до независимого союзничества. Поскольку письменные источники не дают ответа, стоит попробовать обратиться к источникам археологическим.

Поскольку характеристика раннеаланской культуры была дана в недавно вышедшей статье В.Ю. Малашева [Малашев, 2007, с. 487-501], приведу только самые общие сведения по интересующей нас теме. Эта культура охватывает обширный ареал – от района г. Грозного на востоке, Дарьяльского перевала на юге, до Кабарды и района Пятигорья на севере и северо-западе. Она представлена многочисленными земляными городищами, окруженными колоссальными катакомбными курганными могильниками. В Центральном Предкавказье в основных своих чертах эта культура складывается к середине II в. н.э. Основные слои городищ относятся ко II – IV вв. н.э. Этим же временем датируется и основная масса аланских курганов. Однако на некоторых городищах имеются слои (по крайней мере там, где об этом можно судить, – Зилги, Алхан-Кала, Нижний Джулат), относящиеся к раннесредневековому времени [там же, с. 489; Гавритухин, 2007, с. 482-486]. На городище Брут, помимо подъемного материала, выявлена и серия подкурганых катакомб гуннского (IV-V вв.) и раннесредневекового времени (VI-VII вв.) [Габуев, Малашев, 2007, с. 459-461].

Северная граница раннеаланской культуры пока точно не установлена. Но памятники ее были выявлены на юге Ставропольского края. Анализ аэрофото- и космосъемки, а также визуальные наблюдения выявили серию городищ в районе городов Новопавловск и Георгиевск¹¹. В 2006 и 2007 гг. в районе г. Новопавловска на могильнике аланского городища Пегушин 1 было раскопано несколько курганов, относящихся как к ее раннему периоду (рубеж II-III – 1-я пол. III в.), так и к гуннскому времени (1-я пол. V в.)¹².

Информация, которой мы сейчас располагаем, неполна, и вызвано это фрагментарностью полученного материала, связанной с небольшим объемом раскопанных памятников. Ни один из раннеаланских могильников не раскопан полностью, и мы не можем судить о количественном соотношении погребений по периодам. Соответственно пока нельзя доподлинно знать, сколь интенсивно протекала жизнь на аланских городищах в гуннский и постгуннский периоды. Тем не менее можно констатировать, что в гуннский период (рубеж IV-V – середина V в.) аланы продолжают занимать те же земли, что и раньше. В этом смысле для нас важны северные и северо-восточные группы аланских памятников – городища на юге Ставропольского края и могильник Пегушин 1 и раннесредневековые слои на городище Алхан-Кала у г. Грозного. Учитывая возможную экспансию гуннов на земли алан, эти северный и восточный форпосты аланской культуры были бы подвергнуты нападению и уничтожены в первую очередь. То же мы можем сказать и о территориях, непосредственно примыкающих к Дарьяльскому проходу, через которые гунны и совершали свои походы в Закавказье в 20-е и 50-е годы V в. Материалы городищ и могильников Брут и Зилги, в первую очередь могильника Брут 1, свидетельствуют, что до середины V в.

¹¹ Выражаю искреннюю благодарность директору ГУП “Наследие” А.Б. Белинскому (г. Ставрополь) за возможность воспользоваться этой информацией.

¹² Работы проводились Северо-Осетинским отрядом КАЭ ГМИНВ под руководством автора этих строк.

здесь находилась мощная аланская группировка, вряд ли разгромленная завоевателями. На это, как уже говорилось, указывают элитные курганы у с. Брут с драгоценными предметами вооружения и снаряжения. При отсутствии каких-либо фактов, указывающих на местное производство этих предметов, их следует рассматривать как дипломатические дары. А имело ли смысл вручать их правителям покоренных территорий? Таким образом, сам факт наличия всего того богатства, какое мы обнаруживаем в кургане № 2, с одной стороны, указывает на могущество его обладателя, с другой – на его высокий авторитет на международной арене.

От кого могли поступать эти дары правителям алан, мы можем строить только предположения. Если соотнести их наличие с последним из вышерассмотренных походов гуннов, то они вполне могли быть «платой» за беспрепятственный проход последних в Закавказье, иными словами, материальным воплощением установления союзнических отношений между двумя народами. В то же время это могло быть частью тех сокровищ, которые персы отправили в «страну Хайландуров», тем самым открыв Аланские ворота.

Что же может указывать на возможную правильность такого предположения? Из сказанного выше это в первую очередь наличие в комплексе кургана № 2 меча с золотыми обкладками и, что самое главное, его очень длинная рукоять. Подобные рукояти, как мы постарались показать выше, являются характерной особенностью мечей Востока. Но территорией, с которой этот вид оружия мог попасть аланам, является именно сасанидский Иран. Причем как напрямую, так и опосредованно через территории, ему подконтрольные. Рассматривать эту вещь как свидетельство восточноримского или, скажем шире, западного влияния мы не можем – мечи с такими рукоятями для этих территорий не характерны. Еще одним указанием на то, что этот дар мог поступить к аланам из Ирана, является ювелирный стиль, в котором эти вещи выполнены.

Золотые брутские вещи являются произведениями искусства и выполнены в технике, названной в науке «полихромным стилем гуннской эпохи». Для этого стиля характерны определенные технические, технологические и стилистические особенности, отличающие его от ювелирного искусства предшествующих эпох в истории степей Евразии. Не останавливаясь на вопросе о происхождении этого стиля, отметим, что гипотез о его генезисе было высказано много (см. [Засецкая, 1994, с. 68-75]) и в настоящее время наиболее распространенным является мнение о его ближне- и средневосточном происхождении (см., например, [Перен, 2005, с. 43]). Кроме того, есть мнение, что широкому бытованию этого полихромного стиля способствовало распространение общеевропейской аристократической «княжеской» моды, сформировавшейся в гуннское время под влиянием культур Восточного Средиземноморья, Причерноморья и др. (см., например, [Arrhenius, 1985; Казанский, Перен, 2005; Мастыкова, Казанский, 2005]), т.е. непосредственно или опосредованно из Византии.

И.П. Засецкая, в нескольких работах рассмотрев вещи полихромного стиля, выделила шесть стилистических групп, его характеризующих [Засецкая, 1982; 1994]. В первые три вошли вещи с отдельно напаянными гнездами со вставками из граната, сердолика или стекла. Предметы по-разному украшены накладным орнаментом из зерни, скани или различных форм штампованных накладок. В группы 4 и 5 вошли вещи с перегородчатой инкрустацией (стиль клуазоне), также имеющие свои особенности. А вот в шестую группу вошли вещи, которые сочетают в себе разные стили инкрустации – и в отдельно напаянных гнездах, и в перегородках, при этом имеются и разные формы накладного орнамента. Следует отметить, что шестая группа, по И.П. Засецкой, самая малочисленная. К ней она

отнесла всего несколько предметов. Это фибулы из Румынии (Шимлеул Сильваней), Черниговской (Нежин) и Орловской (Поршино) областей и пара наконечников из Румынии (Апахида) [Засецкая, 1982, с. 30]. Иначе говоря, для Европы это сочетание двух признаков очень редкое – всего несколько предметов, разбросанных по разным памятникам. В брутском вещевом комплексе кургана № 2 мы имеем украшения разных стилей – и в отдельно напаянных гнездах, и в перегородках, но что самое важное – в сочетании того и другого, т.е. это вещи шестой стилистической группы, по И.П. Засецкой. К этой группе из брутских находок относятся рукоять и ножны меча, а также элементы конской узды – золотые накладки на псалии, бляхи с подвесками, украшавшими перекрестья ремней уздечки (рис. 4, 1; 10; 12). С формальной точки зрения брутские вещи можно объединить с остальными из шестой группы, но по набору предметов брутский комплекс от них отличается. Кроме как в Бруте среди вышеуказанных категорий вещей подобного сочетания признаков мы не наблюдаем, и в этом заключена их особенность.

Еще одной особенностью можно считать сочетание стиля клуазоне с зернью. И.П. Засецкая, характеризуя выделенную ею четвертую стилистическую группу, указала, что для нее иногда возможно сочетание перегородчатой инкрустации и зерни. Из приведенной ею подборки памятников подобное сочетание отмечено на щитке янтарного навершия меча из могилы IX у с. Новогригорьевки в Запорожье, на четырехугольной бляшке из разрушенного погребения у с. Федоровка Куйбышевской области, а также на предметах, найденных у дер. Муслюмово в Пермской области и у оз. Боровое в Казахстане [Засецкая, 1975, с. 76, 55-58; 43-51; 1994, табл. 3, 8; 34, 15; 43, 2-5; рис. 26-27]. К этой же группе следует отнести и наконечник ремня из кургана 2 могильника Утамыш в Прикаспийском Дагестане [Котович, Котович, Магомедов, 1980, с. 57, рис. 10, 6]. Кстати сказать, такие наконечники встречены и в погребении у Федоровки, и в погребении у Муслюмово, но у наконечника из Федоровки [Засецкая, 1994, табл. 34, 11], хотя и имеется перегородчатая инкрустация, в отличие от наконечников из Утамыша и Муслюмово отсутствует зернь.

Предмет из Новогригорьевки, интерпретируемый И.П. Засецкой как навершие меча, скорее всего, является бусиной, ограничивающей движение меча по портупейному ремню. На это указывает петля на тыльной стороне предмета. Столь редкая деталь гарнитуры меча не может свидетельствовать ни о чем, кроме как о восточном происхождении системы подвески этого вида оружия. Этот предмет, как и бляшку из Федоровки и богатый комплекс из Муслюмова, И.П. Засецкая датирует, по ее классификации, временем хронологической группы Ib – 1-й пол. V в. [Засецкая, 1994, рис. 30]. Но если для комплекса из Новогригорьевки эта дата не вызывает возражений, то для комплекса из Федоровки она, видимо, несколько завышена, так как пряжки, в нем обнаруженные, не имеют хоботковидных язычков, одного из важных маркеров этого времени. В целом же комплекс из Федоровки датируется гуннским временем, скорее всего его начальной фазой.

Возможно, этим же временем можно датировать и комплекс из Муслюмово. Он отнесен В.Ю. Малашевым (как и комплекс из Утамыша) к выделенной им хронологической группе IV (сер. – 2-я пол. IV в.). При этом автор оговаривает, что облик предметов сближает комплекс из Муслюмово с предшествующей хронологической группой IIIб, но наличие полихромного стиля, по-видимому, соотносит его с гуннским временем [Малашев, 2000, с. 204]. Таким же образом В.Ю. Малашев датирует и вещи из погребения Тугозвоново на Алтае. Среди них имеется кинжал, украшенный зернью, сочетающейся как с перегородчатой инкрустацией, так и со вставками в отдельно напаянных гнездах [Уманский, 1978, с. 139-141]. Все эти комплексы В.Ю. Малашев рассматривает как хронологический пласт,

сочетающий вещи, генетически связанные с предгуннской эпохой и имеющие соответствия, в первую очередь стилистические, в гуннское время [Малашев, 2000, с. 204]. В то же время есть мнение, что комплексы из Муслюмово и Тугозвоново относятся к догуннскому периоду [Безуглов, Захаров, 1989, с. 58].

Вне зависимости от того, кто из этих авторов прав и относятся эти комплексы к догуннскому или раннегуннскому времени, они в любом случае предшествуют широкому распространению этого ювелирного стиля в Европе. Ранняя дата и указанные стилистические особенности не позволяют рассматривать вещи из вышеприведенных комплексов как княжескую моду на полихромные вещи гуннского и постгуннского времени, пришедшую с Запада. Отдаленное расположение от регионов максимального распространения этой моды, а главное, хронологическое несоответствие позволяют искать источники поступления их в указанные районы в других местах. В этой связи остановимся на еще одном восточном комплексе из Борового.

Комплекс из Борового в Казахстане более поздний, он датируется И.П. Засецкой концом V – первой половиной VI в. [Засецкая, 1994, с. 126]. Для нашей темы он интересен двумя моментами. Во-первых, предметы, в нем найденные, позволяют реконструировать парадный кинжал, который имеет аналогии в могильнике Керим-ло в Корее и на изображениях в Восточном Туркестане. Авторы, посвятившие работы этой теме, указывают на средневосточное или даже на иранское его происхождение [Амброз, 1986, № 4, с. 70; Anazawa, Manome, 2000, p. 71-85]. Во-вторых, предметы, составившие кинжал из Борового, выполнены в технике, сочетающей и перегородчатую инкрустацию, и вставки в отдельно напаянных гнездах, и зернь, т.е. весь набор стилистических приемов, зафиксированный и на вещах из Брута и Тугозвоново. К группе предметов, сочетающих эти признаки, следует добавить и две пары колтов, происходящих из разрушенных погребений у хутора Верхне-Яблочного Волгоградской области и у с. Здвиженского близ г. Ставрополя, датированных концом IV – первой половиной V в. [Засецкая, 1975, с. 35-36; 1986, рис. 1, 8, 27].

Все сказанное позволяет предположить, что комплекс вещей из кургана № 2 могильника Брут 1 имеет не западное, а восточное происхождение и, видимо, именно Иран выступал одним из центров их распространения. Хотя следует иметь в виду, что о ювелирном искусстве этого государства эпохи Сасанидов мы знаем очень немного. Великолепная торевтика никак не проливает свет на интересующие нас вопросы. Вещей, которые как-то надежно связываются с Ираном, немного. Чаще всего о ювелирном искусстве Сасанидов судят по находкам, происходящим с территорий, находившихся под их политическим и культурным влиянием, т.е. несколько опосредованно. Тем не менее интересные находки из Грузии позволили И.А. Бажану и М.Б. Щукину выдвинуть интересную гипотезу о происхождении полихромного стиля клуазоне [Бажан, Щукин, 1990]. По их мнению, появление полихромных изделий в Закавказье начинается с момента установления непосредственных контактов этого региона с Сасанидами после завоевания Шапуром Армении в III в., а истоки искусства Сасанидов следует искать в традициях ахеменидского и парфянского искусства при влиянии Месопотамии и восточноримских провинций [там же, с. 94].

С Закавказьем связывают распространение в предгуннское время вещей в стиле клуазоне С.И. Безуглов и А.В. Захаров. Эти авторы, проанализировав полихромную пряжку из Недвиговки на Нижнем Дону (о ней ниже), приводят подборку предметов этого стиля 2-й пол. III – IV в. [Безуглов, Захаров, 1989, с. 56-59].

Более широкий диапазон во времени и пространстве, а соответственно и круг памятников, содержащих изделия с перегородчатой инкрустацией, рассмотрены в работах Но-

эль Адамс [Adams, 2000, p. 13-70] и В.Ю. Малашева [Малашев, Яблонский, 2008, с. 68-72]. Выводы этих авторов о регионе формирования этого стиля, а также о центрах производства вещей совпадают с мнениями исследователей, указывающих на Ближний и Средний Восток. В этих работах приведены подборки изделий, выполненных в стиле клуазоне. Не воспроизводя их, сошлемся только на те изделия, где эта техника сочетается с зернью, дополнив некоторыми неучтенными предметами.

К ранним вещам (рубеж – первые века н.э.) сочетающим перегородчатую инкрустацию с зернью, относятся отдельные предметы из Тилля-тепе [Sarianidi, 1985, p. 112, № 60, p.88, № 88, p. 229, № 28], медальон из Афганистана, хранящийся в частной коллекции [De l'Indus à l'Oxus..., 2003, p. 165-166, № 136 а, в] и наконечник ремня из тайника кургана 1 могильника Дачи у г. Азова [Сокровища сарматов, 2008, с. 96, кат. 15]. В памятниках Таджикистана вещи в подобной технике и этого же времени представлены серьгами из могильника БМ-VII и городища Саксанохур [Древности Таджикистана, 1985, с. 85, № 267, 268, 322], ими же – из Тулхарского [Мандельштам, 1966, табл. LIX, 6, 9] и Бабашовского (рис. 52, 10) [Мандельштам, 1975, с. 190, табл. XLII, 1] могильников, а также пряжкой из Дальверзинтепе (рис. 51, 4) [Les trésors de Dalverzine-tépé, 1978, № 80]. Из Таджикистана происходит и серьга, но более позднего (III-IV вв.) времени [Древности Таджикистана, 1985, с. 124, № 414]. К ранним вещам (первые века н.э.) следует отнести подвеску в виде фигурки птицы, у которой на хвосте имеется два гнезда для вставок (сами вставки утрачены), разделенные перегородкой и окаймленные зернью. Эта находка происходит с городища Темир-Корук в Ферганской долине [Памятники культуры..., 1983, с. 34, № 65]. Еще три серьги, сочетающие перегородчатую инкрустацию с зернью (вставки как граната, так и зеленого стекла), приведены в статье Ноэль Адамс. Две из них происходят из Хатры в Ираке и датируются 1-й пол. III в. н.э. (рис. 52, 5, 6), а третья серьга, из коллекции Ariadne Galleries в Нью-Йорке (рис. 52, 13), отнесена к этому же времени или, по крайней мере, к этой же ювелирной традиции [Adams, 2000, p. 21, 58, pl. III, 6-8].

Если ранние вещи сочетают клуазоне с зернью, но имеют в основном голубую цветовую гамму, то вещи более поздние меняют этот цвет на красный. Так, серьга III в. н.э. из могильника Миздахкан в Узбекистане имеет вставки из сердолика (рис. 52, 11) [Культура и искусство..., 1991, с. 195, № 314], а серьга из Пенджикента (Узбекистан), датированная В.И. Распоповой VI-VII вв., украшена красными камнями (какими, в публикации не указано) (рис. 52, 12) [Распопова, 1980, с. 110-111, рис. 74, 2]. На серьге из погребения рубежа IV-V вв. на городище Актобе 2 в Южном Казахстане стеклянные вставки (не указано, какие) сочетаются с голубой пастой [Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 71-79]. На перстне IV-V вв. из могильника Джалпак-Дебе в Киргизии красные камни (в публикации не указано, какие) сочетаются со стеклянной пастой голубого цвета [Памятники культуры..., 1983, с. 41, № 110]. Этим же временем, как считают авторы этого каталога, датируются и два височных украшения из могильника Шамши в Киргизии. Эти вещи также сочетают перегородчатую инкрустацию с зернью, но сами вставки отсутствуют (рис. 52, 7) [там же, с. 446, № 142, 143]. Однако последние исследования, сопоставившие находки из Шамши (Шамси) с находками из Морского Чулека, позволяют усомниться в первоначально предложенной дате. Остановимся на этих памятниках подробнее.

В сравнительно недавно вышедшей коллективной монографии была дана характеристика двух обнаруженных в 1868 г. погребений на р. Морской Чулек у хутора Синявского, между Таганрогом и Ростовом-на-Дону, содержавших инвентарь постгуннского времени [Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007]. Некоторые вещи имеют отношение к рас-

смаатриваемому вопросу. В первую очередь это набор предметов, относящихся к конской узде (набор № 2), который авторы соотносят с наборами из Борового в Казахстане и из Шамши (Шамси) в Киргизии. Они справедливо указывают на стилистическое сходство этих вещей и возможную их принадлежность к восточной ювелирной традиции. Кроме того, они устанавливают дату для этих двух комплексов – 2-я пол. V – начало VI в. [там же, с. 75-90].

Не возражая против этих выводов, имеются сомнения в некоторых других заключениях, высказанных в этой книге. В погребении 2 Морского Чулека имеются серьги-подвески, которые сочетают перегородчатую инкрустацию с зернью (рис. 52, 1). Авторы монографии в качестве аналогии, и вполне справедливо, приводят серьги из могильника Алтынасар 4 (джетыасарская культура) в Казахстане (рис. 52, 2) [Левина, 1994, с. 281, рис. 163, 24, 25, 27]. Однако эту аналогию они не вполне принимают из-за разницы материала и некоторых технологических особенностей. Из чего делается вывод, что эти подвески имеют разное происхождение, изготовлены в разных мастерских, причем вещи из Морского Чулека входят в группу изделий византийского производства. К этой же группе авторы относят серьги из Ольвийского клада (рис. 52, 3) и клада из Реджия-Эмилия в Италии (рис. 52, 4) [Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 46-48]. Что касается настоящей зерни (в Морском Чулеке) или ее имитации (на Алтынасаре 4), то, видимо, эта разница была продиктована престижностью вещи. В одном случае золото и реальная зернь, в другом – бронза, а скорее всего низкопробное серебро и штамповка. В остальном же эти вещи похожи, если не сказать стилистически идентичны. По форме они существенно отличаются от серег из Ольвийского клада и клада из Реджия-Эмилия, но имеют некоторое сходство с уже упоминавшимися серьгами из Хатры III в. н.э., опубликованными Ноэль Адамс (рис. 52, 5, 6) [Adams, 2000, p. 21, 58, pl. III, 6-7]. Последние, хотя и отличаются от рассматриваемых нами украшений из Морского Чулека, кроме сходства (более отдаленного, впрочем, чем серьги из Алтынасар 4) общего контура предметов (сердцевидная или близкая к ней форма), близки все-таки и по таким признакам, как наличие перегородчатой инкрустации и зерни. Различия же можно объяснить слишком большой разницей во времени бытования этих вещей. К этой же группе серег следует отнести и серьги из погребения Б-а-1-1 некрополя Миздахкан в Узбекистане, датируемого III в. н.э. [Ягодин, Ходжаев, 1970, с. 121-122, 127, цв. вклейка 2, 1, 2]. А раз уж мы коснулись такого памятника, как Алтынасар 4, то следует отметить группу подвесок-кулонов с перегородчатой инкрустацией «в обрамлении разных видов зерни» [Левина, 1994, с. 77, 283, рис. 165, 16, 25, 27, 28].

Еще одной интересной находкой среди вещей из Морского Чулека является пара височных подвесок из погребения 1. Также интересны приведенные аналогии этим предметам. Если пара серег из Морского Чулека имела только зернь, то на предметах, приводимых в качестве аналогий авторами монографии, мы видим и зернь, и перегородчатую инкрустацию. И то и другое трактуется как произведения византийских мастерских [Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 12-28, 120]. Принадлежность этих предметов к византийской ювелирной школе обосновывается только одним – высокой техникой, в которой эти вещи сделаны. Но отсутствие сочетания зерни с клуазоне в большинстве ювелирных изделий, например на Боспоре, в предшествующую (гуннскую) эпоху и наличие этого сочетания во многих вышеприведенных вещах, связанных с восточной ювелирной традицией, оставляет вопрос о культурной интерпретации указанных височных подвесок открытым.

Исторический контекст, который воспроизводят авторы монографии о Морском Чулеке, указывает на появление в постгуннское время в Восточной Европе, и в Северном

Причерноморье в частности, нового этнического элемента – оногуров, пришедших с востока [Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 107]. Возможно, с ними, если не предположить какие-либо более затейливые исторические комбинации, следует связывать бытование интересующих нас височных колец.

Завершая разговор о серьгах, хотелось бы остановиться еще на двух находках – паре серег из «погребения с Золотой маской» в Керчи, датированного III или IV в. н.э. (рис. 52, 8) [Горская, 2009, с. 69-71, 124, цв. фото № 3; Трейстер, 2004, с. 247-248, 254], и такой же паре из погребения 17 могильника Шахсенем в Туркмении, датированного III-IV вв. н.э. (рис. 52, 9) [Bader, Usupov, 1995, p. 30, color pl. VII, 1, 2]. Эти находки сочетали в себе как перегородчатую инкрустацию с зернью, так и вставки в отдельно напаянные гнезда. Исследователи связывают их с ювелирной традицией Востока.

На уже упоминавшейся золотой пряжке из разрушенного погребения в с. Недвиговка на Нижнем Дону (рис. 51, 5), выполненной в интересующей нас технике, мы встречаем сочетание красных гранатов со вставками светло-зеленой пасты и зернью [Безуглов, Захаров, 1989, с. 44-45, рис. 2, 17]. Авторы публикации датируют комплекс вещей из этого погребения 2-й пол. III – началом IV в. н.э. При этом они отмечают, что для данной территории в это время подобные пряжки неизвестны [там же, с. 56, 60]. Следует отметить, что пряжки, не имеющие подвижного язычка, но с неподвижным выступом (или выступами) характерны на юге России для времени до рубежа н.э. и имеют совершенно другой облик [Степи европейской части..., 1989, с. 174, 188]. В позднесарматское, как и несколько ранее, а также в последующее время для южнорусских степей пряжки с неподвижным выступом не характерны. По внешнему облику пряжка из Недвиговки напоминает синхронный ей золотой предмет с перегородчатой инкрустацией, но без зерни из погребения в Уреки в Грузии [Леквинадзе, 1975, с. 198, рис. 6а]. Являлся ли он пряжкой, неизвестно, по изображению в публикации это не ясно. Сама находка, как и весь комплекс вещей из Уреки, И.А. Бажаном и М.Б. Щукиным были датированы концом III – 1-й пол. IV в. [Бажан, Щукин, 1990, с. 89-92] и связывались с иранской ювелирной традицией.

Если предмет из Уреки не является точной аналогией пряжки из Недвиговки, то золотая пряжка из Дальверзин-тепе в Узбекистане (I в. до н.э. – I в. н.э.), сочетающая перегородчатую инкрустацию с зернью, напоминает ее главной конструктивной деталью – наличием неподвижного выступа [Les trésors de Dalverzine-tépé, 1978, № 80] (рис. 51, 4). Эта деталь указывает на то, что в обоих случаях мы имеем не весь предмет, а только его половину. Вторая часть пряжки должна была иметь петлю или какое-то другое приспособление, надевающееся на неподвижный выступ первой части пряжки. Т.е. пряжка или застежка пояса состоит из двух основных, симметрично расположенных элементов, по-разному соединяющихся друг с другом. Парадные пояса с подобными пряжками (не обязательно круглыми) были широко распространены на Востоке. Мы видим их на многих изображениях: на парфянском рельефе из Ирака [The Arts of Persia, 1995, p. 56] (рис. 50, 2), на скульптурах первых веков н.э. из Хатры в Месопотамии [Ghirshman, 1962, fig. 100, 1005, 110] (рис. 50, 3, 4), на уже упоминавшейся скульптуре из музея города Шанлыурфа (город Эдесса античного времени) в Восточной Турции (рис. 51, 2). На рельефах и серебряных блюдах из Ирана изображения подобных пряжек мы встречаем на протяжении практически всего сасанидского времени [Орбели, Тревер, 1935, № 4, 5, 7, 14; Гиршман, Минорский, Сангви, 1971, с. 70; Луконин, 1977, с. 164, 165, 178, 209; Тревер, Луконин, 1987, илл. 6-7, 10-11, 14-15, 20-21, 24-25] (рис. 51, 3). Возвращаясь к пряжке из Недвиговки на Нижнем Дону, следует заключить, что она была восточного, скорее всего иранского про-

исхождения, поскольку именно Иран эпохи Сасанидов демонстрирует парадные пряжки, состоящие из двух элементов в основном круглой формы.

Имеется еще одна золотая пряжка II-III вв. н.э. из Ирана, состоящая из трех, а не из двух элементов и не имеющая перегородчатой инкрустации, но сочетающая зернь со вставками в отдельно напаянные гнезда [Иванов, Луконин, Смесова, 1984, рис. 57]. Эти отличия не противоречат вышесказанному и свидетельствуют, скорее всего, о многообразии форм этого вида застежек для Ирана. На последнее указывают круглорамчатые пряжки с подвижным язычком и с обоймой в виде полумесяца с заостренными углами, подборка которых приведена в статье М.М. Казанского и которые характеризуются как иранские [Казанский, 2002, с. 193-197]. Среди этих пряжек имеется одна гуннского времени из погребения 1 кургана 18 в Уфе со щитком, декорированным перегородчатой инкрустацией и, возможно, зернью. Безоговорочно утверждать последнее мы не можем, так как из публикации [Пшеничнюк, 1968, рис. 3, 5] неясно, была ли это реальная зернь или ее имитация.

Итак, все описанные выше вещи, имеющие такие важные признаки, как сочетание перегородчатой инкрустации с зернью, а также довольно редкое сочетание перегородчатой инкрустации и с зернью и со вставками в отдельно напаянные гнезда, происходят с Кавказа, из Урало-Камского региона, Казахстана, Центральной Азии и Среднего Востока. Это указывает на восточное и во многих случаях на иранское их производство. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, что вещи из кургана № 2 могильника Брут 1 могли быть изготовлены в Иране. Впрочем, нельзя отрицать того, что в восточной (иранской) ювелирной традиции не может быть изделий, у которых при наличии перегородчатой инкрустации отсутствовала бы зернь, а в западной (византийской) она при этом бы присутствовала. В данном случае мы говорим о правилах, а не об исключениях. Есть еще один важный нюанс, который, правда, косвенно, указывает на правомерность высказанной гипотезы, – это характеристика гранатовых вставок, украсивших вещи из этого кургана.

В сентябре 2000 г., во время монтажа выставки «Золото князей варваров» в Национальном музее археологии в Сен-Жермен-ан-Ле (Франция), ко мне обратился Дэвид Смит (Muséum National d'Histoire Naturelle, France) с предложением исследовать гранатовые вставки на вещах из кургана № 2 могильника Брут 1, представленные на выставке. Исследование должно было производиться с помощью Mobile Raman Microscope (MRM), позволяющего производить анализ без разрушения материала. Исследование химического состава гранатов показало, что гранаты, использованные в изделиях, найденных в Северной Осетии, имеют состав главных минералообразующих элементов, позволяющих отнести их к *андрадиту*. Тогда как состав гранатов, как отметил Д. Смит в своем заключении, использовавшихся в изделиях из коллекций, например, французских музеев, соответствует *пироповому* и *альмандиновому* члену ряда, а андрадит никогда раньше не был зарегистрирован в изделиях рассматриваемого стиля ювелирного искусства. В нескольких недавно вышедших статьях также констатируется, что в Европе, там, где исследования проводились, на предметах V-VI вв. были зафиксированы индийские и цейлонские алмадины и родолиты, которые к VII в. заменяются чешскими пиропами [Перен, 2005; Calligaro, Perin, Vallet, Poirot, 2006-2007]. В то же время на территории Армении известны месторождения (более 30) андрадитов. К числу наиболее крупных относится Гехинское месторождение. Это почти мономинеральная зона, состоящая в основном из граната, простирающаяся почти на 2 км при ширине 5-20 м [Сейранян, 2004, с. 327]. Таким образом, искомый материал для изготовления драгоценных «даров» аланам, как видно, у Сасанидов имелся.

О влиянии Ирана, кроме вещей из кургана № 2, могут говорить и пряжки со щитками, у которых прогнуты боковые грани (рис. 30, 6-9), и кинжал с архаической системой подвески из брутского кургана № 7 (рис. 26). В то же время, как показано М.М. Казанским и А.В. Мастыковой, в V в. на Северном Кавказе в Западной Алании с центром в Пятигорье в большом количестве встречены вещи в стиле перегородчатой инкрустации, которые могли проникать из Византии через горные перевалы Северо-Западного Кавказа [Казанский, Мастыкова, 2001].

Итак, как представляется, полихромный стиль, в том числе и клуазоне, был широко популярен, и попадание на Северный Кавказ драгоценных предметов, выполненных в этой технике, было связано в том числе и со стремлением двух крупнейших противоборствующих держав, какими в это время были сасанидский Иран и Византия, решать свои политические задачи.

Заключение

Мы знаем, что курганы у села Брут в Северной Осетии принадлежали аланской элите. Самые богатые – курганы № 2 и 7, видимо, можно связать с правящим аланским родом. А курган № 2, скорее всего, являлся могилой правителя алан этой территории, поскольку по пышности и богатству погребального инвентаря он сопоставим со многими самыми богатыми «королевскими» захоронениями Западной и Центральной Европы. Остальные курганы, хотя и были ограблены в древности, тем не менее содержали остатки инвентаря из золота и серебра и обломки клинкового оружия. Это позволяет характеризовать данный могильник как кладбище аланских правителей и, возможно, их дружины.

В настоящий момент нельзя с полной уверенностью утверждать о наличии у аланских правителей в этот период дружины. Но мы можем констатировать, что брутские курганы оставлены группой воинской элиты, а не народа-войска. Возможно, в рассматриваемое время это была группа воинов, связанная с правителем кровнородственными или клановыми отношениями, и процент этой воинской аристократии был невелик. Великолепное оружие и конское снаряжение, найденное в брутских курганах, свидетельствует не только о богатстве и знатности их обладателей, но и о включенности алан в активные международные отношения. Ведь скорее всего, лучшие образцы брутских золотых находок изготавливались не в местных мастерских, а оказаться здесь они могли или в качестве военного трофея, или, что более вероятно, – дипломатических даров.

Золотые брутские вещи являются истинными произведениями искусства и выполнены в технике, названной в науке «полихромным стилем гуннской эпохи». В Европе этот стиль благодаря обилию предметов с перегородчатой инкрустацией получил название «клуазоне». И та и другая формулировка не до конца верна, поскольку, как было показано выше, вещи этого стиля существовали и до гуннской эпохи, и после, а перегородчатая инкрустация (собственно клуазоне) не исчерпывает всего многообразия особенностей, характеризующих этот вид искусства. Но не в терминах дело. Для этого стиля характерны определенные технические, технологические и стилистические особенности, отличающие его от ювелирного искусства предшествующих эпох степей Евразии. Важным отличием этого стиля от ювелирных традиций, например, скифского или ювелирного искусства сарматской эпохи¹³ является почти полное отсутствие зооморфных мотивов и свободное расположение на предмете цветных вставок, никак с формой предмета не связанных. Кроме того, изменяется и цветовая гамма. Если в предшествующее время преобладали вставки бирюзового и голубого цвета, то теперь эффект многоцветности достигается сочетанием золотого фона с красным цветом гранатовых вставок. Не останавливаясь на проблеме происхождения этого стиля, поскольку этот вопрос сложен, окончательно не решен и не раз, как было указано выше, освещался в научной литературе, отмечу следующее.

Распространение этого стиля на огромном пространстве происходило из-за «моды» на столь престижные изделия, которую элиты общества перенимали очень быстро. Причиной ей были не только непосредственные контакты (военные, политические, дипло-

¹³ В данном случае мы не будем касаться предметов, выполненных в «сердоликовом» стиле 2-й пол. III – IV в. н.э., поскольку предметы этого стиля, выполненные в мастерских Пантикапея и Херсонеса и поступавшие кочевой знати в качестве даров, были немногочисленны и имели короткий период бытования [Яценко, Малашев, 2000].

матические, торговые и пр.) варварских элит с крупнейшими политическими центрами, какими являлись Иран и Византия, но и опосредованные, через территории, подвластные или находившиеся под политическим и культурным влиянием этих двух великих держав. Причем под влиянием Византии оказались западные области распространения полихромного стиля, а под влиянием Ирана – восточные. На Северном Кавказе этот водораздел, видимо, проходил по линии нынешних Кавказских Минеральных Вод. Воспринятая варварской верхушкой «мода» передавалась в упрощенном и не столь пышном виде остальным членам того или иного сообщества. Механизмы подобного культурного взаимодействия сложны и еще не выяснены до конца. Но хотелось бы обратить внимание на один аспект, отличающий этот ювелирный стиль от, например, полихромного звериного стиля сарматского времени (подборку вещей этого стиля см. [Мордвинцева, 2003]).

Если сравнить многие из престижных вещей, выполненных в последнем из упомянутых стилей, с любой из самых значимых гуннской эпохи, то мы увидим следующее. Изображения на предметах сарматского времени являются не просто декором, украшавшим эти вещи, а неким сакральным «текстом», несущим магическую, религиозную и идеологическую нагрузку. Этот «текст» был понятен какой-то одной группе людей и чужд другой. Иными словами, он отражал идеологические представления некоего культурного массива (в данном случае ираноязычных народов), а представителями других этнических групп мог восприниматься всего лишь как декор на красивых и дорогих вещах.

Что касается полихромного стиля гуннской эпохи, то его главной отличительной особенностью является то, что он возник как вполне формализованный вид искусства, способный удовлетворить эстетические потребности представителей различных культур. Свидетельство тому – огромная территория распространения изделий полихромного стиля – от Сибири и Алтая до Испании, включавшая разные этнические массивы. Этот стиль не нес, по крайней мере на первый взгляд, религиозной и идеологической нагрузки и поэтому легко воспринимался представителями различных культурных традиций.

Одним из носителей этого вида искусства были аланы Центрального Предкавказья, которым и принадлежали курганы у с. Брут. Несмотря на то что многие изделия полихромного стиля из Брута имеют аналогии среди предметов Европы, следует отметить стилистические особенности брутских находок, и в первую очередь из кургана № 2, которые указывают на их восточное и скорее всего иранское происхождение.

Библиография

- Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
- Абрамова М.П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
- Абрамова М.П.* Катакомбные погребения IV-V вв. из Северного Кавказа // СА. 1975. № 1.
- Абрамова М.П.* Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.
- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н.э. М., 1997.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Айбабин А.И.* Крым в середине III – начале IV века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XII века. Археология. М., 2003.
- Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1-30. 1966.
- Амброз А.К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Амброз А.К.* Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 3.
- Амброз А.К.* Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V – VII вв. М., 1989.
- Аммиан Марцеллин, XXXI, 3 // Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб., 1994.
- Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А.* Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937-1946 гг. // Мцхета: Итоги археологических исследований. Т. I. Тбилиси, 1958.
- Аржанцева И.А.* Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли // Древний и средневековый Восток. М., 1987.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М., 2001.
- Ахмедов И.Р.* Плетки из могильника у с. Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Ахмедов И.Р.* Псалии в начале эпохи Великого переселения народов // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Ахмедов И.Р.* Воинское погребение из могильника Борок II // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2001а.
- Ахмедов И.Р.* Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002.

- Ахмедов И.Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Бажан И.А., Шукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. № 30.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Безуглов С., Захаров А. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 1989.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. Богатое погребение гуннского времени близ Танаиса // Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. М., 2001.
- Безуглов С.И., Толочко И.В. Новые данные к характеристике некрополя позднего Танаиса // Донская археология. № 1-2. Ростов-на-Дону, 2002.
- Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у города Азова // СА. 1992. № 1.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. II. М.-Л., 1950.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М., 2006.
- Воронов Ю.Н. Могилы апсиллов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977-1986 годах. Пущино, 2003.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995.
- Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н. Находки из погребения IV-V вв. в Крыму // СА. 1966. № 3.
- Габуев Т.А. Аланские погребения IV в.н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. №2.
- Габуев Т.А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3.
- Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.
- Габуев Т.А. Происхождение алан по данным письменных источников // ВДИ. 2000. № 3.
- Габуев Т.А. Отчет об исследовании курганного могильника у г. Новопавловска в Кировском районе Ставропольского края в 2006 г. // Архив ИА РАН. М., 2007.
- Габуев Т.А. Отчет об исследовании курганного могильника у г. Новопавловска в Кировском районе Ставропольского края в 2007 г. // Архив ИА РАН. М., 2008.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа // МИАР. № 11. М., 2009.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки // МИАР. № 3. М., 2001.

- Гавритухин И.О.* Среднеднепровские ингумации второй половины V-VI в. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Гавритухин И.О.* К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.
- Гавритухин И.О.* Финал черняховской культуры. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007а.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В.* Могильники V-VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XII века. Археология. М., 2003.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
- Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи готских походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
- Геродот IV, 127 // Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Гиришман Р., Минорский В., Сангви Р.* Персия. Бессмертное царство. Лондон, 1971.
- Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.* Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV-V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007.
- Горелик М.В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Горелик М.В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993.
- Горская О.В.* Сокровища загадочной могилы // Тайна золотой маски: каталог выставки. СПб., 2009.
- Готье Ю.В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова // ИГАИМК. Т. V. Л., 1927.
- Деопик Д.В.* Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. М., 1988.
- Дмитриев А.В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.
- Древности Магаса. Назрань, 2002.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Евсевий Иероним.* Письмо 60. К Гелиодору // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4.
- Егшиз.* О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971.
- Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
- Засецкая И.П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. 1986. № 27.
- Засецкая И.П.* Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V в.). СПб., 1994.

- Засецакая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С.* Морской Чулек: Погребения знати Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
- Земцов Г.А.* Миграционные потоки III-V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003.
- Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С.* Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Пер. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки. СПб., 2004.
- Казанский М.М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // ИАА. Вып. 7. Армавир-Москва, 2001.
- Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 4.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V-VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры: попытка археологической идентификации // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов. М., 2004.
- Казанский М.М., Перен П.* Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. 2005. Вып. 218.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М., 1983.
- Каменецкий И.С., Кропоткин В.В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 2.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А.* К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III-VI вв.) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993.
- Керефов Б.М.* Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик, 1985.
- Кишиш А.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура (ALANICA III). Владикавказ, 1995.
- Клавдий Клавдиан.* На Руфина, книга I, книга II // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 4.
- Ковриг И.* Погребение гуннского князя из Венгрии // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
- Комар А.В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 1. Донецк, 2000.
- Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кулаков В.И.* Два поколения воинов ДО-370 // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II. М., 2003.

- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 1. М., 1991.
- Куссаева С.С. Археологические находки последних лет в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957.
- Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетыясарская культура. Могильник Алтынасар 4. М., 1994. Ч. 3-4.
- Леквинадзе В.А. Богатое погребение конца IV века из Уреки (Грузия) // СА. 1975. № 4.
- Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Пер. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979.
- Луконин В.Г. Иран в эпоху первых сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
- Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
- Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Луконин В.Г. Иран в III в. н.э. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
- Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II – IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.
- Малашев В.Ю., Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Исследования погребальных памятников в Южном Приуралье // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Вып. № 3. М., 2001.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. Л., 1966.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции. Том VII. Л., 1975.
- Март Н. Крещение армян, грузин, абхазов и алан святителем Георгием (Арабская версия). СПб., 1905.
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М. О происхождении княжеского женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения. Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005.
- Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. М., 1982.
- Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974.
- Мунчаев Р.М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2.
- Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Канд. дисс. Архив ИА АН СССР, д. Р-1, № 1338. Л., 1956.
- ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
- Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) // Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей. Вып. 5. М., 2003.

- Обломский А.М. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье // Труды ИИМК РАН. Т. XI. СПб., 2004.
- Обломский А.М. Новые погребальные комплексы Верхнего Подонья середины I тыс. н.э. // КСИА. 2010. № 224.
- Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. М.-Л., 1935.
- Отчет Императорского Российского Исторического музея за XXV лет (1883-1908. М., 1916.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983.
- Перен П. О происхождении гранатов на вещах инкрустационного стиля из базилики Сен-Дени во Франции // КСИА. 2005. № 218.
- Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4.
- Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии. № 3. Уфа, 1968.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Ростунов В.Л. Отчет о раскопках курганов у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17880, 17881. М., 1993.
- Ростунов В.Л. Отчет о доисследовании кургана № 2 у с. Заманкул Правобережного района Республики Северная Осетия в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18412, 18413. М., 1994.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9. 1962.
- Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3.
- Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.
- Сейранян В.Б. История изучения и использования камнесамоцветного минерального сырья на территории Армянского нагорья (с древнейших времен до начала XX в.). Докт. дисс. М., 2004.
- Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. № 2.
- Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб., 2008.
- Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
- Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинского могильника // КСИА. 1979. № 158.
- Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП, новая серия. Ч. XIX. 1909, январь.
- Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестровско-Дунайского междуречья. Т. III. Киев, 1990.
- Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Трейстер М.Ю. О датировке погребения с золотой маской // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Т. 1. СПб., 2004.
- Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображенных на пантикапейских надгробиях I-II в. н.э.) // Боспор и Северное Причерно-

- морье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008.
- Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Филосторгий. Церковная история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 3.
- Фурасьев А.Г. Закавказский поход (или походы?) гуннов в конце IV – начале V века н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908-15.X.1990). СПб., 2004.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хайретдинова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып. 25. СПб., 1907.
- Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. Берлин, 2007.
- Ягодин В.Н., Ходжаев Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеимперского времени на территории Сарматии // *Stratum plus*. 2000. № 4.
- Adams N. The development of early garnet inlaid ornaments // Kontakte zwischen Iran, Bizant und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. *Varia Arhaeologica Hungarica IX*. Budapest-Napoli-Roma, 2000.
- Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest, 1932.
- Anazawa W., Manome J. The inland gold dagger from Kerim-loo and its Western connections // Kontakte zwischen Iran, Bizant und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. *Varia Arhaeologica Hungarica IX*. Budapest-Napoli-Roma, 2000.
- Anke B. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998.
- Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985.
- Arzhantseva I.A., Inevatkina O.N. Iranian People depicted in Afrasiab Wall Painting (7th century AD) // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa. Vol. I. Milano, 2006.
- Attila und die Hunnen. Speyer, 2007.
- Bader A.N., Usupov Kh. Gold Earrings from North-West Turkmenistan // A. Invernizzi (ed.). In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Firenze, 1995.
- Balint C. Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Bizant und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. *Varia Arhaeologica Hungarica IX*. Budapest-Napoli-Roma, 2000.
- Belenitsky A. Asie Centrale. Genève, 1968.
- Böhme H.W. Zur Bedeutung des Spätromischen Militärdienstes für die Stammesbildung der Bajuwaren // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488-788. Korneuburg, 1988.
- Bóna I. Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991.
- Bona I. Les Huns. Paris, 2002.
- Calligaro T., Perin P., Vallet F., Poirot J-P. Contribution à l'étude des grenats mérovingies. (Basilique de Saint-Denis et autres collections du muse d'Archéologie nationale, collections publiques et objets de fouilles récentes). Nouvelles analyses gemmologiques et géochimiques effectuées au Centre de Restauration des Musées de France // Antiquités nationales, 2006-2007, tome 38 : pages 111 à 144.

- De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition. Lattes, 2003.
- Fettich N.* La trouvaille de tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksós. *Archaeologia Hungarica*. Bd. 32. Budapest, 1953.
- Gandhara sculpture from Pakistan museums. New York, 1960.
- Gavritukhin I.O.* Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // A.B. Belinskij, H. Härke. The Iron Age to early medieval cemetery of Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996. Berlin, in press (Archäologie in Eurasien series).
- Ghirshman R.* Iran, Parthes et Sasanids. Paris, 1962.
- Ginters W.* Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
- Godlowski K.* Das Fürstengrab des 5. Jhs. und der Fürstensitz in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau, 1995.
- Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk road art and archeology. V. 5. Kamakura, 1997/98.
- Kazanski M.* A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.) // *Journal of Roman Archaeology* 4, 1991.
- Kazanski M.* Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // *L'Identité des populations archéologiques. XVIe rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes*. Sophia Antipolis, 1996.
- Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5-6 siècles. À propos de la formation la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua*, Band 5, 1999.
- Kazanski M., Mastykova A.* Tsibilium. La nekropole apside de Tsibilium (VII av. J.C. – VII ap. J.C.). (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. (BAR International Series S 1712). Oxford, 2007.
- Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // *Probleme der frühen Merovingerzeit im Mitteldonauraum*. Brno, 2002.
- Kloiber Ä.* Die Gräberfelder von Lauriacum. Das Ziegelfeld. Linz, 1957.
- Kushan Sculpture: Images from Early India. Cleveland, 1985.
- Les trésors de Dalverzine-tépé. Leningrad, 1978.
- L'or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule V siècle après J.-C. Paris, 2000.
- Menghin W.* Das Schwert im frühen Mittelalter. Stuttgart, 1983.
- Quast D.* Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Band 39, 2007.
- Sarianidi V.* Bactrian Gold. Leningrad, 1985.
- Sculptures of Palmyra // *Memoirs of the Ancient Orient Museum*, vol. 1. Tokyo, 1986.
- Seyrig H.* Armes et costumes iraniens de Palmyre // *Syria*, 1937, vol. XVIII, 4-131.
- Silver Vessels of the Sasanian period. Volume one: Royal Imagery. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1981.
- Tanabe K., Hori A., Miyashita S., Haga M.* Sculptures of Commagene Kingdom // *Memoirs of the Ancient Orient Museum*. V. 2. Tokyo, 1998.
- Tejral J.* Die Verbüdeten Roms nordlich des pannonischen Limes und ihre Nobilität während der Spätantike // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Condé-sur-Noireau, 1995.
- Tejral J.* Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Donauraum*. Brno, 1997.
- The arts of Persia (Persian translation). Tehran, 1995.

- Tomka P.* Der hunnische Fundkomplex von Pannonhalma // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Volkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988.
- Trousdale W.* The Long Sword and Scabbard Slide in Asia // Smithsonian Contribution to Anthropology, № 17. Washington, 1975.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse, N.F. Heft 38 A-B. München, 1956.
- Zwalf W.* A catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum. Volume II.: British Museum Press, 1996.

Список сокращений

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный Исторический музей
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИАА – Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт

Приложение 1

О.С. Хохлова*, А.А. Хохлов**

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино.

**Институт биофизики клетки РАН, Пущино.

Палеопочвы курганного могильника Брут 1

Введение

В 2004 г. в составе археологической экспедиции ГМИНВ под руководством Т.А. Габуева нами были проведены палеопочвенные исследования курганного могильника Брут 1, время функционирования которого по археологическим представлениям – от примерного рубежа IV-V до середины V в. н.э. Основным методическим подходом к работе было представление о том, что курганы в монокультурном курганном могильнике, который сооружался сравнительно недолго (≤ 100 лет), не могли быть построены одномоментно, а время их появления растянуто по всей длительности периода функционирования могильника. Следовательно, можно попытаться установить хотя бы относительный порядок сооружения курганов в могильнике на основе сравнительных методов. Поиск относительного порядка сооружения курганов мы проводим на основе изучения свойств погребенных под ними палеопочв, предполагая, что они образуют «короткий» хроноряд как по длительности, так и по временному «шагу» между его соседними элементами – группами почв. При таком подходе на первое место выходит выявление направленной изменчивости почвенных свойств, которые способны меняться сравнительно быстро в степных почвах [Хохлова, 2006]. К таковым относятся: свойства солевого профиля (карбонатного, гипсового), солонцовые свойства, иногда – содержание гумуса в верхних горизонтах. Особое место в этой системе занимают иерархические морфологические – макро-, мезо-, микро- и субмикроруровень – методы изучения твердой фазы почвенной массы, позволяющие диагностировать самые «тонкие» и малозаметные начальные признаки изменчивости почв во времени. Изотопно-геохимические методы изучения стабильных и радиоактивных изотопов углерода в почвенных гумусе и карбонатах, которые также были использованы в данной работе, позволяют понять механизмы и скорости процессов, происходящих в почвах во времени.

Итак, задачи данной работы: (1) установить относительный хронологический порядок сооружения курганов в могильнике Брут 1 на основе изучения свойств погребенных под этими курганами почв с использованием комплекса современных морфологических, аналитических и инструментальных методов; (2) провести палеоклиматические реконструкции для времени функционирования могильника.

Объекты и методы

Были изучены палеопочвы под восемью курганами и два разреза современных фоновых почв. Данные об изученных почвенных разрезах, о мощности курганных насыпей, под которыми были погребены палеопочвы, даты сооружения курганов, установленные археологическими методами, представлены в табл. 1. Номера разрезов палеопочв совпадают с номерами курганов, под которыми эти почвы погребены.

Могильник Брут 1 располагается на первой высокой выровненной надпойменной террасе р. Камбилеевка (приток р. Терек) компактно, занимая площадь около 5 га на выгоне для скота на окраине с. Брут в Республике Северная Осетия-Алания. Почвообразующие породы – лёссовидные суглинки. Геоморфологически изученная территория относится к Осетинской наклонной аллювиальной равнине, сформированной отложениями рек Терек и Сунжа, а также их притоками. Равнина с юга, востока и севера окружена горными хребтами Большого Кавказа. Климат умеренно теплый, среднегодовая температура воздуха $+8,4^{\circ}\text{C}$. Июль – наиболее жаркий месяц, среднемесячная температура $+20,6^{\circ}\text{C}$; самый холодный – январь ($-4,4^{\circ}\text{C}$). Сумма осадков за период активной вегетации сельскохозяйственных растений составляет 350-500 мм, за год – около 600 мм. Испарение влаги довольно большое, коэффициент испаряемости составляет около 0,7. Основу современного почвенного покрова составляют черноземы обыкновенные, карбонатные в разной степени, среднемошные, реже – мощные.

В поле все разрезы современных фоновых почв и подкурганых палеопочв описывались и в них отбирались образцы. В лаборатории были определены гумус по методу Тюрина, CO_2 карбонатов ацидиметрически, SO_4 гипса весовым методом и обменные основания, в частности, Na – в вытяжке уксуснокислым аммонием. Все анализы были проведены в лаборатории химико-аналитического комплекса ИФХиБПП РАН (аналитики к.б.н. Скрипниченко И.И., Плясова Н.Я.). Содержание гумуса для всех палеопочв реконструировано, т.е. полученные значения были умножены на 2 в соответствии с подходом, предложенным в работе И.В. Иванова, (1992). Соотношение стабильных изотопов углерода $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ было определено для гумуса и карбонатов на масс-спектрометре Delta PlusXL в Purdue University, USA, к.б.н. С.А. Олейником, авторы выражают ему огромную благодарность. Результаты $\delta^{13}\text{C}$ (‰) приведены по отношению к PDB стандарту.

В некоторых разрезах более детально изучено их карбонатное состояние. Для этой цели из карбонатных горизонтов были отобраны отдельно образцы сегрегированных (KNO) и несегрегированных карбонатов, и в таких образцах определялось содержание CaCO_3 термическим методом (на дериватографе типа Q1000 $^{\circ}\text{C}$ венгерской фирмы MOM) и соотношение стабильных изотопов углерода. Также из карбонатных горизонтов отбирались ненарушенные образцы-монолиты, из которых затем были сделаны шлифы, изученные на поляризационном микроскопе. Морфология небольших фрагментов этих же монолитов была исследована на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6380LA. Перед исследованием образцы покрывались тонким металлическим слоем (сплав Au-Pd-Ag) для создания электропроводности на ионной напылительной установке Eiko IB-3. Для определения элементного состава отдельных участков изучаемых образцов был использован энергодисперсионный спектрометр (ЭДС) JED-2300. Электронно-микроскопические исследования были проведены в лаборатории электронной микроскопии Биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова при участии к.б.н. Кузнецовой А.М., авторы приносят ей глубокую благодарность. ^{14}C -датирование общей массы карбонатов и гумуса проведено в радиоуглеродной лаборатории Института географии РАН.

Результаты исследования и обсуждение

В ряду палеопочв от погребенной примерно на рубеже IV-V вв. н.э. (разр. 13п/04) до погребенных в первой половине V в. н.э. (табл. 1) прослеживалось постепенное увеличение густоты и мощности сети карбонатного псевдомицелия (рис. 1). По этому признаку палеопочвы первой половины V в. н.э. в поле были поделены на две группы: разр. 7п/04, 12п/04 и 14п/04 условно отнесены к первой четверти V в. н.э., а разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04,

11п/04 – ко второй четверти V в. н.э. Таким образом, палеопочва примерного рубежа IV-V вв. н.э. (разр. 13п/04) вместе с палеопочвами выделенных двух групп первой половины V в. н.э. образовали внутривековой хроноряд, длительность функционирования которого составляет 75-100 лет, а временной «шаг» между соседними элементами хроноряда (группами) – около 25 лет.

В средней и нижней частях карбонатного профиля (гор. Вса) в разр. 13п/04 карбонаты были представлены белоглазкой и пропиткой, в палеопочвах первой четверти V в. н.э. – диффузной белоглазкой в верхней части Вса и пропиткой – в его нижней части, в палеопочвах второй четверти V в. н.э. – пропиткой с крайне редкими пятнами белоглазки в присутствии псевдомицелия (рис. 1, I, II, III). В современных непаханных почвах вскипание от HCl отмечалось под дерновым горизонтом – с глубины 7-10 см, затем следовал горизонт псевдомицелия, в средней и нижней частях карбонатного профиля (гор. Вса) более редкая сеть псевдомицелия располагалась на фоне пропитки (рис. 1, IV).

По данным процентного содержания гумуса (рис. 2А) не удается выявить никакой закономерности, кроме заметно пониженного содержания гумуса в разр. 13п/04. Вероятно, это можно объяснить тем, что, как было замечено археологами, перед совершением погребений на этом участке могильника Брут 1 ранние аланы выжигали подкуранные площадки. При изучении образцов почвы в лаборатории под биноклем угольки отмечались в разр. 13п/04 до глубины горизонта Вса, что свидетельствует о том, что верхние горизонты этой почвы были подвергнуты пирогенному воздействию, следовательно, заметное уменьшение содержания гумуса в этом профиле может быть объяснено его выгоранием.

В то же время в распределении обменного натрия (рис. 2Б) отмечается ясная тенденция увеличения его содержания в верхней части профилей во внутривековом хроноряду от палеопочвы рубежа IV-V вв. к палеопочвам второй четверти V в. н.э. (разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04). Содержание гипса в профилях практически всех почв объекта Брут 1 близко к нулю (рис. 2В).

Данные валового процентного содержания CO_2 карбонатов в общей массе совпадают с морфологическими наблюдениями. В распределении CO_2 карбонатов по профилям почв (рис. 3А) отмечается ясная тенденция увеличения его содержания в верхней части профилей во внутривековом хроноряду от палеопочвы рубежа IV-V вв. (разр. 13п/04) к палеопочвам сначала первой (разр. 7п/04, 12п/04 и 14п/04), а затем – второй четверти V в. н.э. (разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04). В палеопочвах, условно отнесенных ко второй четверти V в. н.э., происходит постепенное увеличение содержания CO_2 карбонатов в гор. АВса по сравнению с палеопочвами более ранних сроков погребения в изучаемом хроноряду (рис. 3Б). В среднем, по сравнению с палеопочвой примерного рубежа IV-V вв. (разр. 13п/04), в палеопочвах второй четверти V в. н.э. (разр. 2п/04, 9п/04, 10п/04, 11п/04) происходит увеличение содержания карбонатов в гор. АВса на 15-17%.

Дифференциальный термический анализ (ДТА) показал, что содержание CaCO_3 в псевдомицелии варьирует от 2,3 до 7,1% и возрастает в палеопочве хроноряда наиболее позднего срока погребения (вторая четверть V в. н.э.) по сравнению с палеопочвами, погребенными ранее (табл. 2). Содержание CaCO_3 в почвенной массе без видимых КНО в парах образцов стабильно меньше, чем в псевдомицелии, при этом их температурные характеристики практически идентичны. В разр.13п/04 в гор. А1 и АВса и в разр. 8ф/04 в гор. АВса несегрегированные карбонаты методом ДТА не обнаружены. Это означает, что в указанных горизонтах несегрегированные карбонаты если и присутствовали, то составляли менее 2% от веса почвенной массы, поскольку нижним пределом определения

содержания карбонатов термическим методом на дериватографе МОМ 1000°С является 2%, меньшие величины прибор уверенно не определяет. В белоглазке-пропитке содержание CaCO_3 возрастает по сравнению с псевдомицелием (23,0-16,5% против 2,3-7,1%), что закономерно [Лебедева, Овечкин, 1975]. При этом температурные характеристики кривой ДТА в белоглазке выше, чем в псевдомицелии, что указывает на более совершенную структуру кристаллической решетки кальцита в белоглазке [Соколова и др., 1987].

При изучении микро- и субмикроморфологических особенностей КНО в палеопочвах хроноряда основное внимание было сосредоточено на псевдомицелярных формах, поскольку именно эти формы были наиболее показательными в рассматриваемом «коротком» хроноряду при выявлении различий палеопочв. При микроморфологическом изучении гор. АВса в разр. 13п/04 обнаруживается игольчатый кальцит, выстилающий редкие поры, но этого кальцита в порах мало, иглы мелкие. Плазма пропитана криптозернистым кальцитом, который дает слабую интерференционную окраску при скрещенных николях и иногда образует овальные стяжения (рис. 4, а). На субмикроуровне видно, что отдельные иглы (рис. 4, б) либо крайне редкие скопления игл (рис. 4, в) встречаются на фоне фрагментарной пленки скрытокристаллического кальцита.

В шлифах КНО гор. АВса в разр. 14п/04 наблюдается преобладание игольчатого кальцита, иголки довольно крупного размера, хотя и микроучастки плазмы, пропитанной криптозернистым кальцитом (правая часть фото), также имеются (рис. 4, г). Под электронным микроскопом наблюдаем сплошные иголки, иногда образующие пучки и жгуты (рис. 4, д). При увеличении в 2000 раз видно, что иголки окристаллизованы очень хорошо, они ровные, длинные, без наростов и обломков (рис. 4, е). Вместе с тем микроучастки колломорфной кальцитовой массы хоть и редко, но встречаются (рис. 5, фото 0215), при этом микрозоны расположения игольчатого и колломорфного кальцита четко разграничены.

На микрофотографии КНО из гор. АВса разр. 9п/04 видно, что игольчатый кальцит локализован в относительно мелких порах, окружен плазмой, пропитанной криптозернистым кальцитом, причем степень пропитанности плазмы несравненно выше, чем в гор. АВса разр. 13п/04 (рис. 4, ж). На некоторых микроучастках шлифа видно, что произошло внедрение игольчатых форм в плазму, уменьшение степени «отделенности» и приуроченности этих форм лишь к поровому пространству. При рассмотрении псевдомицелярных форм кальцита под электронным микроскопом при довольно большом увеличении (в 5000 раз) отмечаем, что иглы не имеют уже столь совершенных форм, они словно бы покрыты вуалью, размывающей четкость их очертаний (рис. 4, з). К тому же в образце отмечаются локализованные микроучастки лишь колломорфной массы кальцита без выраженных кристаллических форм (рис. 4, е).

Микроформы КНО из гор. АВса современной фоновой почвы (разр. 8ф/04) довольно схожи с таковыми для палеопочв второй четверти V в. н.э.: имеются микроучастки с игольчатым кальцитом, приуроченным к поровому пространству, а рядом – иглы, уже внедренные в плазму. В целом пропитанность плазмы криптозернистым кальцитом меньше, видны сравнительно крупные округлые стяжения в основной массе (рис. 4, и). На субмикроуровне отмечаем микроучастки как игольчатого кальцита – иголки несовершенной структуры, спутанные, сросшиеся, с наростами и обломками (рис. 4, к), так и колломорфной массы кальцита (рис. 4, л).

Рентгеновский микроанализатор показал, что и игольчатые формы, и колломорфная масса в КНО – это именно кальцит. На некоторых фотографиях, полученных на сканирующем электронном микроскопе, квадратиками маркированы микрозоны зондирования

образцов (рис. 4). Спектры зондирования игольчатой массы кальцита показывают ясные пики углерода (13,6-16,2%) и кальция (28,6-43,9%), на третьем месте находится кремний (1,9-8,9%). Необходимо пояснить, что кремний в виде кварца и алюмосиликатных минералов регулярно обнаруживается в составе КНО черноземов [Артемьева, 1986; Добровольский, 1956], но ясного понимания – находится ли кремний в составе кристаллических КНО или это примесь окружающей силикатной почвенной массы, пока нет. В колломорфной массе кальцита уменьшается содержание кальция (5,0-9,7-3,4%, соответственно) и увеличивается – кремния (20,5-14,3-22,8%), а также заметно увеличивается доля алюминия и железа по сравнению с иголками. Такое соотношение элементов может быть связано с двумя причинами: 1 – глубина проникновения зонда в образец составляет 1 мкм, поэтому вполне возможно, что зонд анализирует не только пленку кальцита колломорфной массы, но и нижележащий алюмосиликатный материал; 2 – если предполагать, что колломорфная масса кальцита сформирована в результате осаждения из коллоидного раствора, то силикатная примесь в виде сорбированного и кластического материала – сопутствующий компонент при такого рода переносе коллоидной карбонатной массы [Добровольский, 1956; 1959].

Сравнение игольчатого и колломорфного кальцита из разр. 14п/04 и 9п/04 погребенных почв, относящихся к первой и второй четвертям V в н.э. соответственно, показало, что иголки разр. 14п/04 более «карбонатны»: в них очень тесное соотношение молекул углерода и кальция (47 молярных % С против 45 % Са по данным зондирования) и совсем мало примесей силикатной массы (Si, Mg, Al, Fe). В иголках из разр. 9п/04 указанных примесей больше, тогда как соотношение молекул углерода и кальция составляет 52 к 36. По данным зондирования образцов колломорфной массы кальцита из указанных разрезов, картина обратная: велика доля примесей силикатных минералов в колломорфной массе кальцита из разр. 14п/04, соотношение молекул углерода и кальция составляет 35 к 4; в разр. 9п/04 доля примесей меньше, а отношение содержания С к Са – 59 к 9. Итак, «карбонатность» игольчатого кальцита уменьшается, а колломорфного – увеличивается в палеопочве второй четверти V в. н.э. (разр. 9п/04) по сравнению с палеопочвой, погребенной в первой четверти V в. н.э. (разр. 14п/04).

Исследования стабильных изотопов углерода в гумусе и карбонатах показали, что изотопный состав углерода (ИСУ) гумуса во всех палеопочвах хроноряда Брут 1 был близок. Варьирование $\delta^{13}\text{C}$ в гумусе верхнего горизонта палеопочв и современной почвы составило -24,3 – -24,9‰. В то же время по данным ИСУ КНО и несегрегированных карбонатов в палеопочвах хроноряда можно отметить ряд интересных особенностей (рис. 5А). В парах образцов «КНО-несегрегированные карбонаты» ИСУ первых практически всегда «легче» по сравнению с ИСУ вторых. При этом ИСУ карбонатов из горизонтов псевдомицелия различается меньше, чем из горизонтов белоглазки-пропитки, так как затруднительно провести отдельный отбор КНО и несегрегированных карбонатов из горизонта, сплошь пронизанного псевдомицелием. Величина $\delta^{13}\text{C}$ для белоглазки-пропитки легче, чем псевдомицелия. Наиболее «тяжелый» ИСУ среди изученных образцов отмечается в парах образцов «КНО-несегрегированные карбонаты» разр. 9п/04 и 10п/04, отнесенных к группе палеопочв наиболее позднего срока погребения в изучаемом хроноряде. Кроме этого, отмечается обратная закономерность для распределения ИСУ в парах образцов «КНО-несегрегированные карбонаты»: только в палеопочвах второй четверти V в. н.э. (разр. 9п/04 и 10п/04) ИСУ несегрегированных карбонатов более легкий по сравнению с КНО.

Радиоуглеродные даты были получены для гумуса из поверхностного гор. А1 [0-5 см] и общей массы карбонатов из гор. АВса [30(35)-60(70) см] палеопочв хроноряда. Все рассматриваемые в статье радиоуглеродные даты приведены в некалиброванных значениях. ^{14}C -даты для гумуса (рис. 5Б), показывают довольно хорошую сходимость с учетом близких дат погребения палеопочв в изучаемом хроноряду. В то же время отмечается резкое и существенное (более чем на 1000 лет) «удревнение» радиоуглеродного возраста псевдомицелия из гор. АВса, [30(35)-60(70) см] в разр. 9п/04, погребенном во второй четверти V в. н.э., по сравнению с аналогичными датами для разрезов более ранних сроков погребения в хроноряду. Радиоуглеродный возраст для псевдомицелия из гор. АВса современной почвы (разр. 8ф/04), если к измеренной РУ дате прибавить среднюю дату погребения палеопочв в изученном хроноряду (1625 ± 25 лет), получается близким к ^{14}C -датам для карбонатов из аналогичных горизонтов палеопочв примерного рубежа IV-V – первой четверти V в. н.э. (разр. 13п/04, 12п/04, 14п/04), (рис. 6).

Заключение

Палеопочвы курганного могильника Брут 1 на основе изучения их свойств были разделены на 3 группы и выстроены в «короткий» хроноряд с временным шагом между группами примерно 25 лет. В этом хроноряду от палеопочвы рубежа IV-V вв. н.э. к палеопочвам первой четверти V в. н.э. и затем второй четверти V в. н.э. происходило постепенное усиление ксероморфных признаков – отчетливо заметное увеличение аккумуляции карбонатов, подтягивавшихся вверх по профилю, усиление признаков солонцеватости. Эти процессы были идентифицированы сначала в поле при морфологическом анализе, а затем подтверждены аналитическими исследованиями – обнаружено увеличение процентного содержания карбонатов в верхней части профилей и обменного натрия в составе обменных оснований – в верхней и средней частях профилей в палеопочвах более поздних сроков погребения по сравнению с более ранними в изученном хроноряду. На основании этих наблюдений были проведены реконструкции палеоклимата, позволившие заключить, что климатические условия интервала времени от примерного рубежа IV-V до середины V в. н.э. в регионе можно охарактеризовать как начальный этап аридизации.

Более глубокое изучение КНО показало, что в палеопочвах второй четверти V в. н.э. в гор. АВса [30(35)-60(70) см] обнаруживается карбонатный псевдомицелий, который имеет отличия по морфологии, элементному составу, ИСУ и радиоуглеродному возрасту по сравнению с аналогичными КНО в других палеопочвах хроноряда. Этот факт, по нашему мнению, дает дополнительную информацию о характеристике палеоклимата времени функционирования могильника. Колломорфный кальцит может появиться в составе карбонатного псевдомицелия верхних горизонтов почвы в сезоны повышенной аридизации, когда резкое иссушение верхней части профиля провоцирует подтягивание почвенного раствора, несущего карбонаты в коллоидном виде из глубоких горизонтов профиля, где эти карбонаты уже имеют «древний» радиоуглеродный возраст [Хохлова и др., 2008]. Появление в верхних горизонтах палеопочв второй четверти V в. н.э. карбонатного псевдомицелия с вуалью колломорфного кальцита на игольчатом (наблюдения на сканирующем электронном микроскопе) связано, как представляется, с особенно интенсивным нарастанием аридизации именно в этот период рассматриваемого хроноинтервала первой половины V в. н. э.. Поэтому можно дополнить сделанное ранее заключение о начальном этапе аридизации в первой половине V в. н.э. примечанием, что нарастание ее происходило особенно заметно во второй четверти этого веТакже заметим, что обнаружение особен-

ностей псевдомицелия в ряде почвенных разрезов стало возможным благодаря тому, что палеопочвы были поделены на три группы с хронологической соподчиненностью между ними уже при полевых морфологических исследованиях могильника Брут 1. Если выделение палеопочвы, отнесенной археологами к примерному рубежу IV-V вв. н.э. также в поле, не вызывало сомнений, то разделение палеопочв первой половины V в. н.э. на две группы не было очевидным, не подтверждалось предварительным полевым анализом археологического материала. Для того чтобы доказать, что такое разделение было верным, в поле были отобраны специальные образцы для последующего изучения КНО именно в выделенных группах. И тот факт, что «особые» свойства псевдомицелий демонстрирует только в палеопочвах хроноряда, отнесенных условно ко второй четверти V в. н.э., является дополнительным аргументом в пользу правильности выделения третьей группы.

Литература

- Артемьева З.С.* Состав белоглазки черноземов теплой фации // Вестн. Моск. ун.-та. Сер. 17. Почвоведение. 1986. № 3. С. 55-56.
- Добровольский В.В.* Карбонатные стяжения в почвах и почвообразующих породах Центрально-черноземной области // Почвоведение. 1956. № 5. С. 31-42.
- Добровольский В.В.* Элементы-примеси в карбонатных конкрециях из четвертичных отложений аридной зоны // Доклады АН СССР. 1959. Т. 126. № 2. С. 382-384.
- Иванов И.В.* Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.
- Лебедева И.И., Овечкин С.В.* Карбонатные новообразования в черноземах Левобережной Украины // Почвоведение, 1975. № 11. С. 14-30.
- Соколова Т.А., Кулагина Е.К., Павлов В.Н., Царевский В.В.* Опыт комплексного изучения почвенных карбонатов // Современные физические и химические методы исследования почв. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 171-194.
- Хохлова О.С.* Внутривековая (декадная) эволюция почв и скорости изменчивости свойств в степных почвах на разных породах // Экология и почвы. Лекции и доклады XIII Всероссийской школы, октябрь 2005 г. Пущино, 2006. Том V. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 2006. С. 278-286.
- Хохлова О.С., Хохлов А.А., Чичагова О.А., Кузнецова А.М., Олейник С.А.* Трансформация карбонатных новообразований палеопочв Северного Кавказа, погребенных под курганами // Почвоведение. 2008. № 9. С. 923-936.

Приложение 2

А.А. Гольева

Институт географии РАН, Москва

Палеоботанические исследования курганного могильника Брут 1

С целью реконструкции природной среды для периода создания курганов, а также особенностей погребальной обрядности были проведены комплексные палеоботанические исследования курганного могильника Брут 1. Они включали микробиоморфный анализ и определение породы древесины.

Микробиоморфный анализ заключается в качественном и количественном изучении под микроскопом частиц биологической природы (фитолиты, детрит, спиккулы губок, диатомовые водоросли и др.). Данный совокупный анализ позволяет реконструировать природную среду периода создания кургана, а также уточнить вопросы использования растительной или животной органики при погребении, даже если она полностью минерализована и визуально не определяется. Возможности микробиоморфного метода для целей археологии, включая методическую основу отбора и обработки образцов, опубликованы [Гольева, 2008] и в данной работе не указываются.

Определение породы дерева в погребениях является самостоятельным видом анализа. Он основан на формировании древесиной годичных колец, в которых рисунок распределения сосудов специфичен для растительного семейства, что и позволяет проводить определение в пределах семейства. Возможности и ограничения метода опубликованы [Гольева, 2005].

В курганном могильнике Брут 1 исследовались погребенные под насыпями почвы и грунты из погребений. Образцы погребенных почв отбирались в нескольких повторностях на определенном расстоянии от почвенного разреза О.С. Хохловой. Это делается для того, чтобы иметь сравнительный материал и исключить случайный характер отбора проб.

Погребенные почвы

Изучались погребенные почвы курганов 12, 13, 14. Результаты исследований представлены в таблице.

Курган 12, образец слева от почвенного разреза

А погр.; 0-2 см (60-62 см). Образец содержит обугленный древесный детрит, единично – грибные гифы и мало фитолитов. В фитолитном комплексе преобладают формы луговых злаков, остальные - разнотравье. Практически все фитолиты обуглены. Единично встречаются не обугленные формы разнотравья.

Курган 13, образец справа от разреза

А погр.; 0-2 см (60-62 см). Образец содержит большое количество обугленного древесного и травянистого детрита. Также присутствуют обрывки корней трав, обломок древней спиккулы и средне – фитолиты. Состав фитолитного комплекса сложный. Абсолютно

преобладают обугленные формы луговых злаков и разнотравья. Также присутствуют обугленные фитолиты лесных злаков. Единично отмечены не обугленные формы разнотравья. Спикула губки является реликтом древней почвообразующей породы или была привнесена вместе с растениями.

Слева от разреза

А погр.; 0-2 см (69-62 см). Микробиоморфный комплекс образца близок по составу с описанным выше образцом погребенной поверхности справа от разреза. Некоторым отличием является отсутствие спикулы губки и наличие единичных пыльцевых зерен трав. Скорее всего, после того как на поверхности сгорели травы и деревья перед возведением кургана прошло некоторое время, за которое успела вырасти трава.

Курган 14, слева от разреза

А погр.; 55-57 см. Образец содержит мало мелкого древесного и травянистого детрита, несколько фитолитов (лугово-разнотравного комплекса), пыльцевых зерен трав, корни трав, личинки почвенной фауны. Образец однозначно поверхностный. На поверхности почвы не сжигалась растительность. Самой растительности практически не было. Судя по травянистому пыльцевому спектру, курган возводился летом.

Справа от разреза

А погр.; 55-57 см. Образец содержит мелкий обугленный древесный детрит, фитолиты, деформированные пыльцевые зерна, корни трав, грибные гифы. В фитолитном комплексе преобладают обугленные формы, но есть и не обугленные фитолиты разнотравья. Среди обугленных отдельных присутствуют луговые и лесные злаки, а также разнотравье. В споро-пыльцевом спектре помимо зерен трав единично встречена пыльца вяза. Можно предположить, что курган возводился в первой половине лета.

Выводы по погребенным почвам

Курган 12. В образцах обуглен древесный детрит и фитолиты, которых немного.

Курган 13. В обоих образцах (взятых слева и справа от центра) есть обугленный детрит и фитолиты. Но единично также в обоих случаях встречаются необугленные формы (травы) и корни трав. То есть после пожара выросли растения, но этот период был непродолжительным.

Курган 14 – обугленных частиц нет в образце слева от центра и все обуглено в образце справа. При этом слева от центра детрит мелкий, фитолитов мало.

Грунты и угли из погребений

Курган 13.

1. Уголь со дна катакомбы, верхний слой – все образцы представляют собой обугленные 3-5-годичные ветки кустарников.

2. Уголь со дна катакомбы, нижний слой – просмотренные 4 штуки древесных углей принадлежали древесине семейства розоцветных.

3. Исследовано 6 штук древесных углей. Все они принадлежат дубу.

Курган 14.

Тлен со дна камеры (две повторности). Образцы идентичны – они не содержат микробиоморф. Это значит, что на дне камеры в местах отбора проб органического материала не было (ни растений, ни шкур или кожи).

Основные выводы

Древесный детрит встречается во всех образцах. Можно предположить, что сжигание древесины было элементом общего погребального обряда. В тех образцах, где нет обугленного древесного детрита, как правило, микробиоморфная фракция обеднена, то есть все микробиоморфы в образцах связаны с древесиной.

Большие количества фитоцитов коррелируют с обугленностью материала и наличием древесного и/или травянистого детрита, то есть растения с фитоцитами не *in situ*, они были принесены вместе с древесиной из других мест и отражают сукцессионные особенности иных природных комплексов. Поэтому использовать данные фитоцитного анализа для природно-климатических реконструкций позднего этапа развития раннеаланской культуры нельзя.

Отсутствие фитоцитов в поверхностных пробах погребенных почв является убедительным свидетельством, что верхних горизонтов почв на момент создания курганов не было. Т.е. фиксируются следы сильной эрозии, которая может быть связана как с климатическими, так и антропогенными факторами, например, интенсивным выпасом территории.

По результатам исследований можно заключить, что перед совершением погребений аланы выжигали подкурганые площадки, и эти действия характерны для всех изученных курганов, что заставляет предположить ритуальное использование огня при подготовке площадок для строительства курганов аланами.

В погребениях использовалась различная древесина лиственных и широколиственных пород, что позволяет предположить хорошую облесенность территории и интенсивные рубки дерева для хозяйственных и ритуальных целей.

Анализ не выявил каких-либо подстилок на дне погребальной камеры, но ввиду единичного образца делать обобщающие выводы о какой-либо выявленной специфике погребального обряда нельзя.

Можно сделать частные выводы, что курган 14 возводился летом, курган 13 после обжига растительного покрова с поверхности будущей курганной насыпи некоторое время стоял открытым, успели прорасти новые травы.

Таблица

Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

№	Образец, глубина, см	Детрит	Фитоцит	Пыльца	Диатомовые
IV-V вв н.э. Поздний этап					
Курган 12, слева от разреза					
А погр.	0-2	++ мелкий, древесный обуглен	+ частично обуглены	-	-
Курган 13, справа от разреза					
А погр.	0-2	++ обугленный древесный и травянистый	++ в основном обуглен	-	обломок древней спикулы
Слева от разреза					
А погр.	0-2	++ обугленный древесный и травянистый	++ в основном обуглен	Ед., травы	-

Курган 14, слева от разреза					
А погр.	55-57	++ мелкий древесный и травянистый	+	+	-
Справа от разреза					
А погр.	55-57	++ мелкий древесный обуглен	+ в основном обуглен	+ деформ.	-

Примечание: +++ много; ++ средне; + мало; Ед. – единично; - отсутствуют

Литература

- Гольева А.А.* Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005. С. 300-309.
- Гольева А.А.* Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов. Генезис, география, информационная роль. М.: Изд. ЛКИ. 2008. 240 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Общий план могильника Брут 1

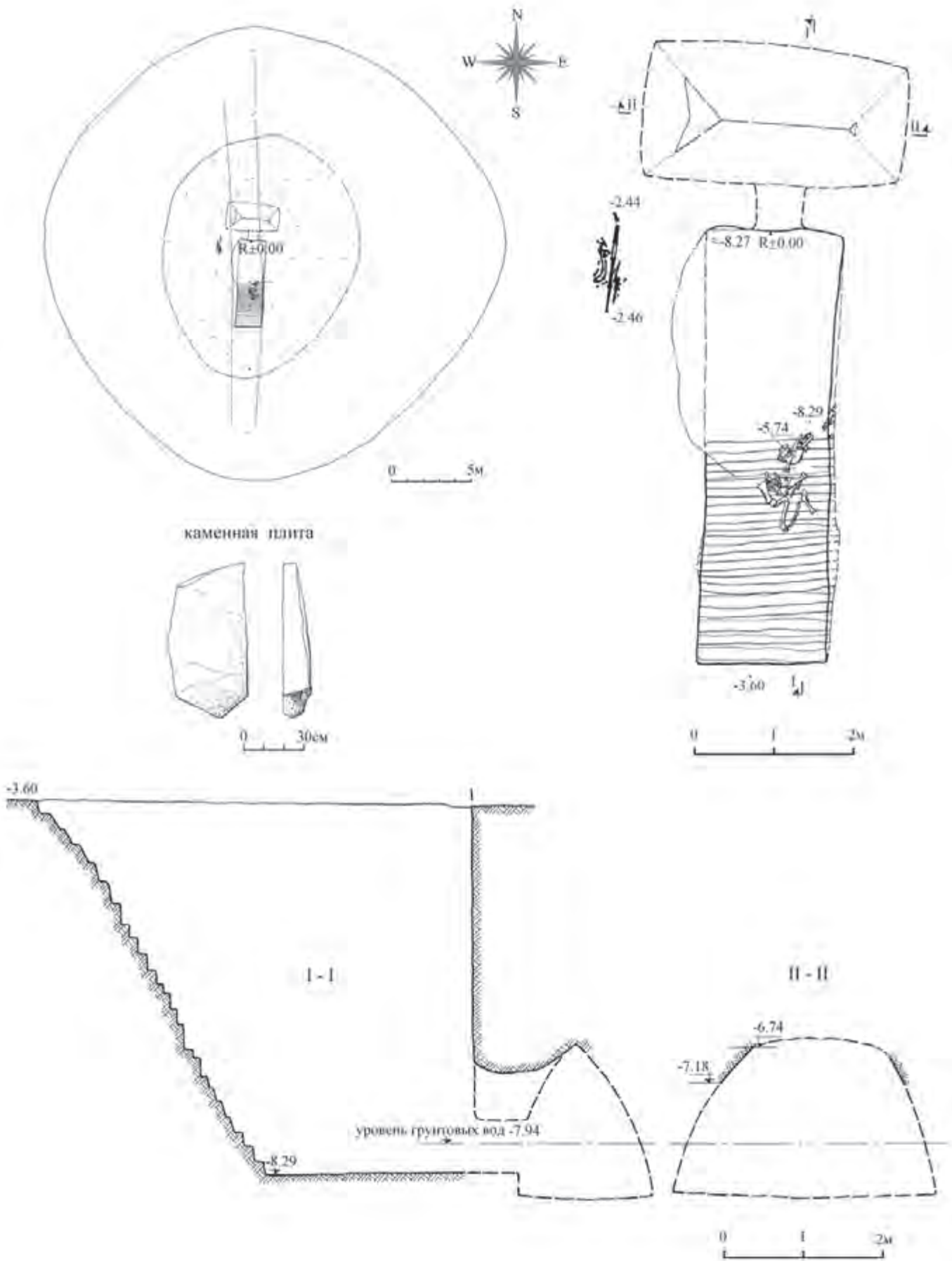

Рис. 2. Могильник Брут 1. Курган 2. Планы и разрезы

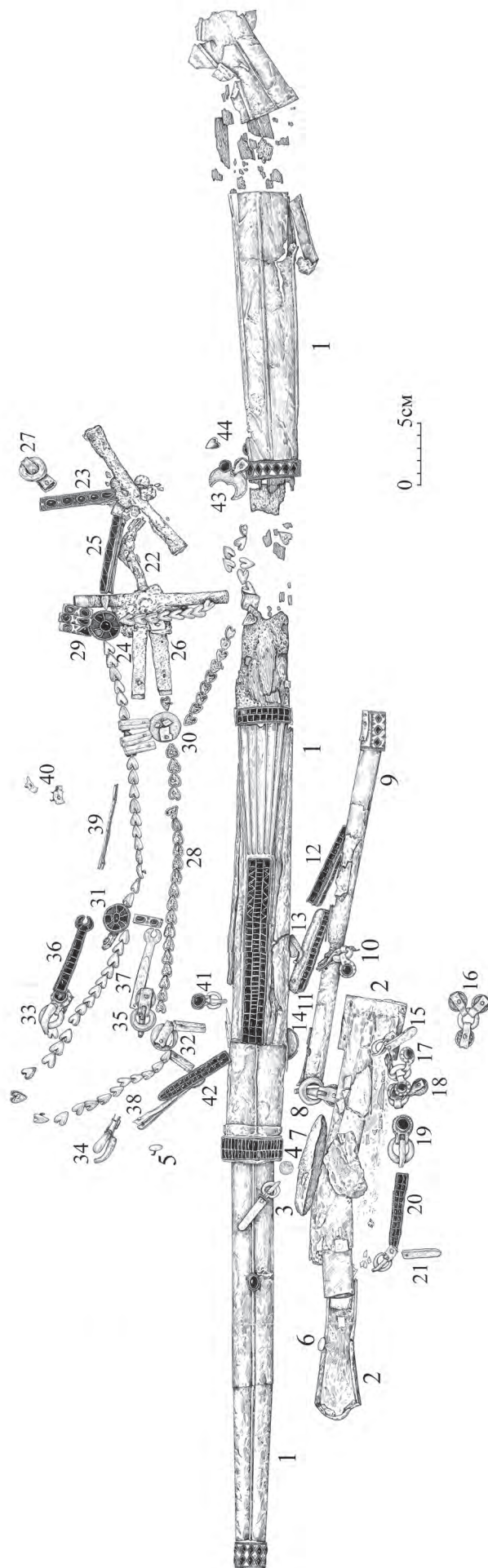

Рис. 3. Могильник Брут 1. Курган 2. Скопление предметов погребального инвентаря

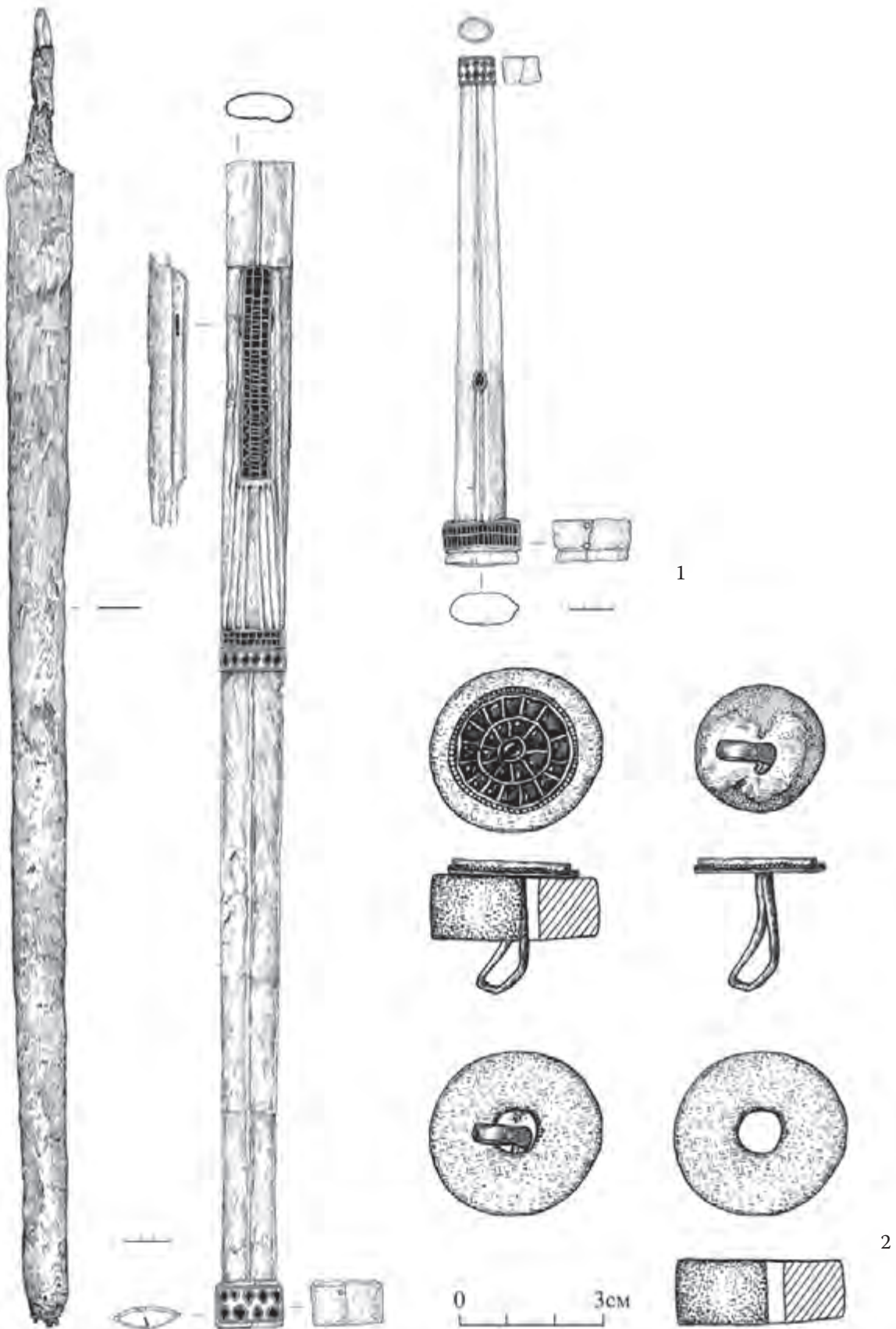

Рис. 4. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 1¹; 2 – № 2.

¹ В данном случае эти номера (№ 1, № 2 и пр.) соответствуют номерам, использованным при описании предметов в тексте.

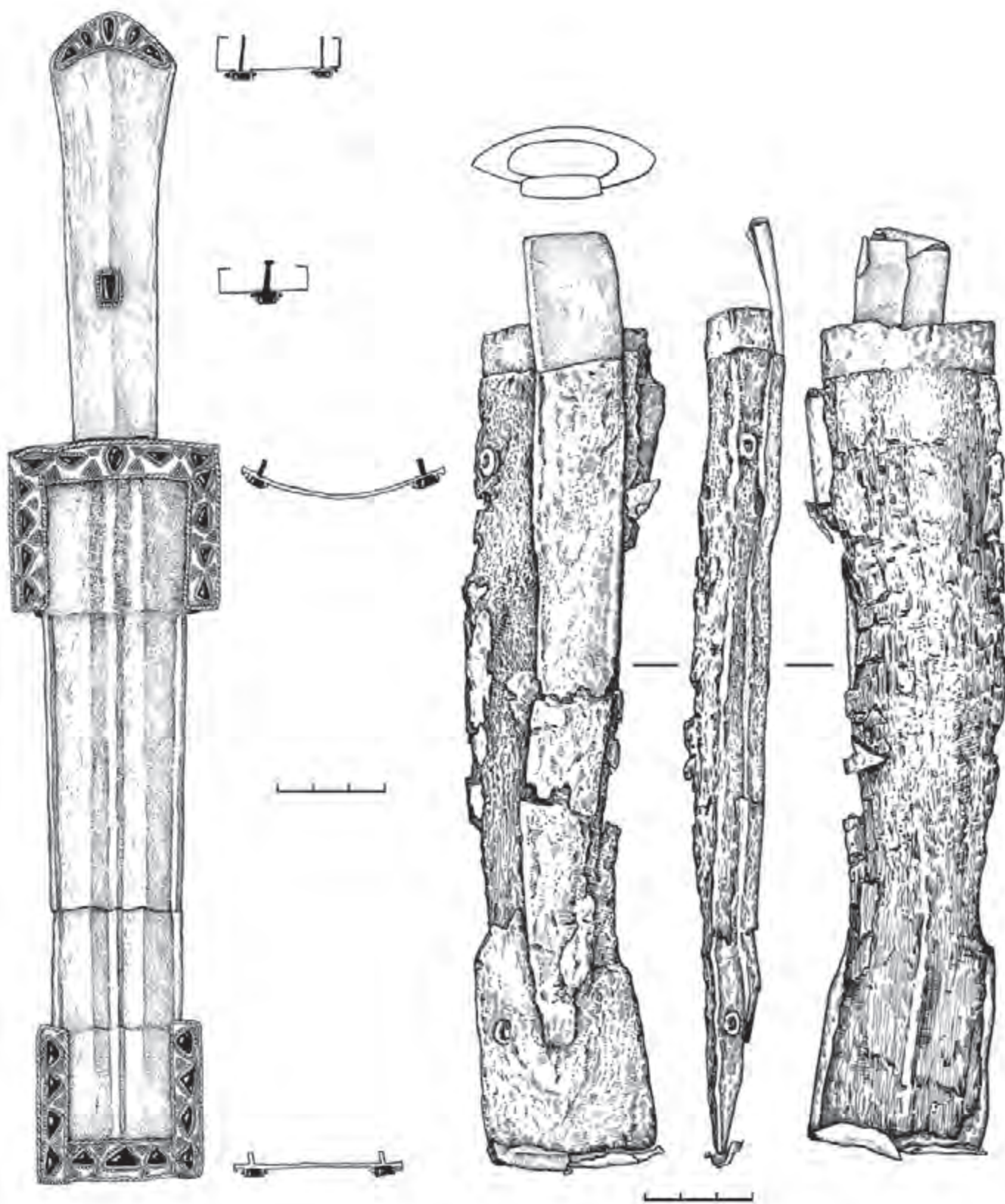

Рис. 5. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: кинжал – № 4

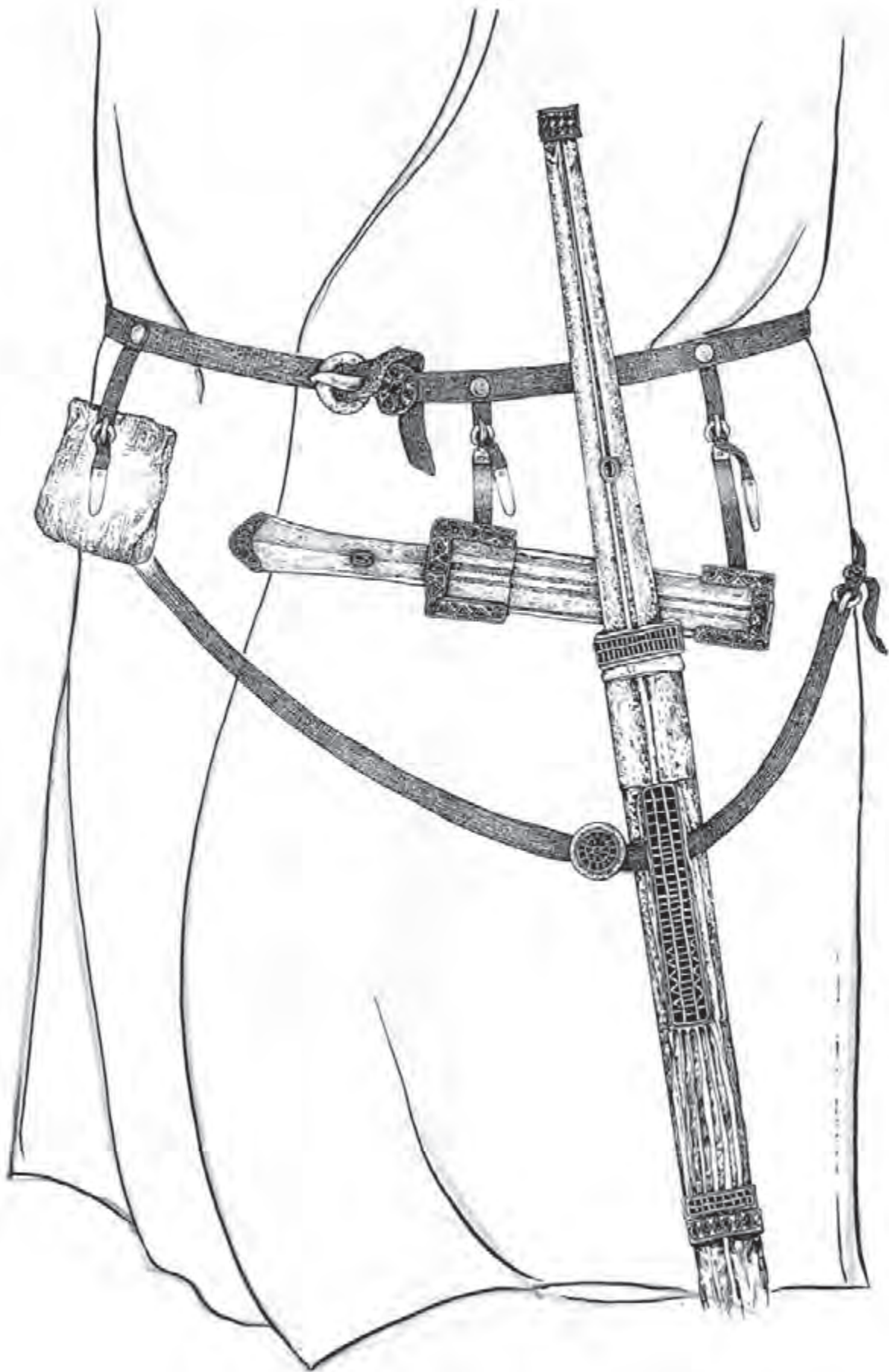

Рис. 6. Могильник Брут 1. Курган 2. Реконструкция подвески оружия

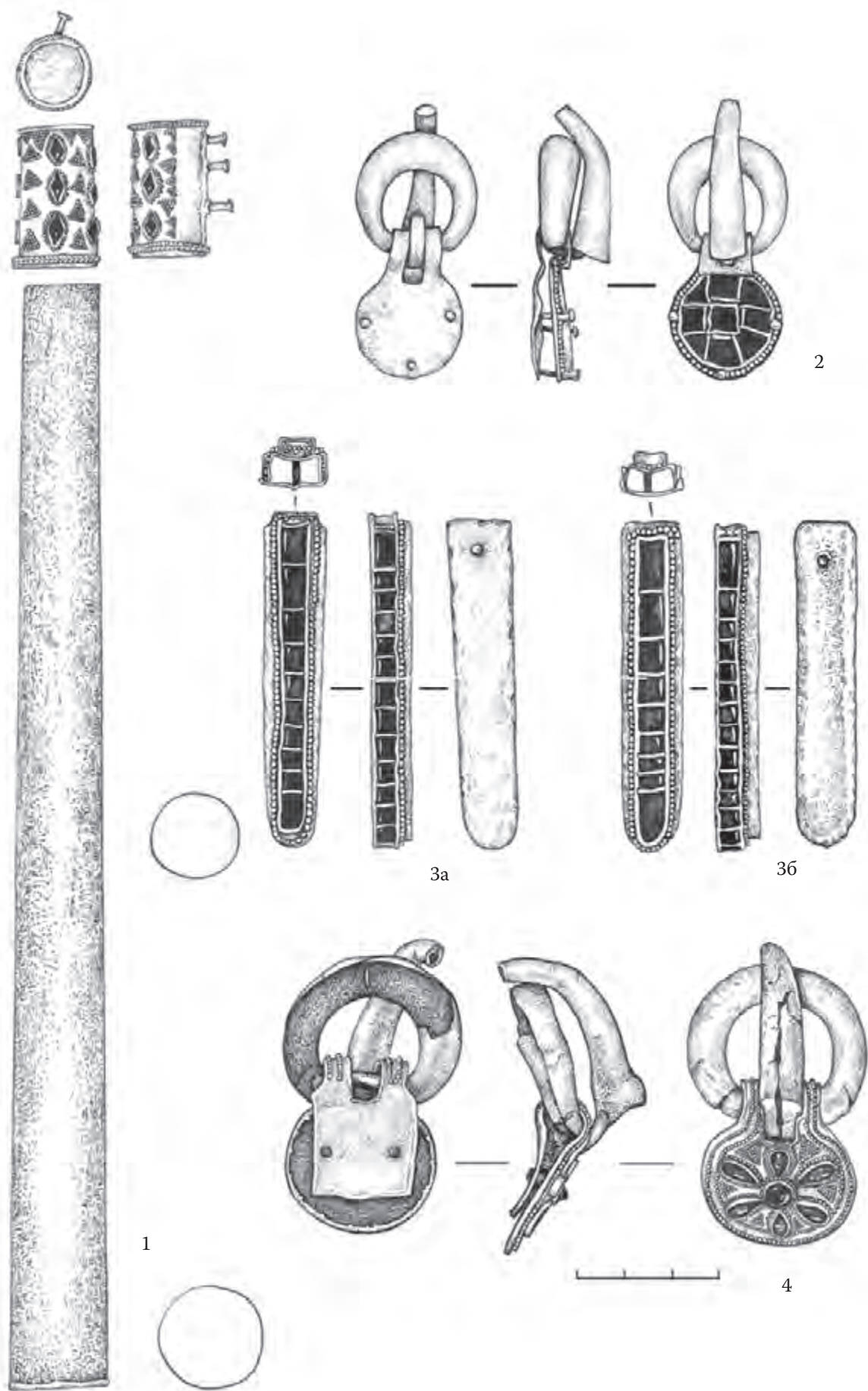

Рис. 7. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь 1 – № 11; 2, 3а,б – № 2; 4 – № 12

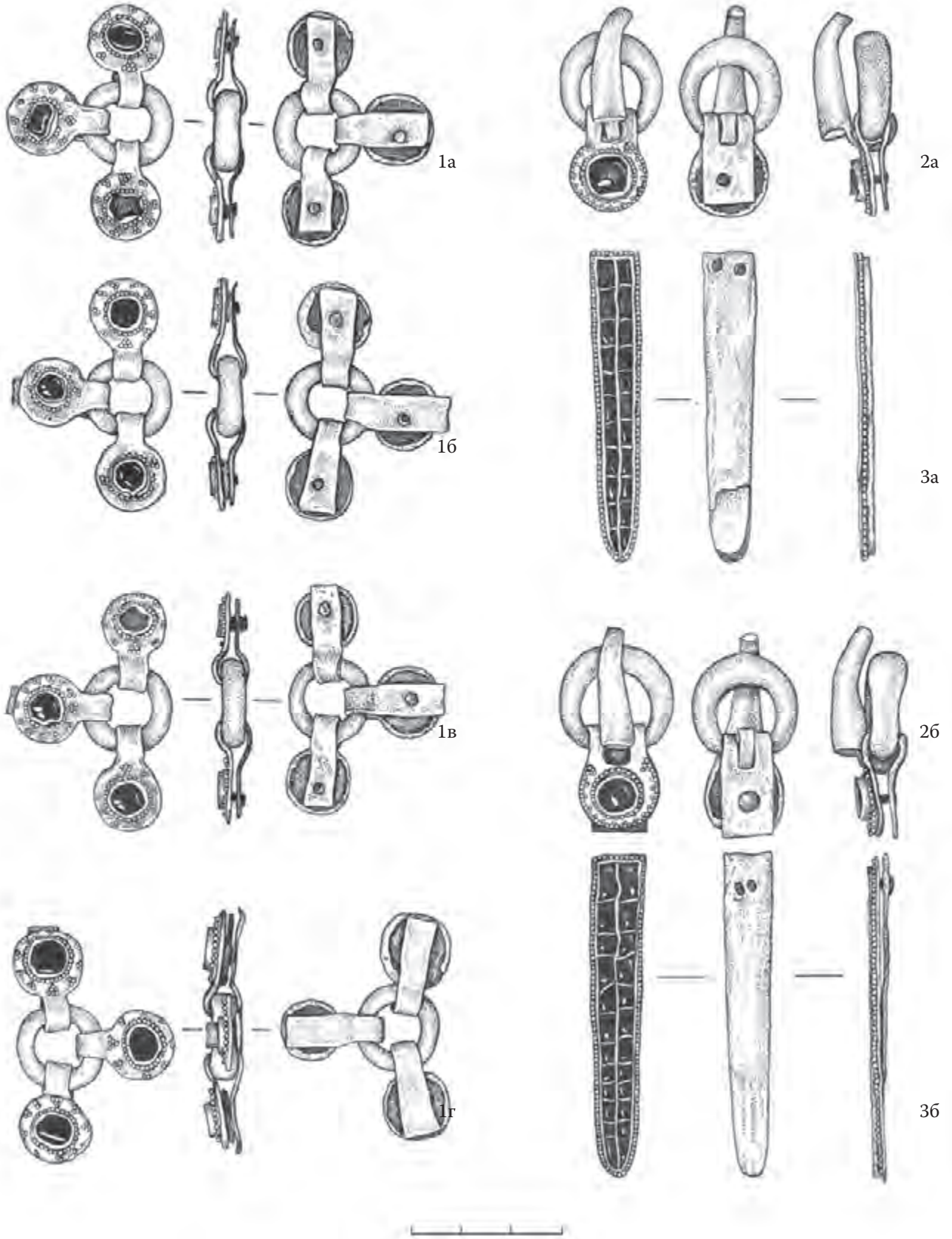

Рис. 8. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1а-г – № 19; 2а,б – № 9; 3а,б – № 10

Рис. 9. Могильник Брут 1. Курган 2. Реконструкция обуви

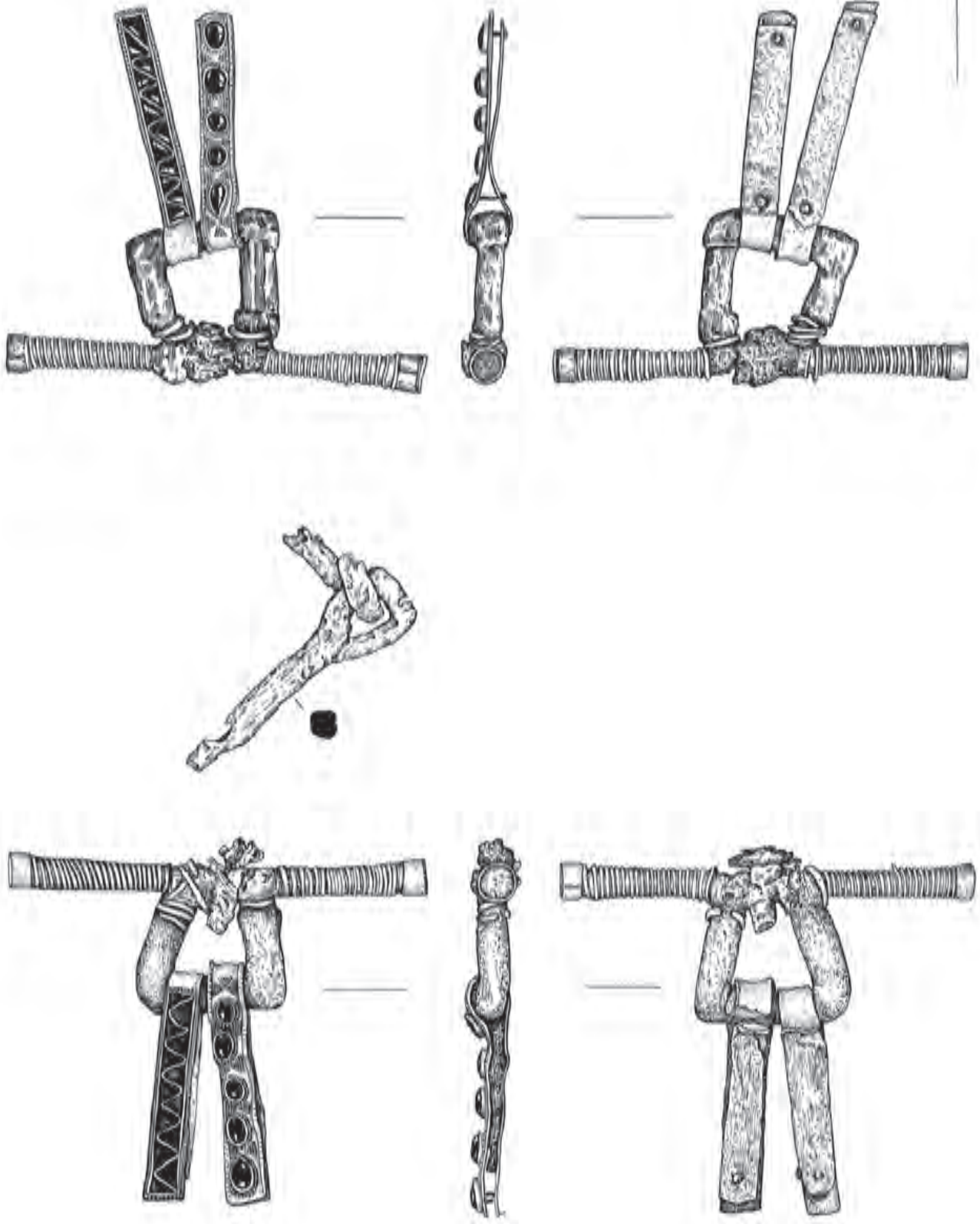

Рис. 10. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 14

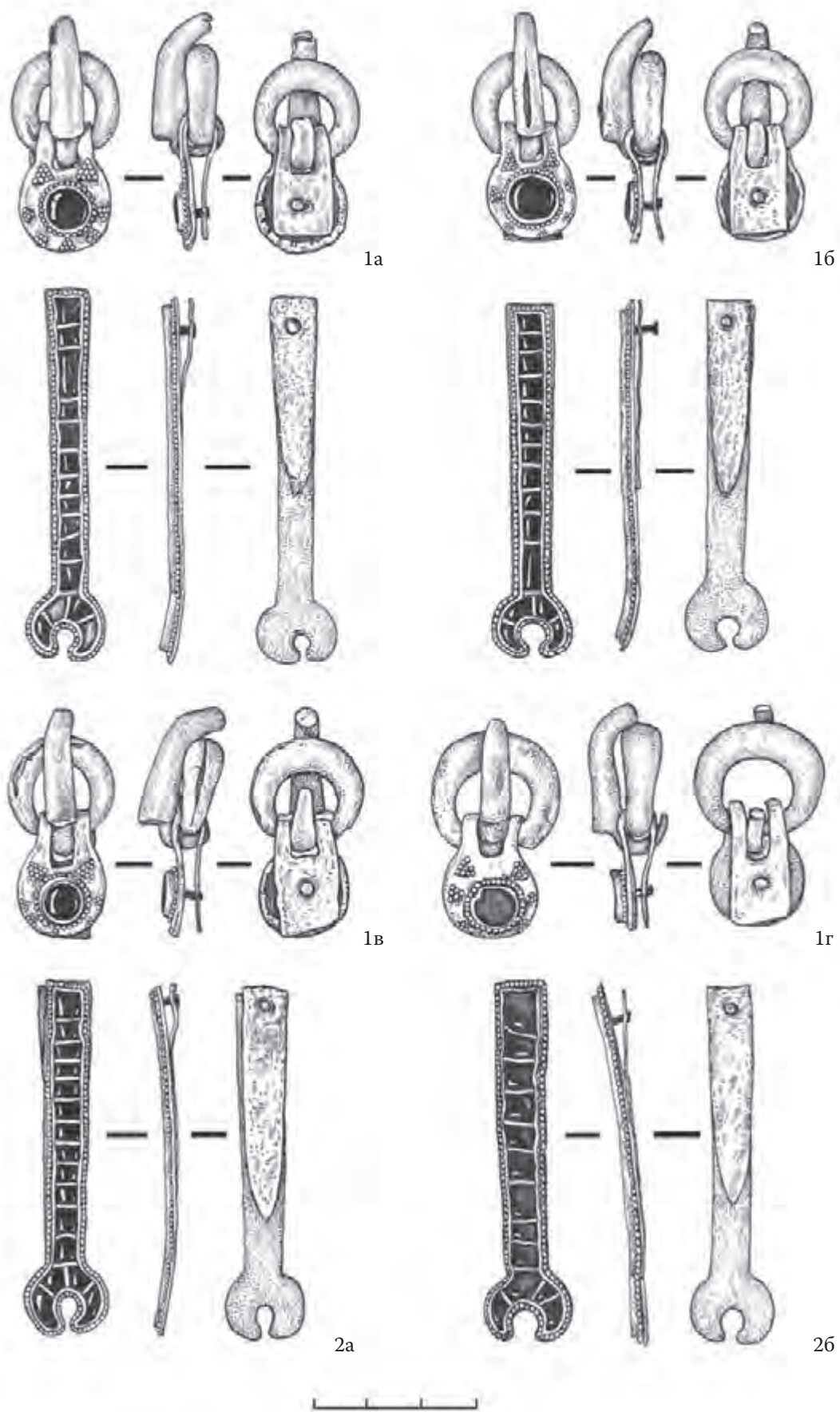

Рис. 11. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1а-г – № 17; 2а-г – № 18

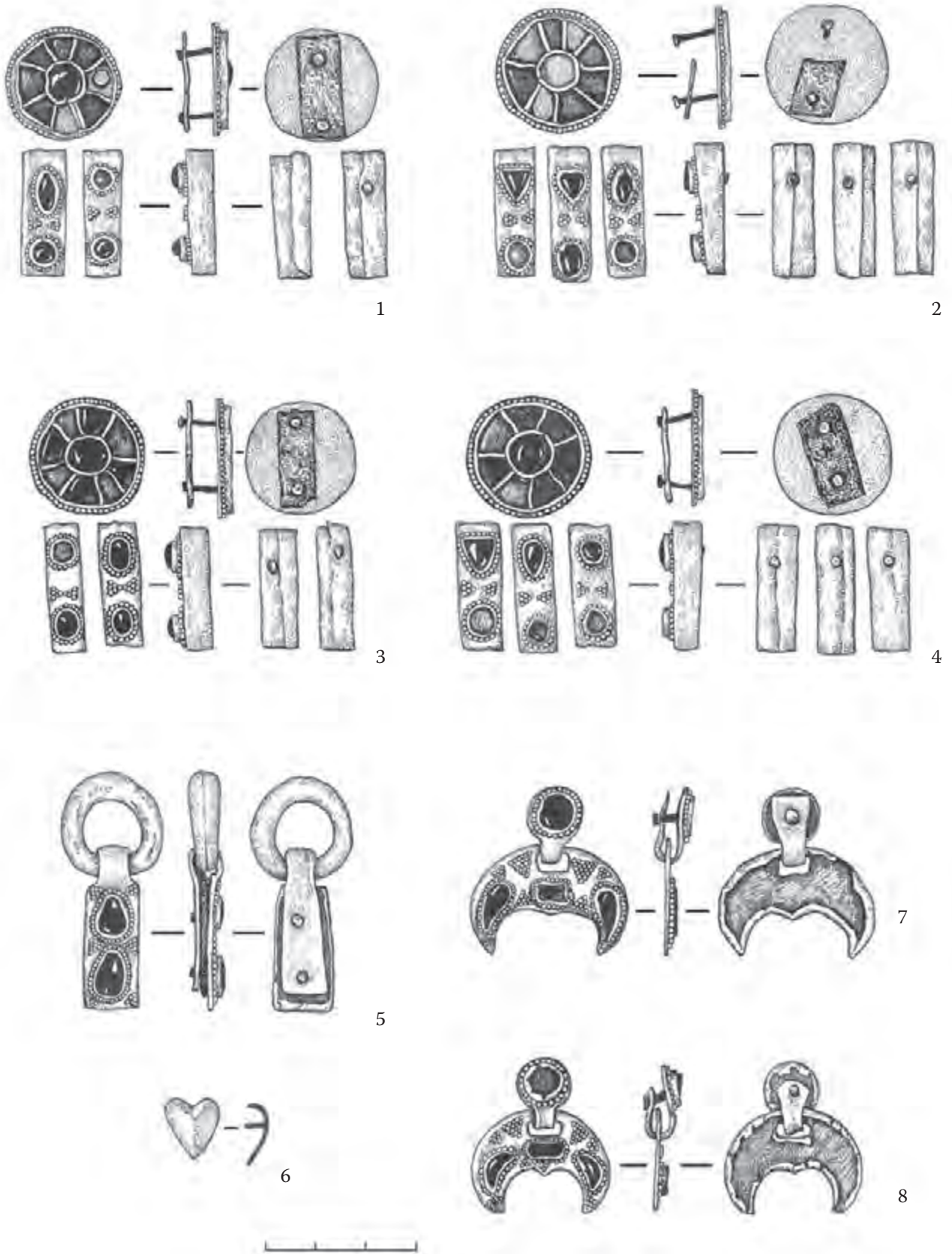

Рис. 12. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1-4, 6 – № 16; 5 – № 15; 7, 8 – № 21

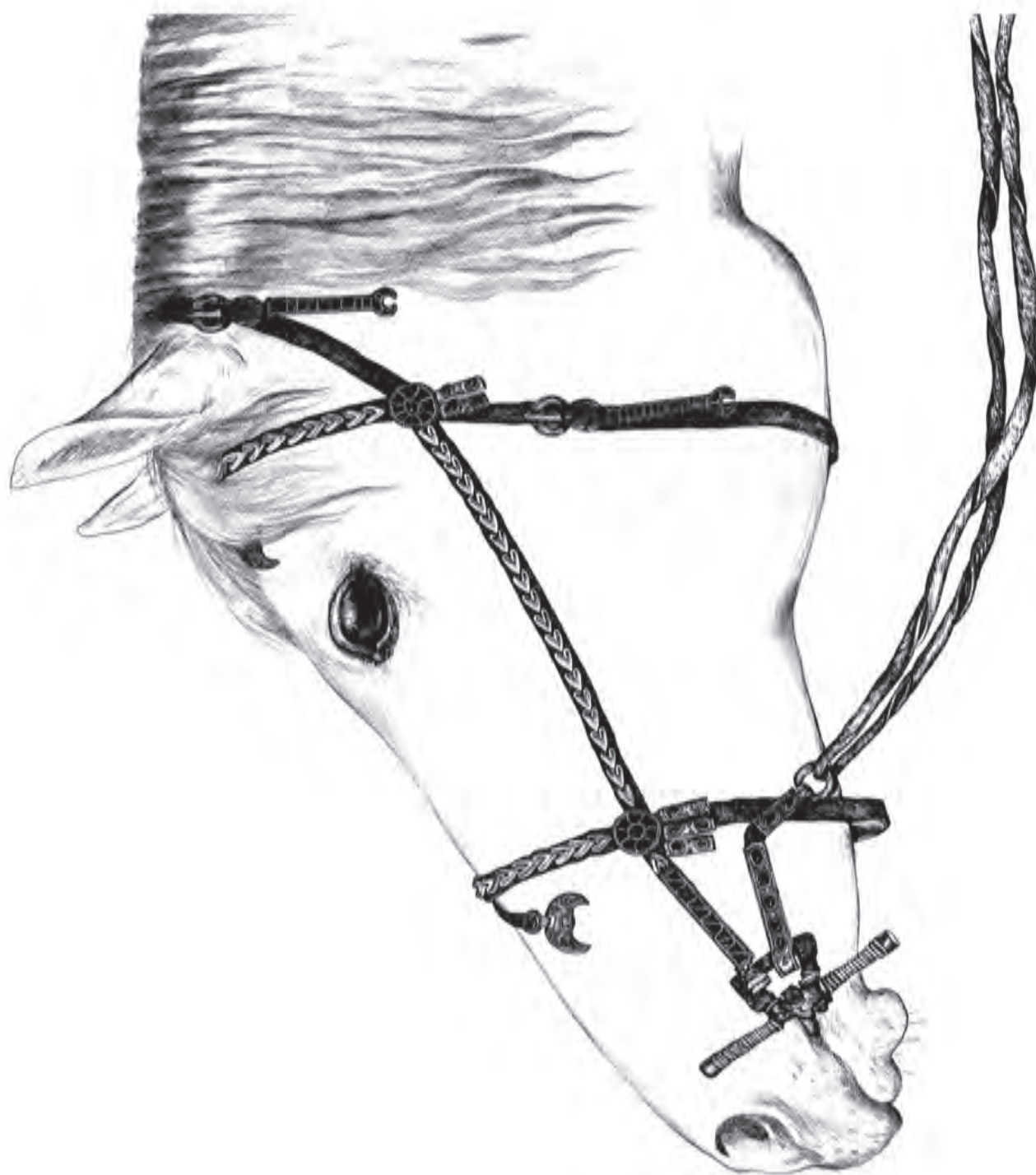

Рис. 13. Могильник Брут 1. Курган 2. Реконструкция конской уздечки

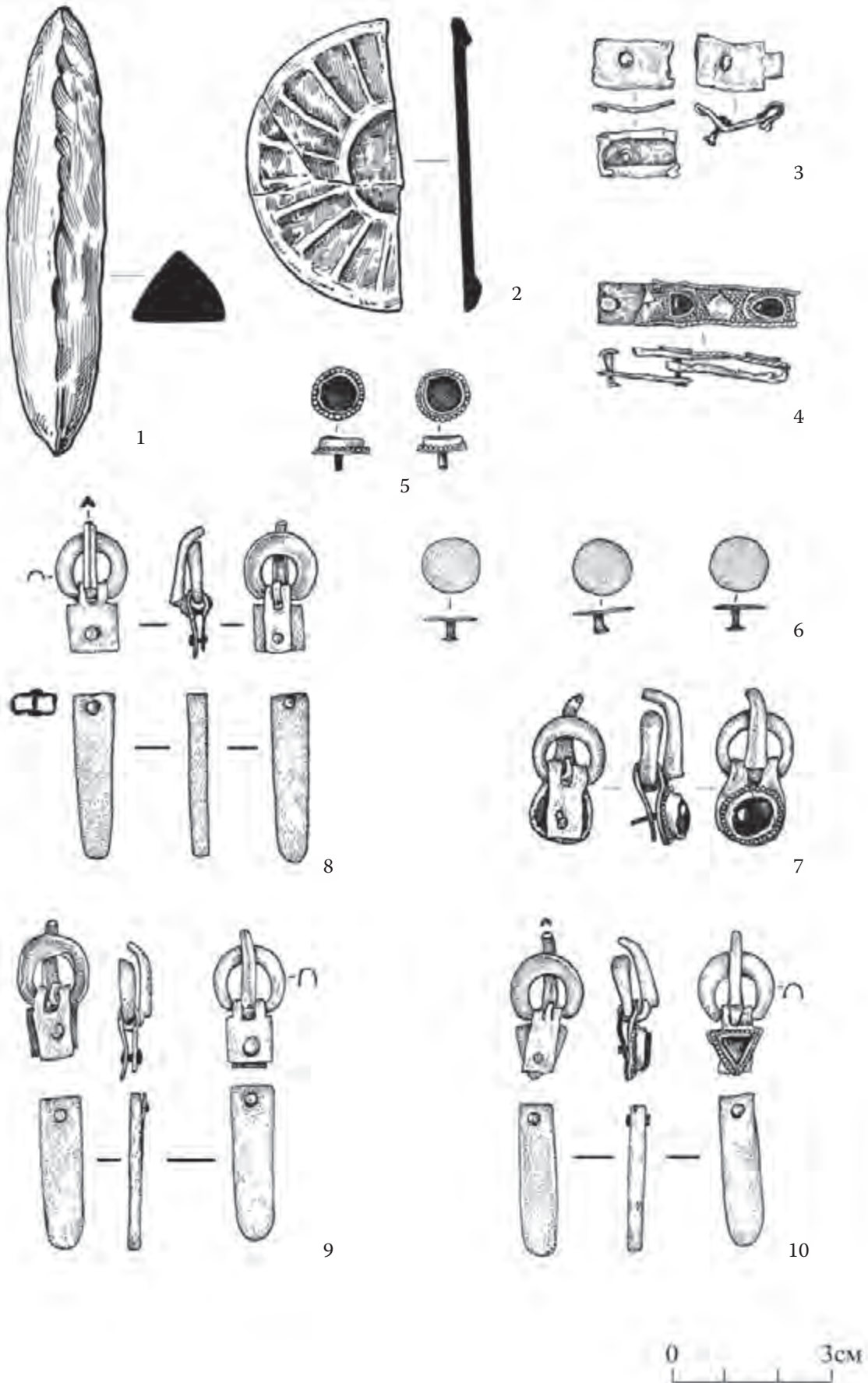

Рис. 14. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 8; 2 – № 23; 4 – № 24; 5 – № 22; 6 – № 7; 7 – № 3; 8, 9 – № 6; 10 – № 5

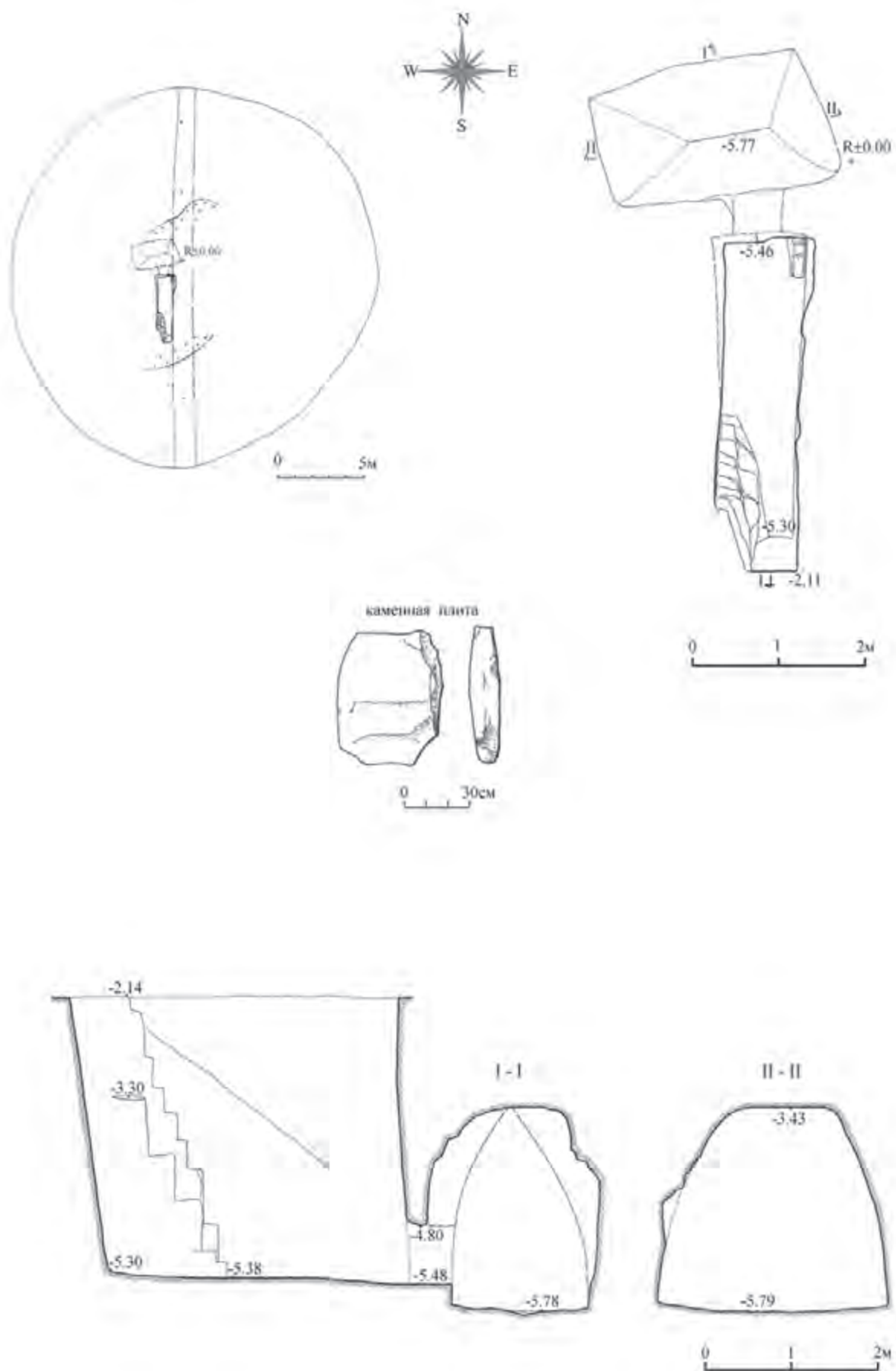

Рис. 15. Могильник Брут 1. Курган 3. Планы и разрезы

Рис. 16. Могильник Брут 1. Курган 3. Инвентарь: 1 – № 3; 2 – № 2; 3 – № 1

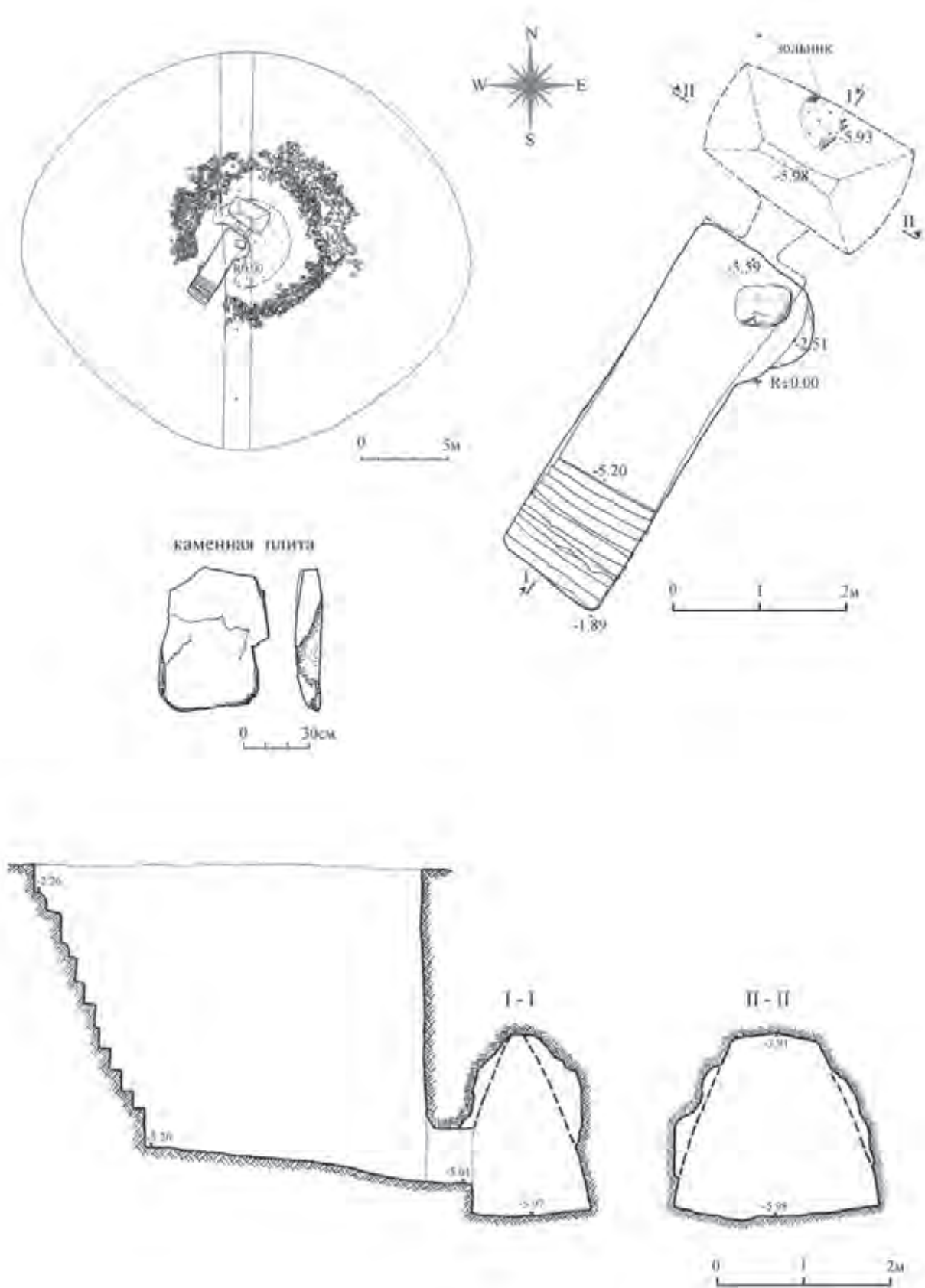

Рис. 17. Могильник Брут 1. Курган 4. Планы и разрезы

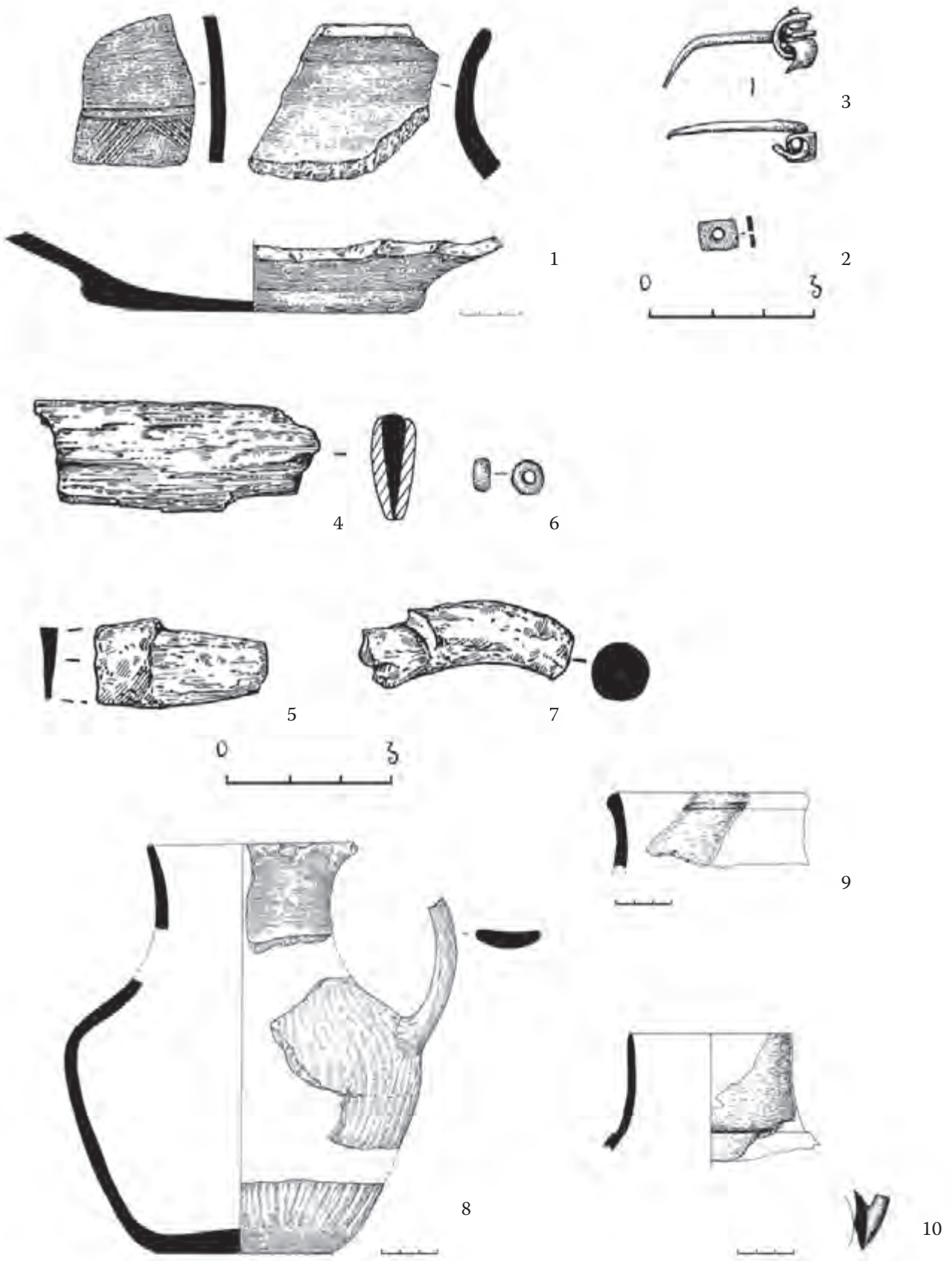

Рис. 18. Могильник Брут 1. Курган 4. Инвентарь: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 5; 6 – № 7; 7 – № 6; 8 – № 8

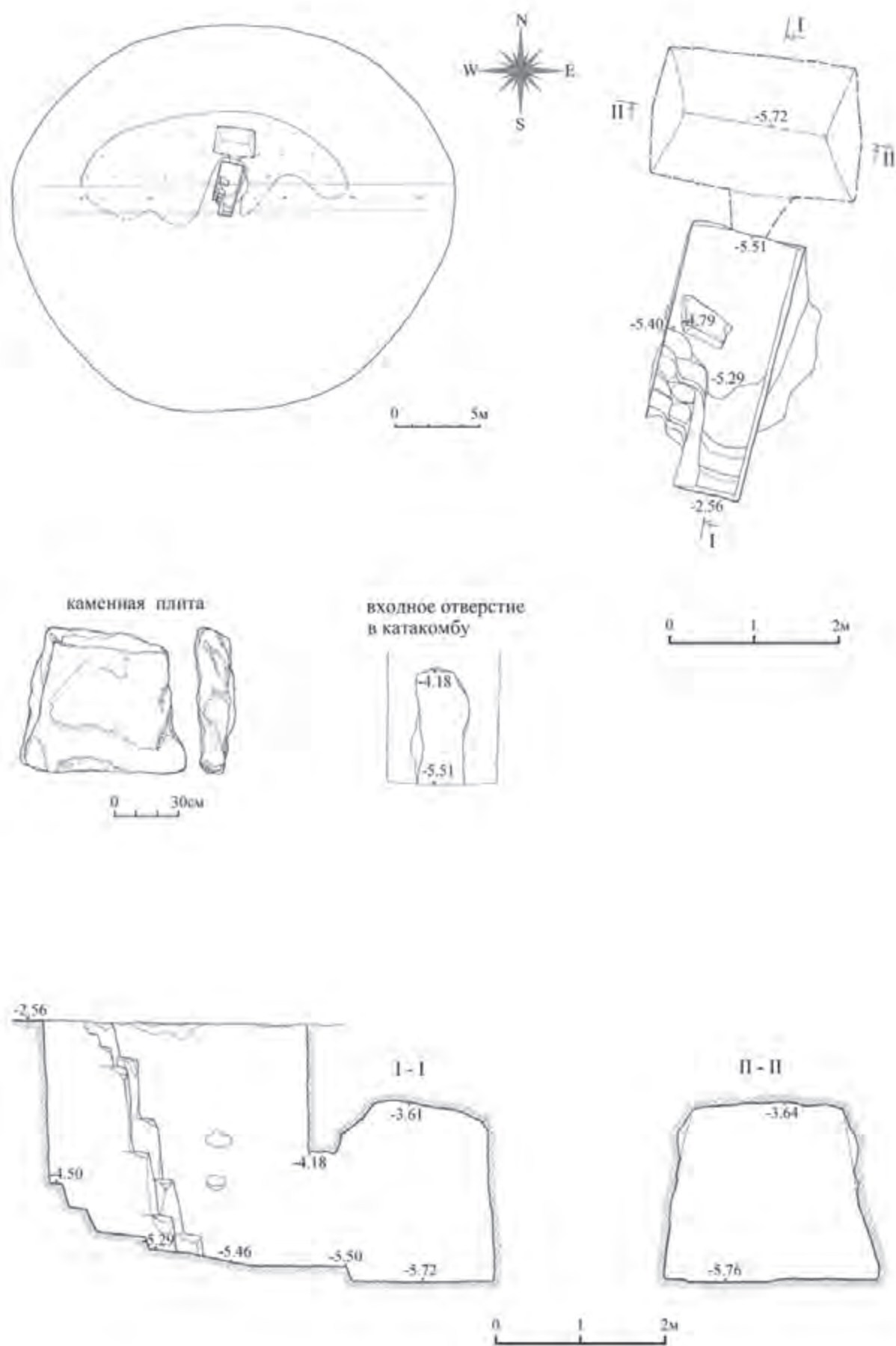

Рис. 19. Могильник Брут 1. Курган 5. Планы и разрезы

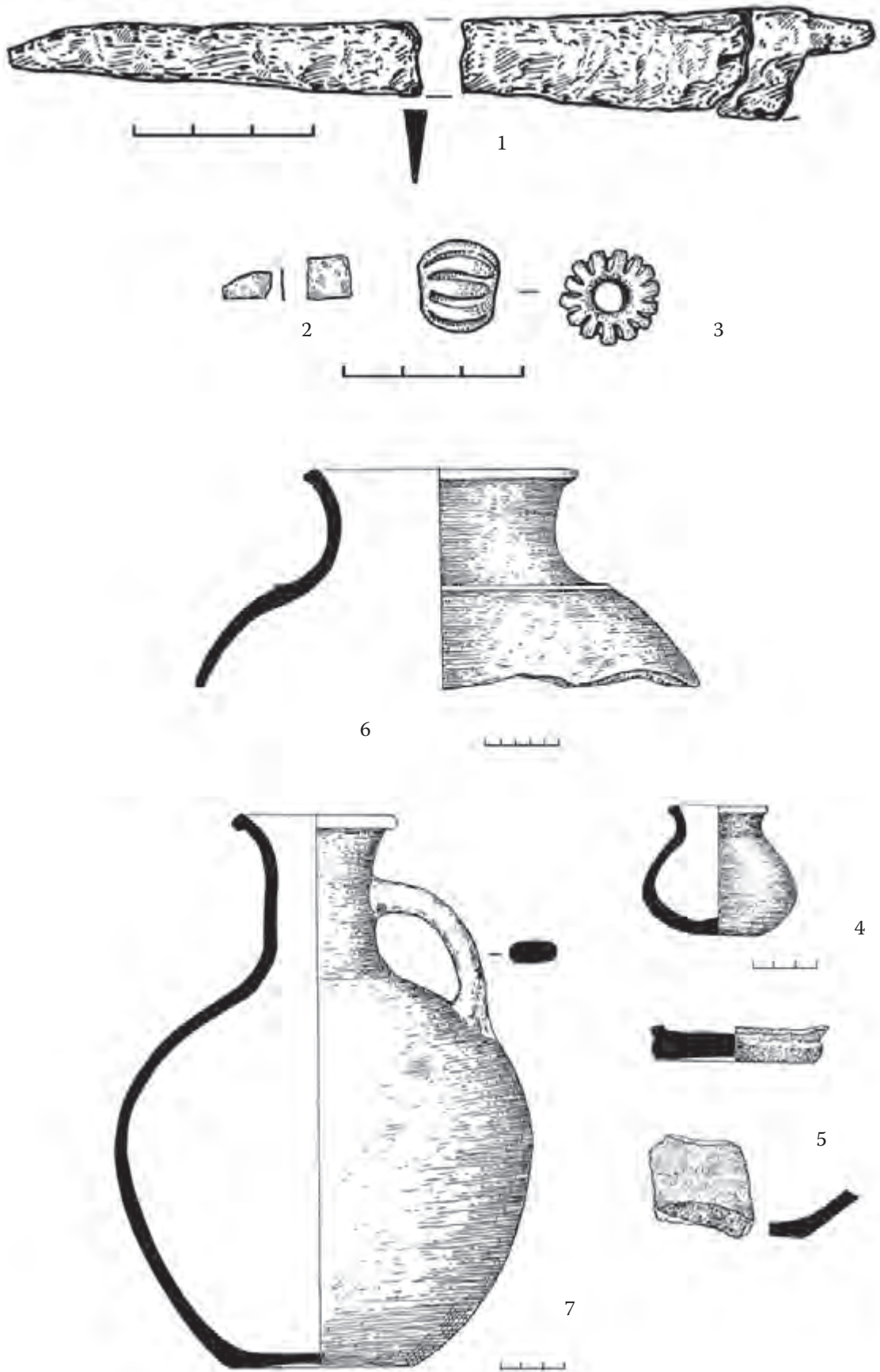

Рис. 20. Могильник Брут 1. Курган 5. Инвентарь: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 5; 6 – № 6; 7 – № 7

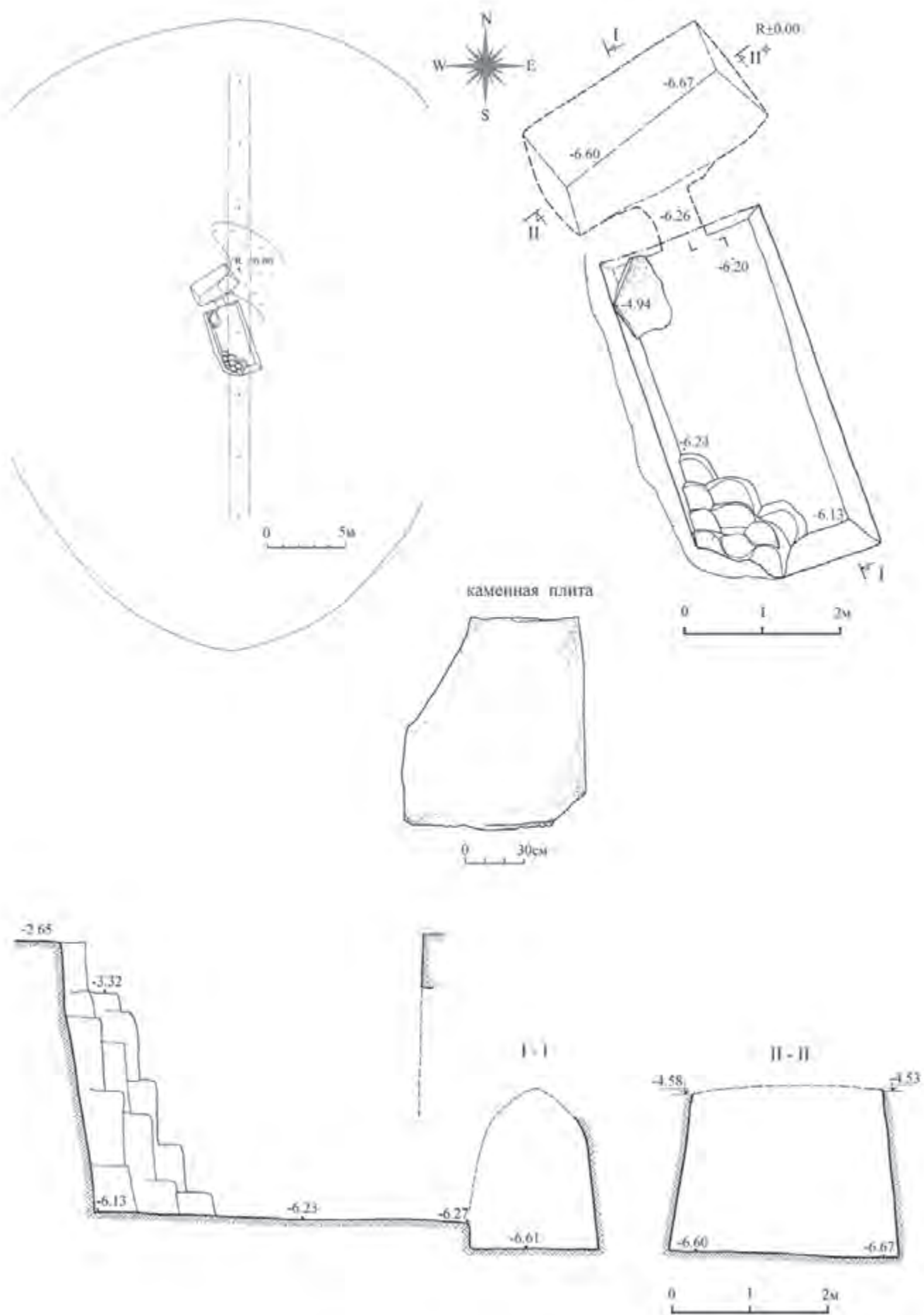

Рис. 21. Могильник Брут 1. Курган 6. Планы и разрезы

Рис. 22. Могильник Брут 1. Курган 6. Инвентарь: 1 – № 5; 2 – № 6; 3 – № 1; 4 – № 2, 3; 5 – № 4; 6 – № 7; 7 – № 8; 8 – № 9; 9 – № 10; 10 – № 11; 11 – № 12; 12 – № 13

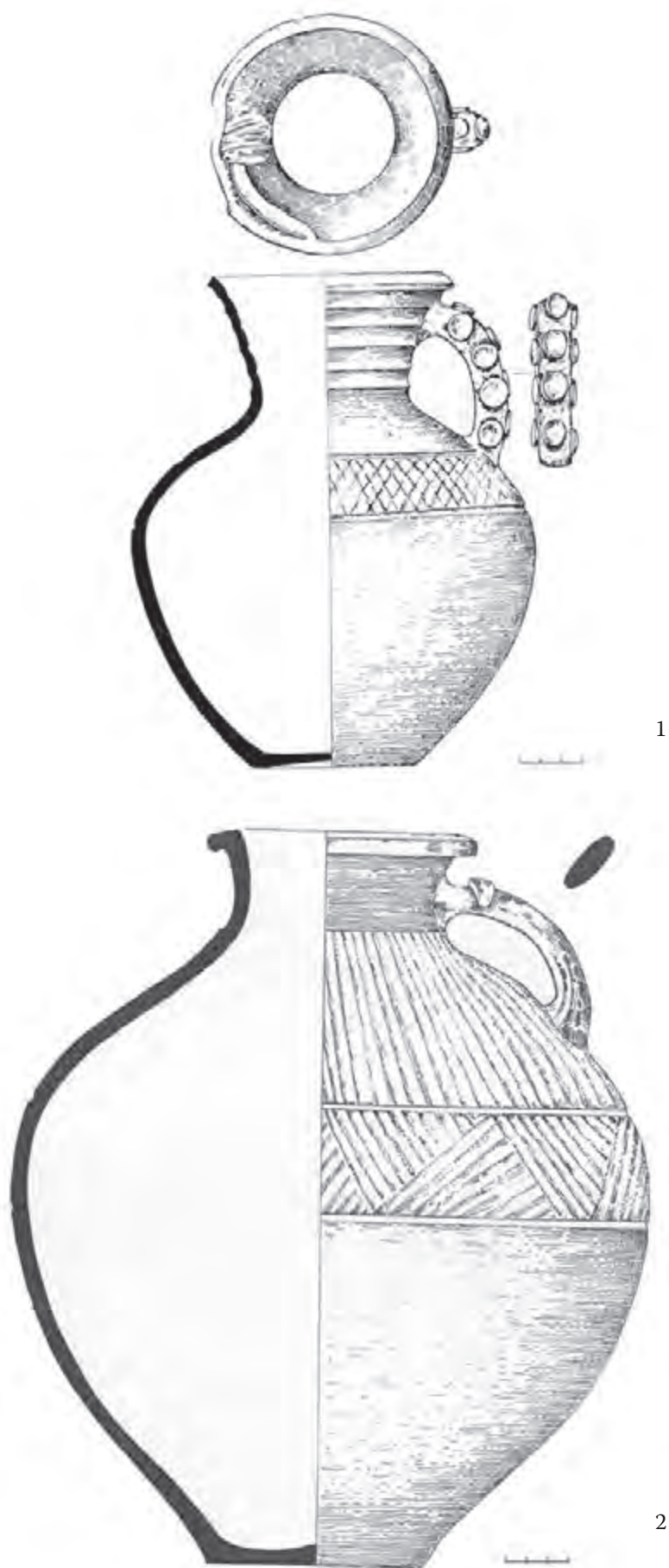

Рис. 23. Могильник Брут 1. Курган 6. Инвентарь: 1 – № 15; 2 – № 16

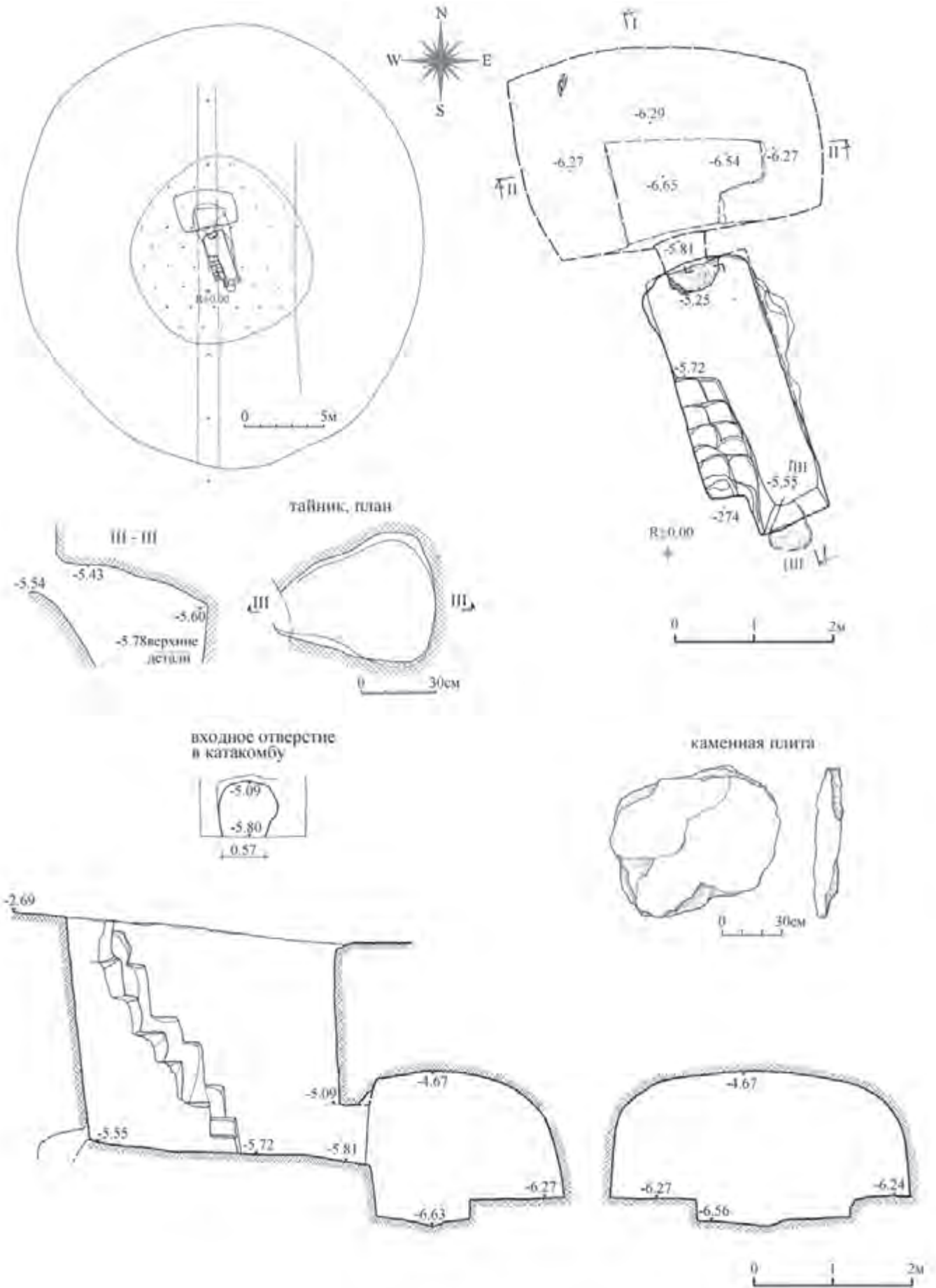

Рис. 24. Могильник Брут 1. Курган 7. Планы и разрезы

Рис. 25. Могильник Брут 1. Курган 7. Скопление предметов погребального инвентаря

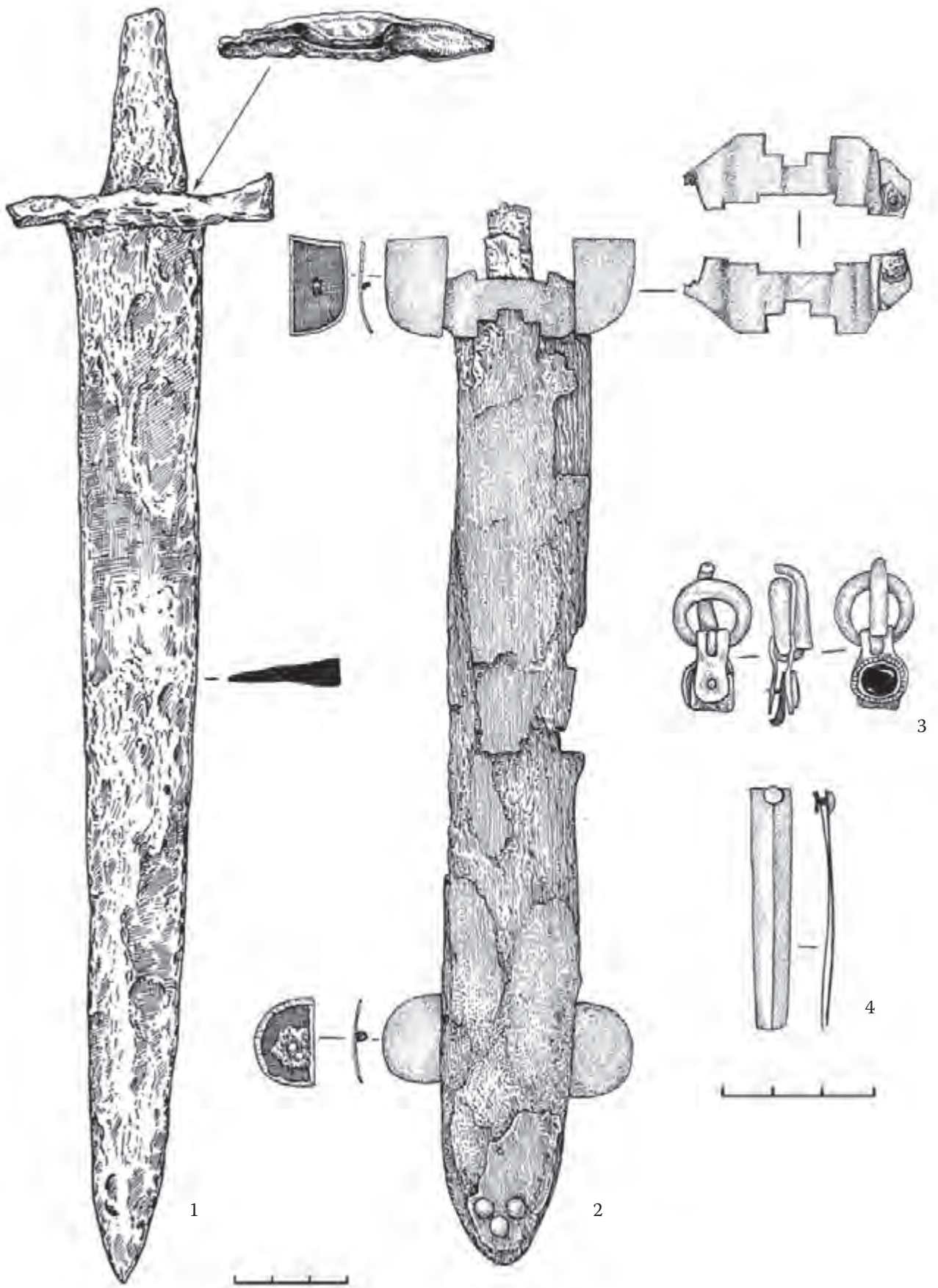

Рис. 26. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1, 2 – № 27; 3 – № 13; 4 – № 14

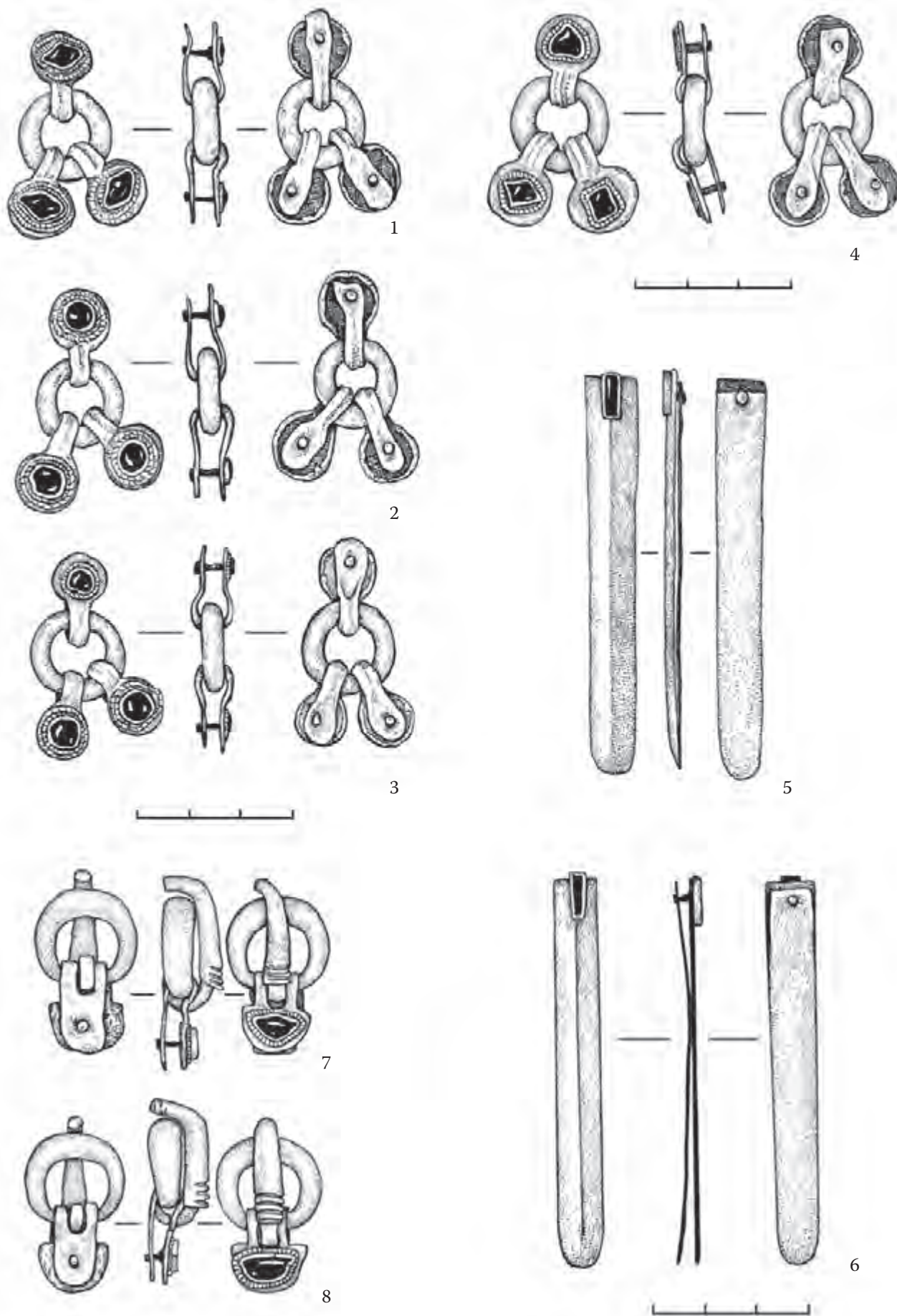

Рис. 27. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1-4 – № 10; 5, 6 – № 12; 7, 8 – № 11

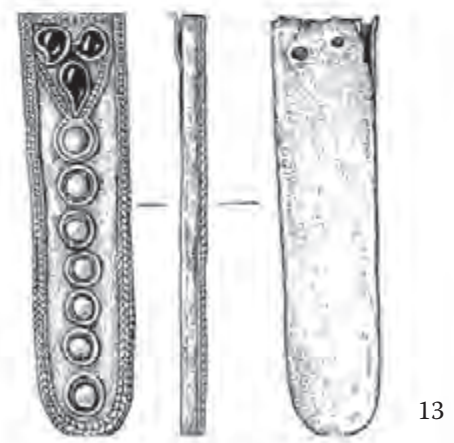
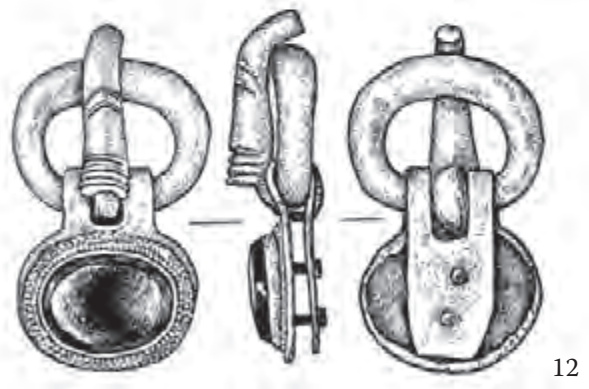
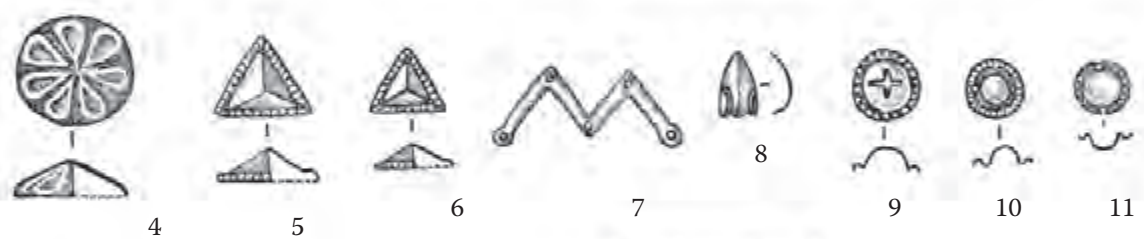
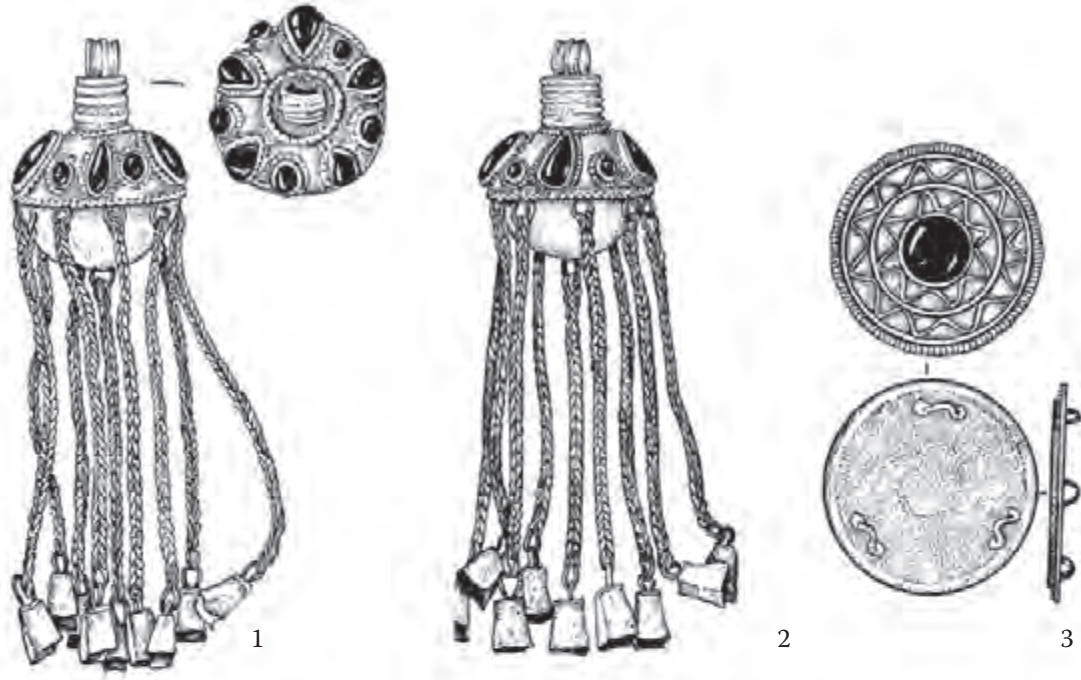

Рис. 28. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1, 2 – № 1; 3 – № 5; 4 – № 26; 5, 6 – № 3; 7 – № 2; 8 – № 25; 9 – № 46; 10, 11 – № 4а; 12 – № 6; 13 – № 7; 14 – № 9

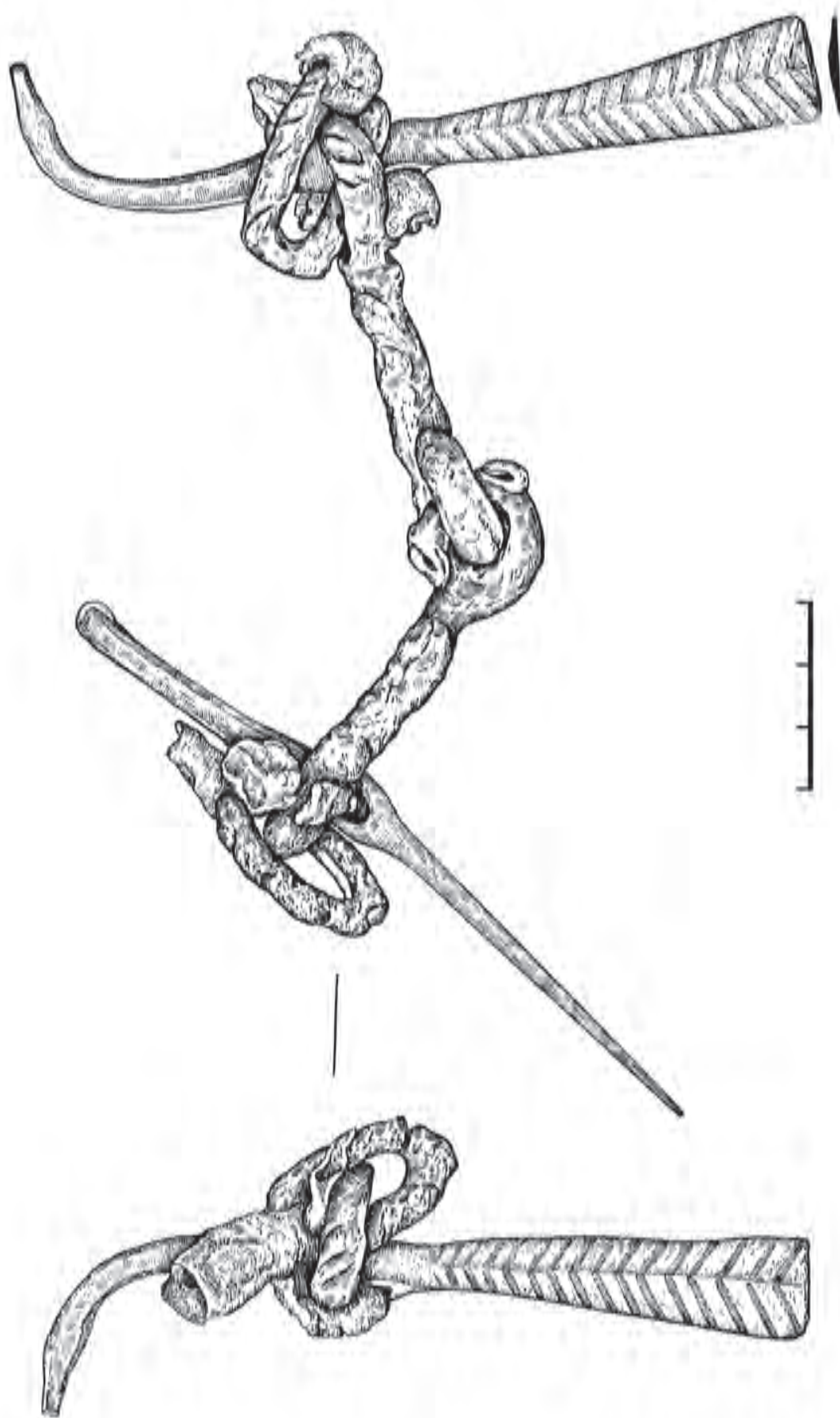

Рис. 29а. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: удила и псаали – № 15

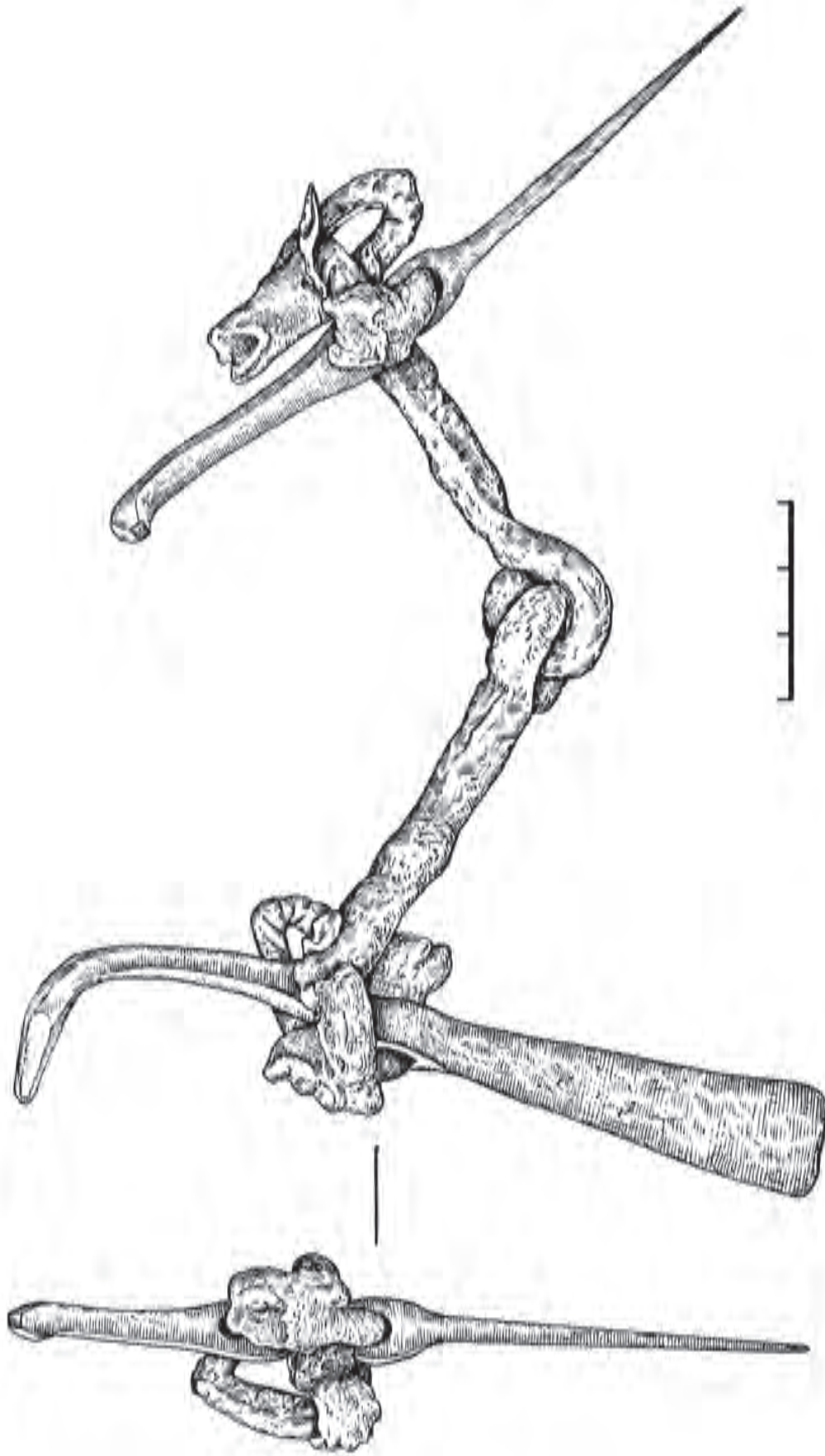

Рис. 296. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: удила и псаали – № 15

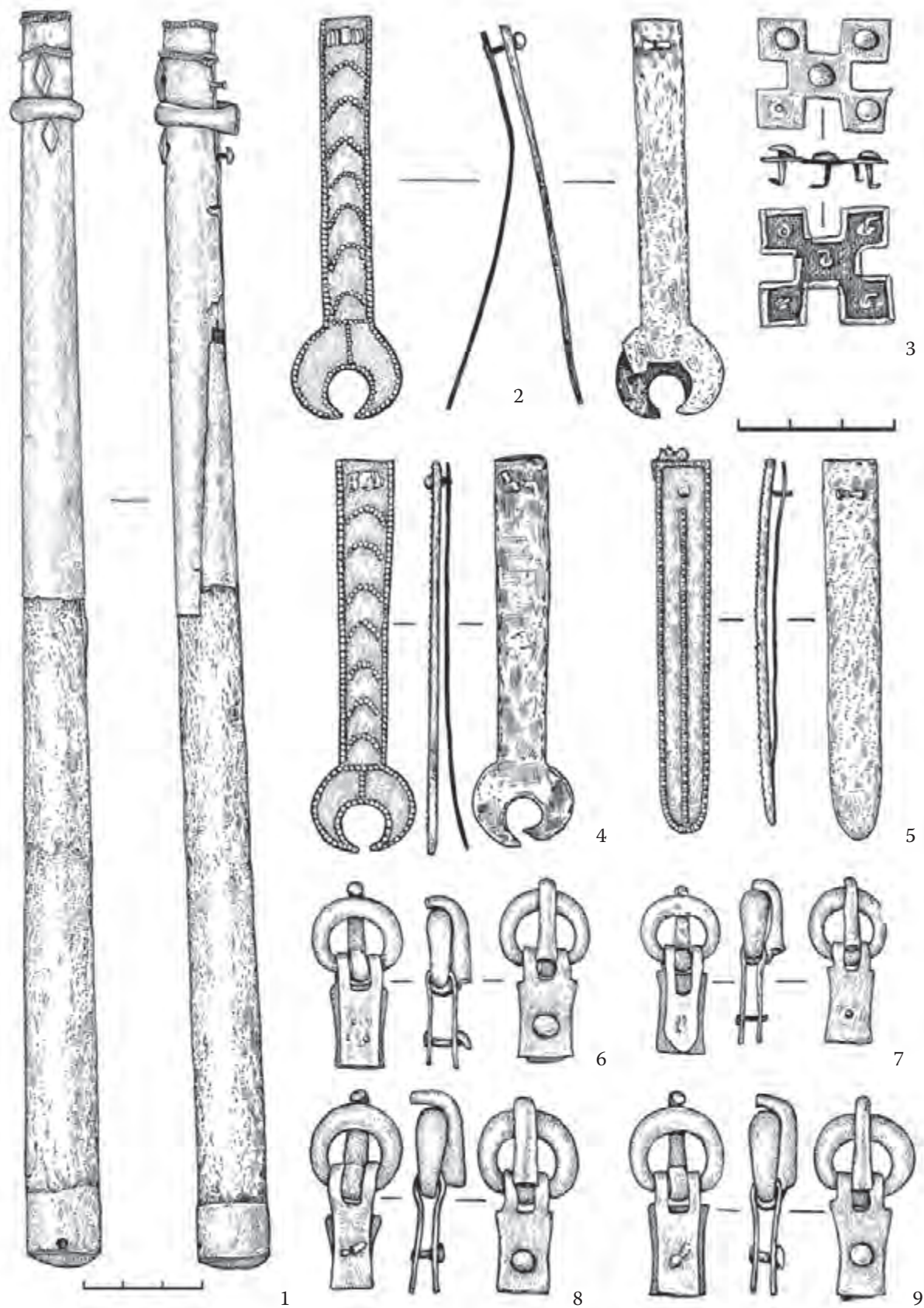

Рис. 30. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 8; 2, 4 – № 23; 3 – № 21; 5 – № 23; 6 – № 19; 7 – № 20; 8, 9 – № 17-18

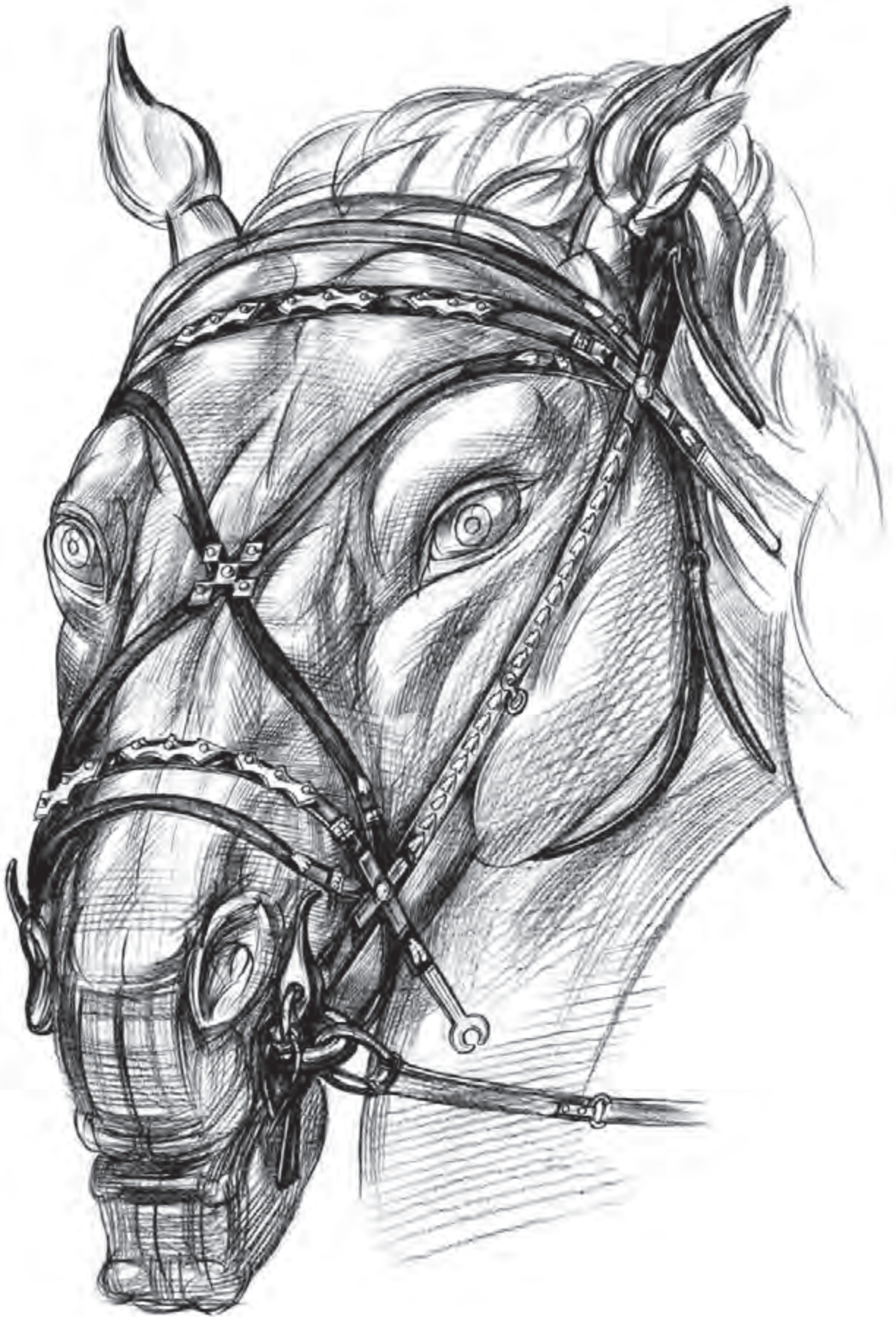

Рис. 30а. Могильник Брут 1. Курган 7. Реконструкция конской уздечки

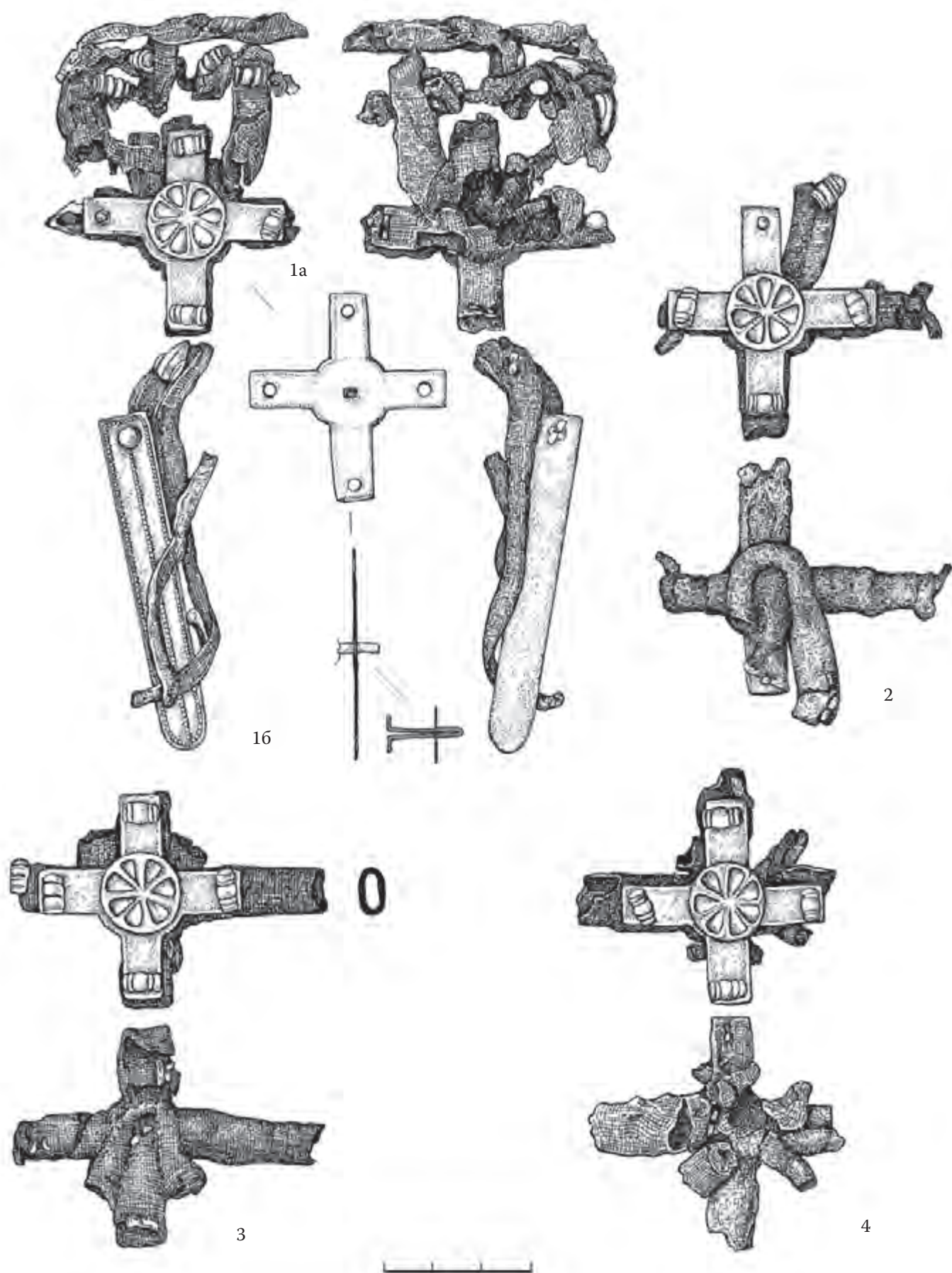

Рис. 31. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1а, 2-4 – № 22; 16 – № 23

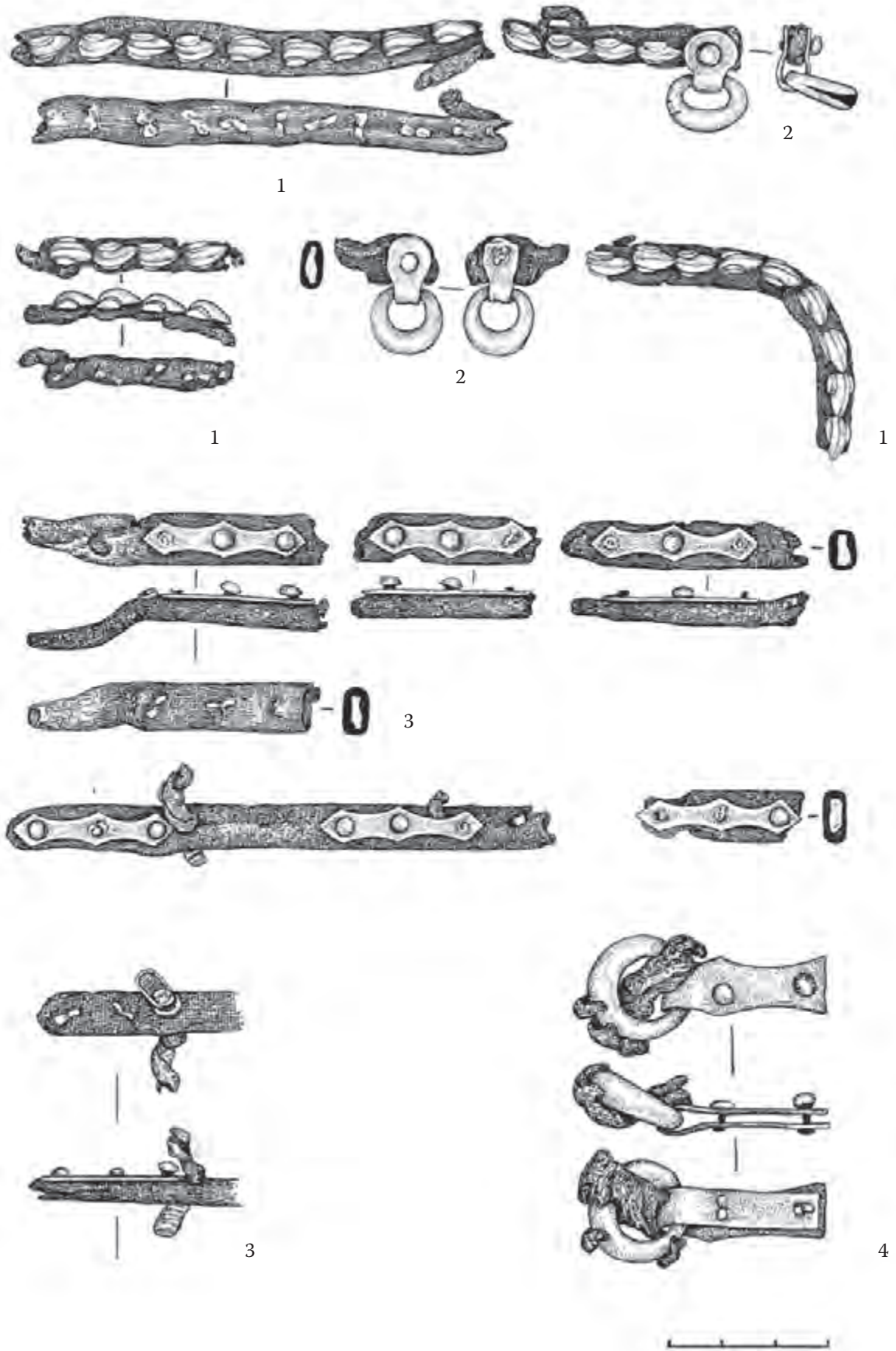

Рис. 32. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 25; 2а, 2б – № 25б; 3 – № 25а; 4 – № 16

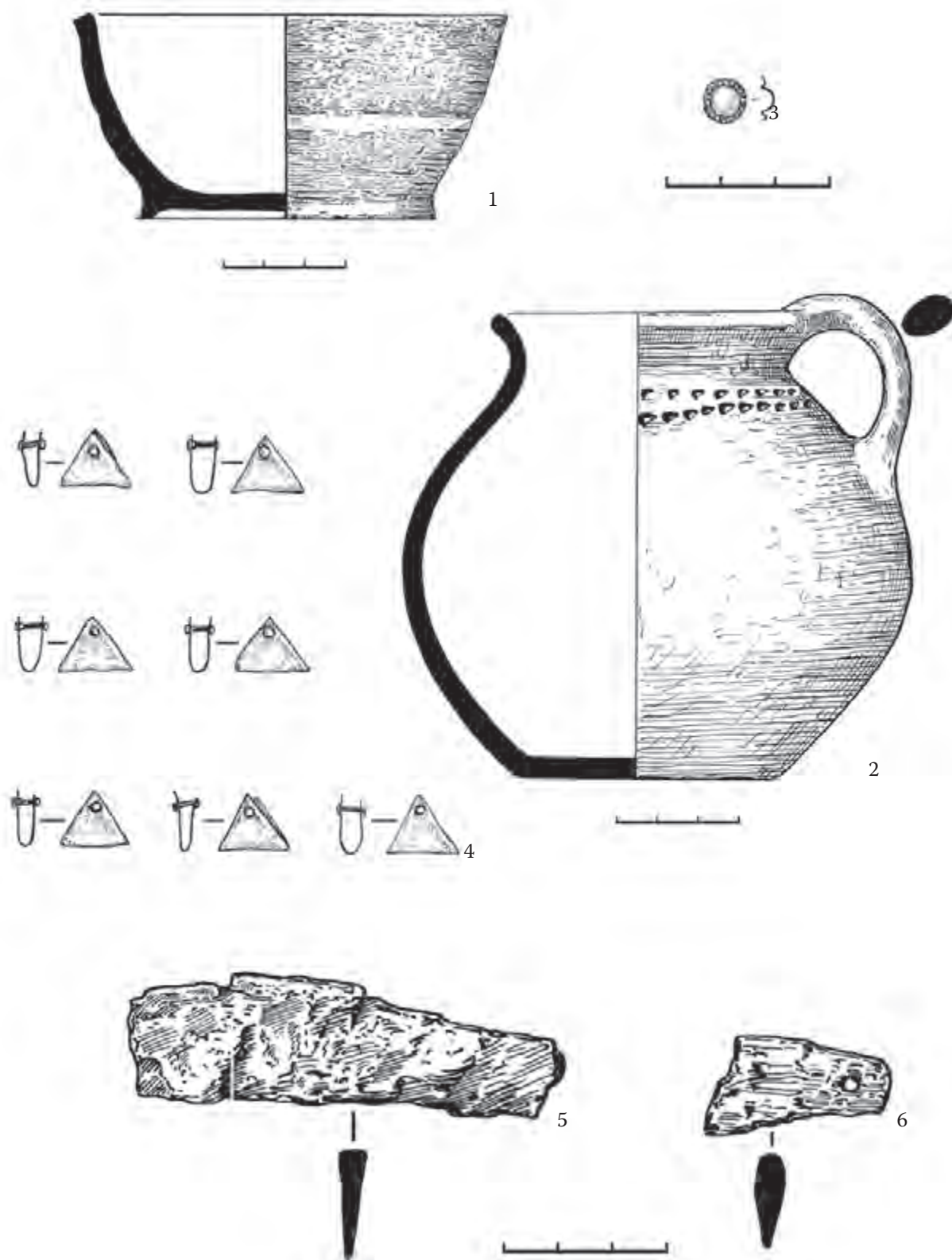

Рис. 33. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 32; 2 – № 31; 3 – № 28; 4 – № 29; 5 – № 30

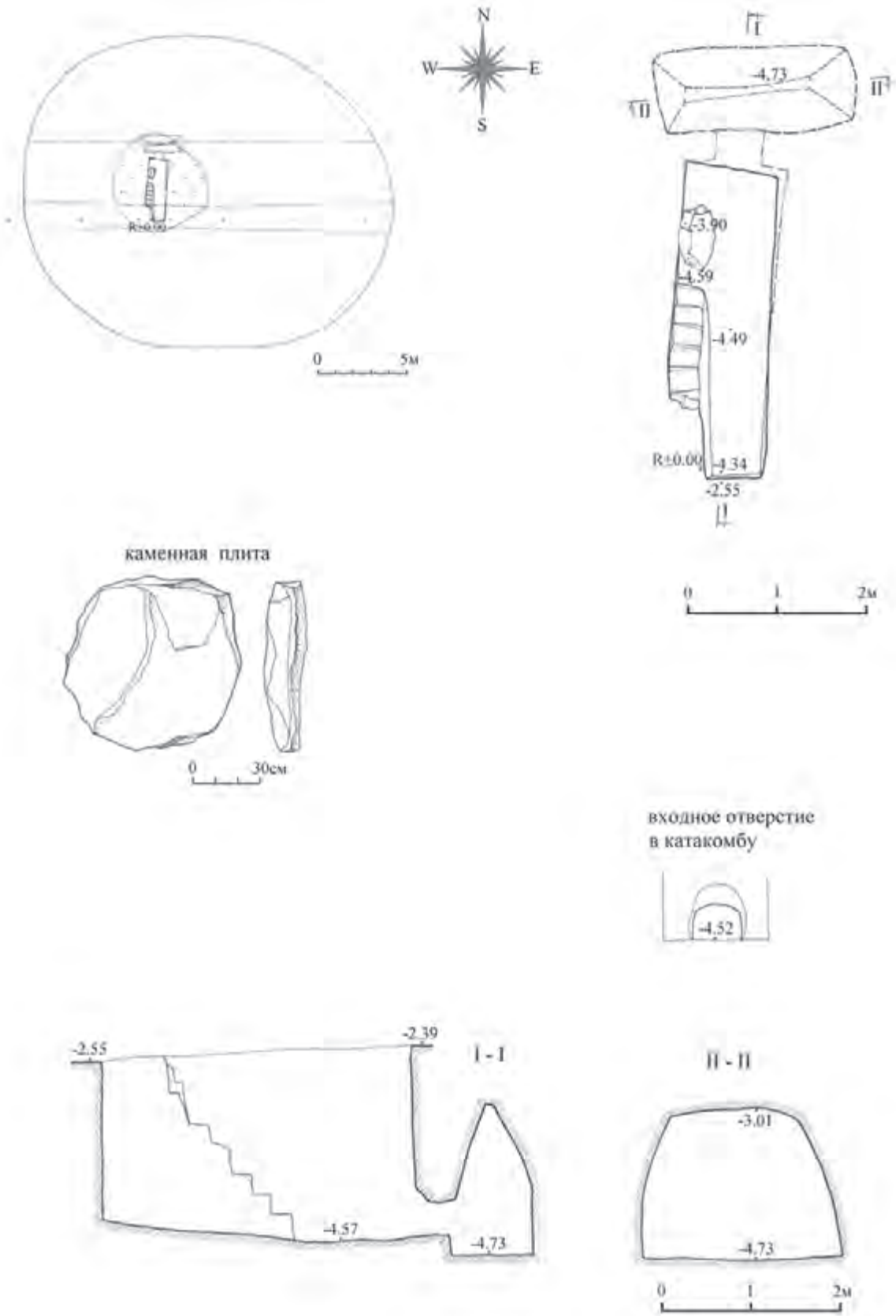

Рис. 34. Могильник Брут 1. Курган 8. Планы и разрезы

Рис. 35. Могильник Брут 1. Курган 8. Инвентарь: 1 – № 2; 2 – № 3; 3 – № 4; 4 – № 5; 5 – № 1; 6 – № 6

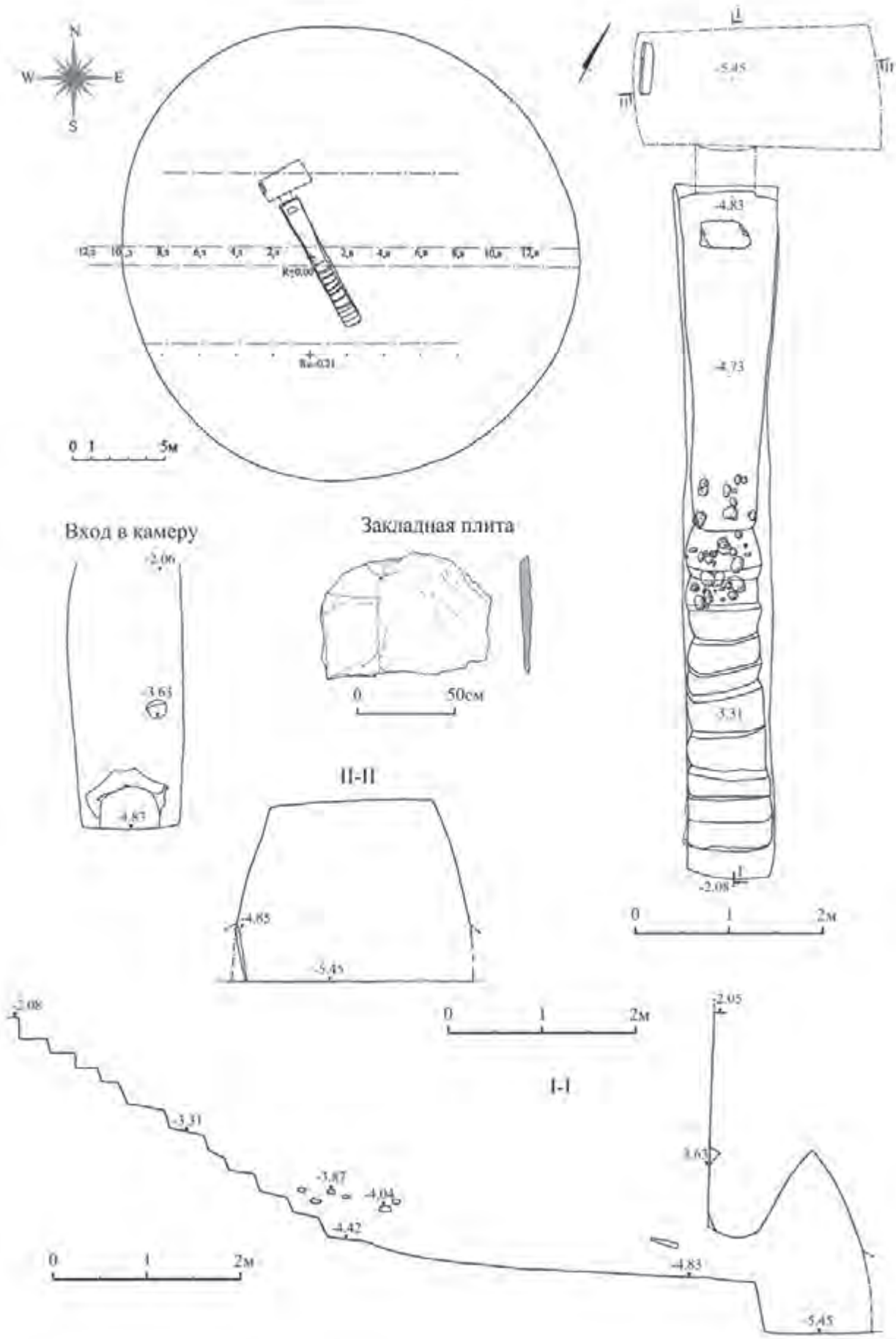

Рис. 36. Могильник Братовское. Курган 9. Планы и разрезы

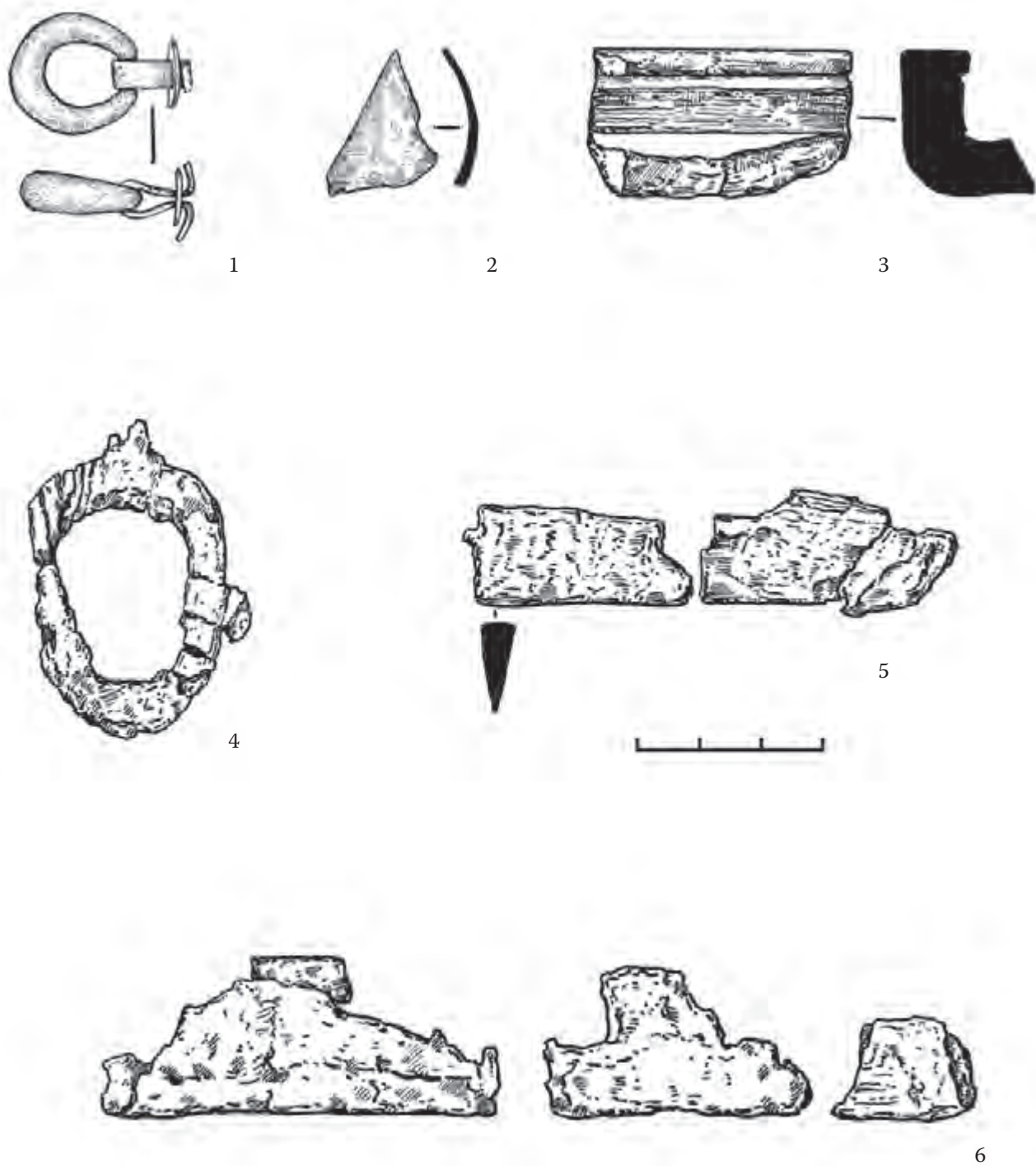

Рис. 37. Могильник Брут 1. Курган 9. Инвентарь: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5, 6 – № 5

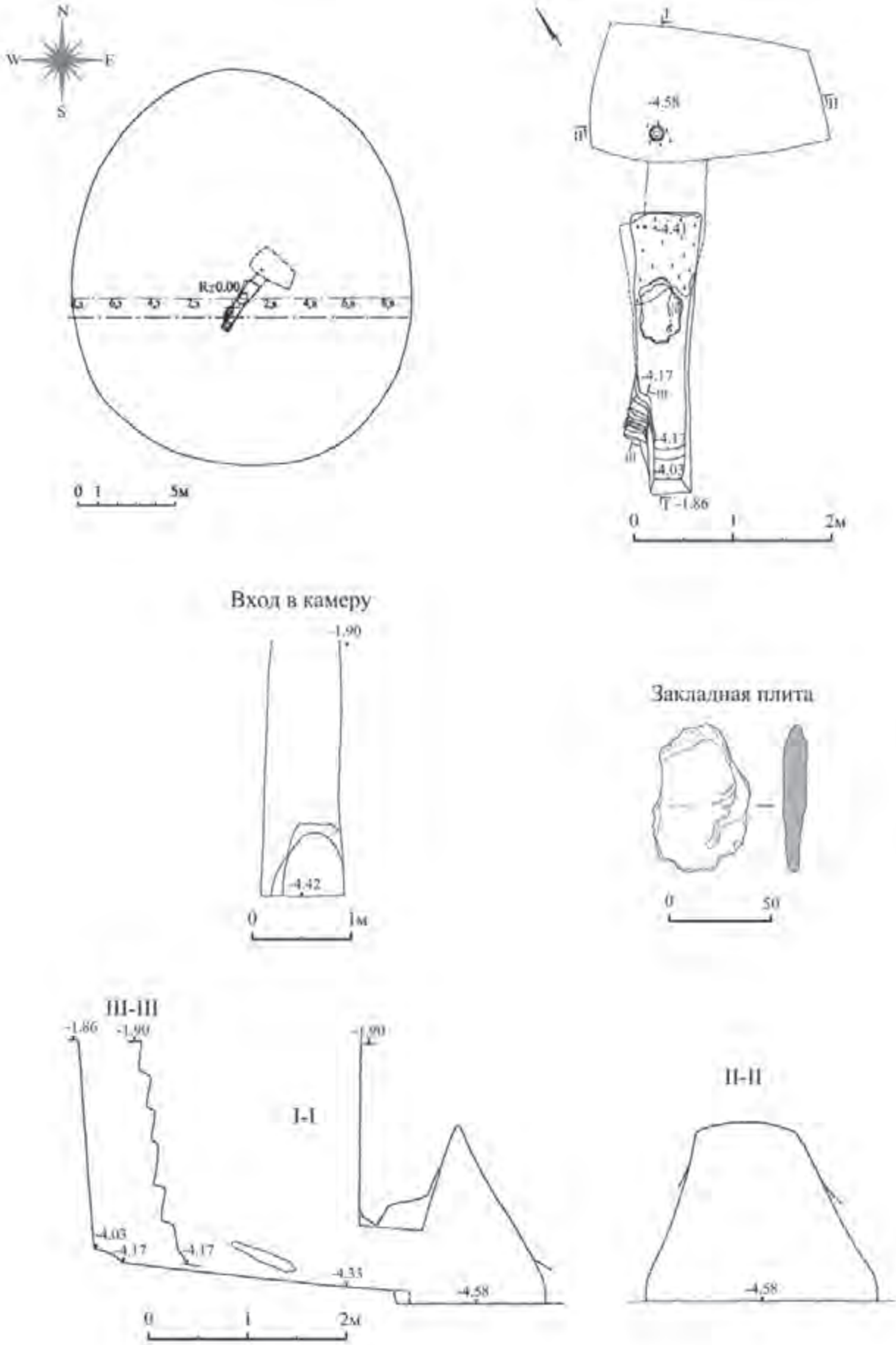

Рис. 38. Могильник Брут 1. Курган 10. Планы и разрезы

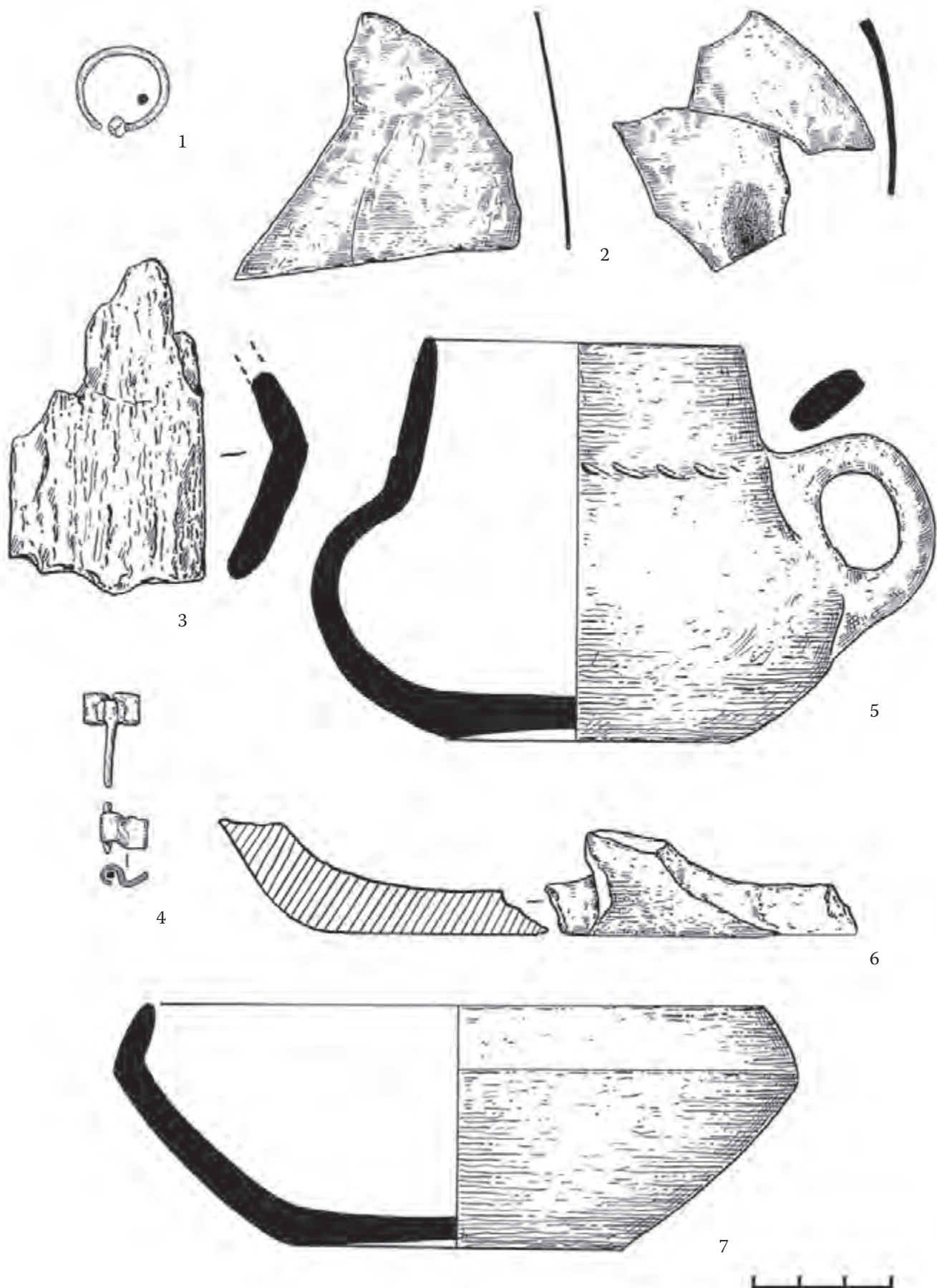

Рис. 39. Могильник Брут 1. Курган 10. Инвентарь: 1 – № 5; 2 – № 1; 3 – № 3; 4 – № 7; 5 – № 4; 6 – № 6; 7 – № 2

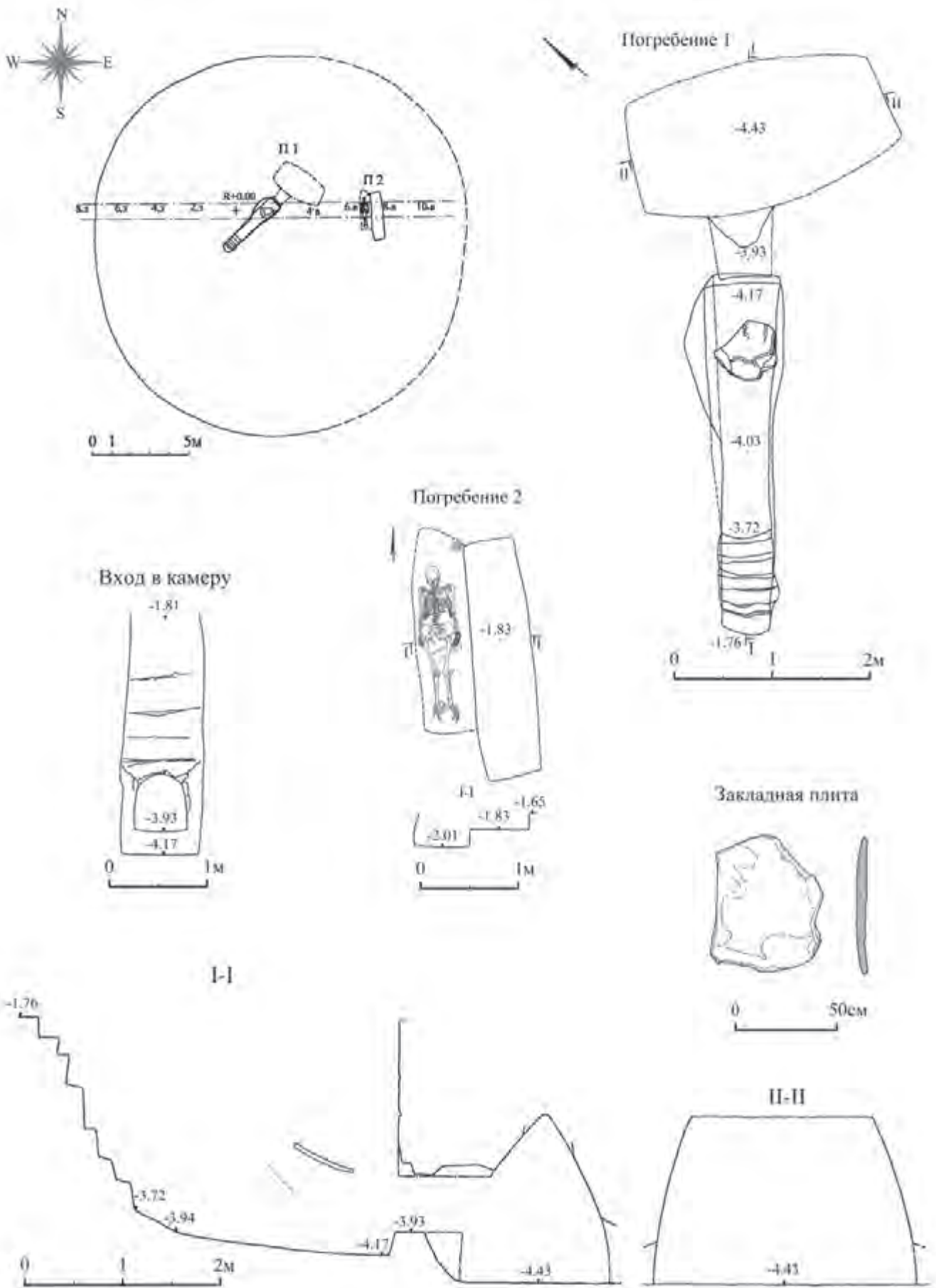

Рис. 40. Могильник Брут 1. Курган 11. Планы и раз

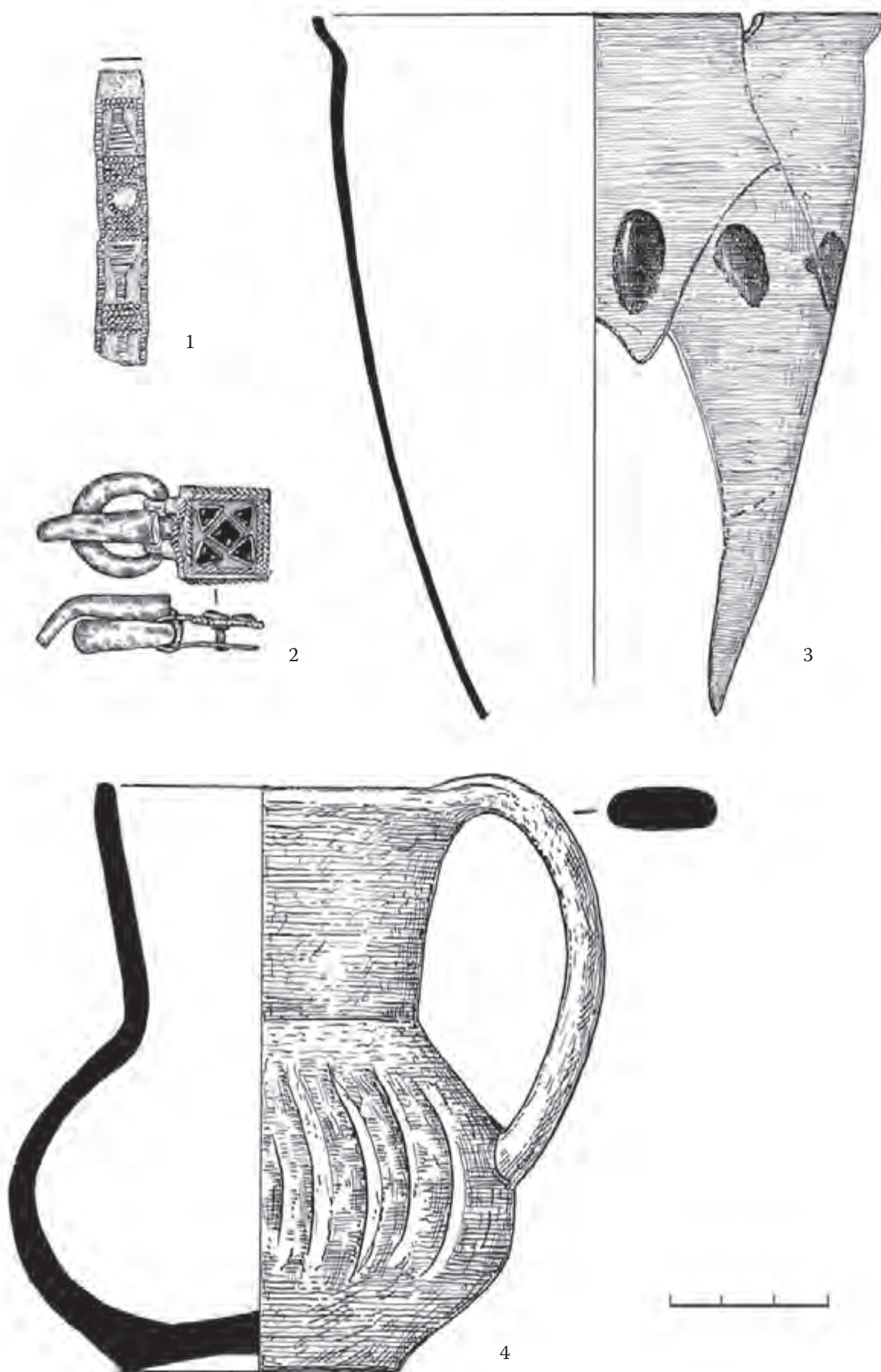

Рис. 41. Могильник Брут 1. Курган 11, погребение 1. Инвентарь: 1 – № 2; 2 – № 1; 3 – № 3. Погребение 2. Инвентарь: 4 – № 4

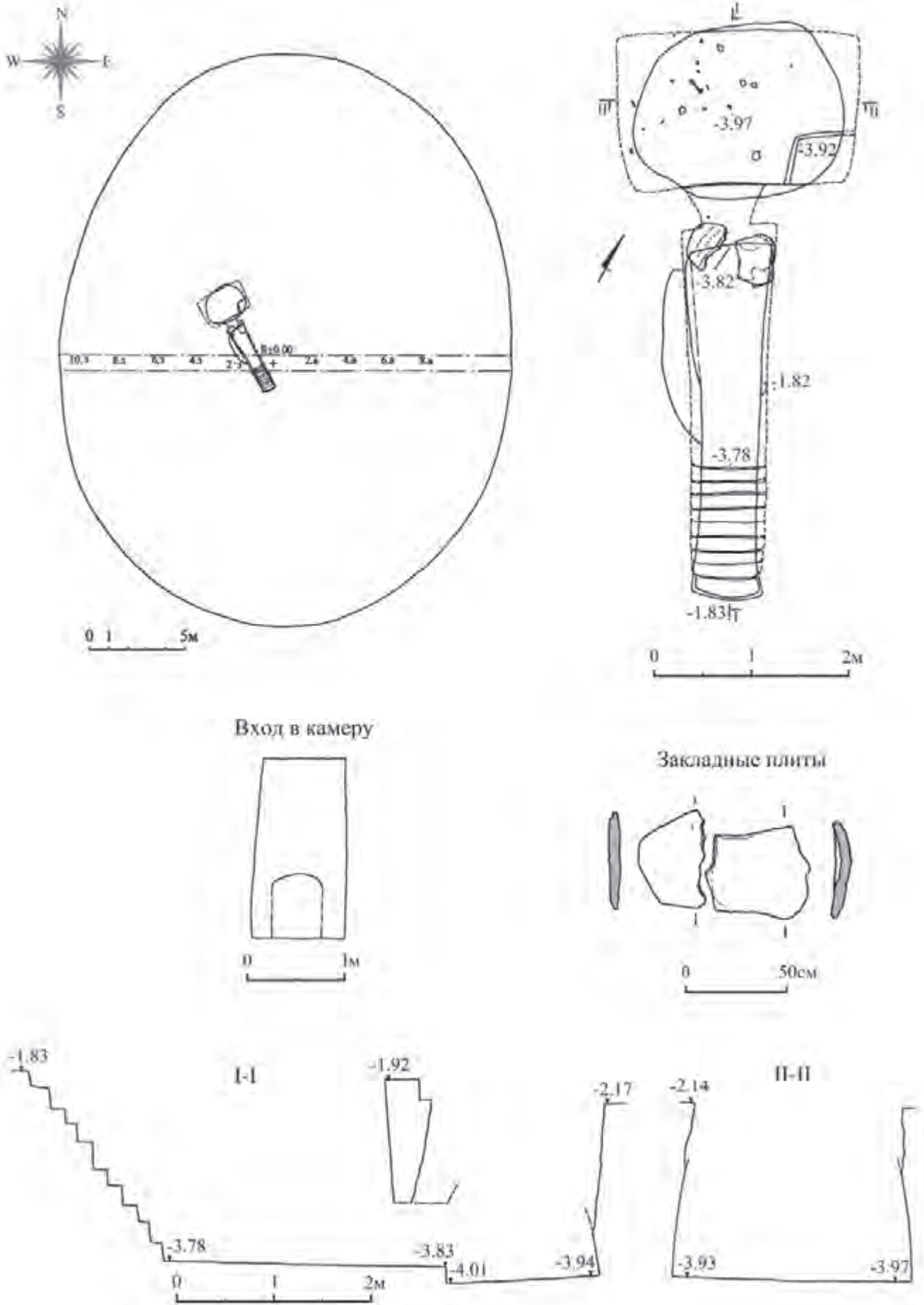
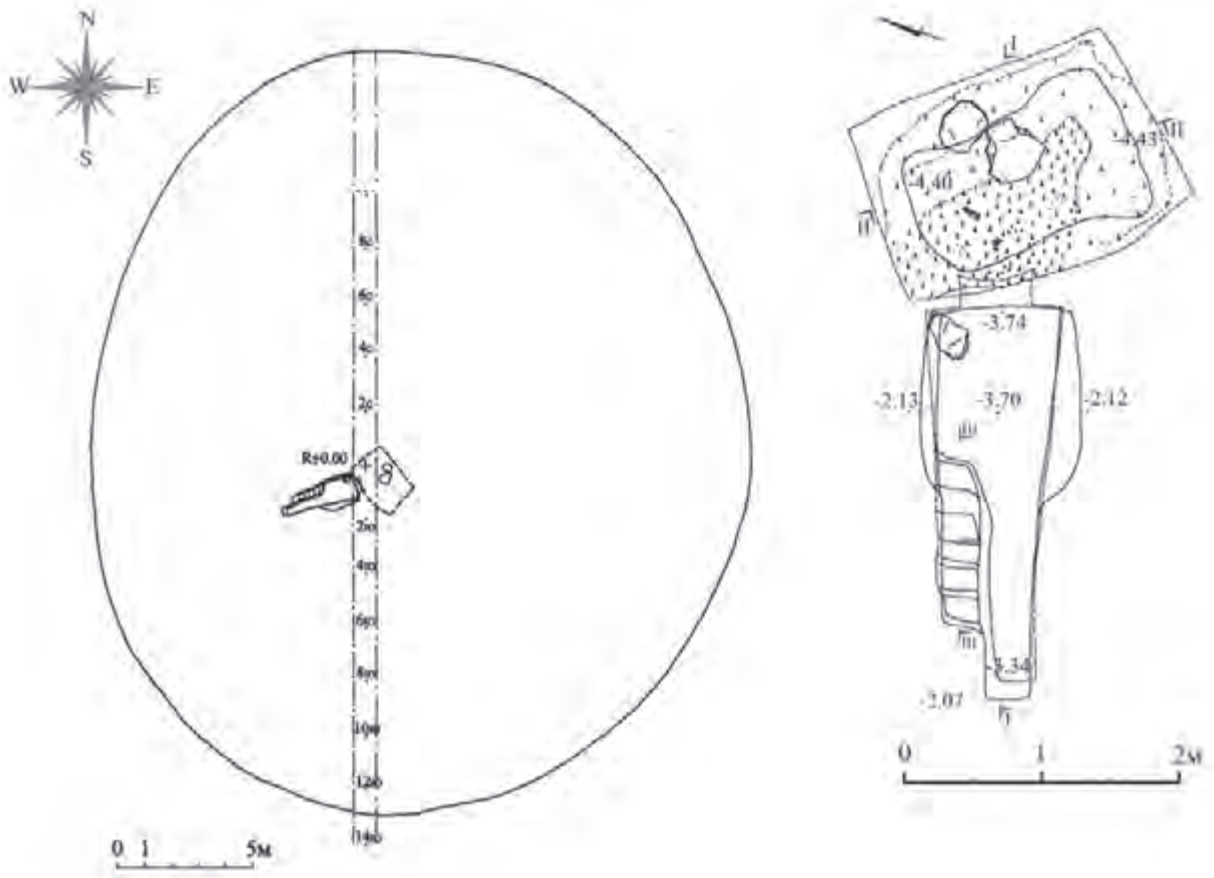

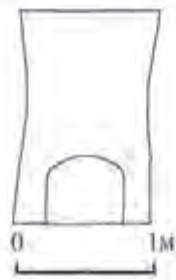
Рис. 42. Могильник Брут 1. Курган 12. Планы и разрезы

Рис. 43. Могильник Брут 1. Курган 12. Инвентарь: 1 – № 1; 2 – № 3; 3 – № 4; 4 – № 2; 5 – № 6; 6 – № 10; 7 – № 11; 8 – № 12; 9 – № 5; 10 – № 7; 11 – № 8; 12 – № 15; 13 – № 9; 14 – № 13; 15 – № 14

Вход в камеру

Закладная плита

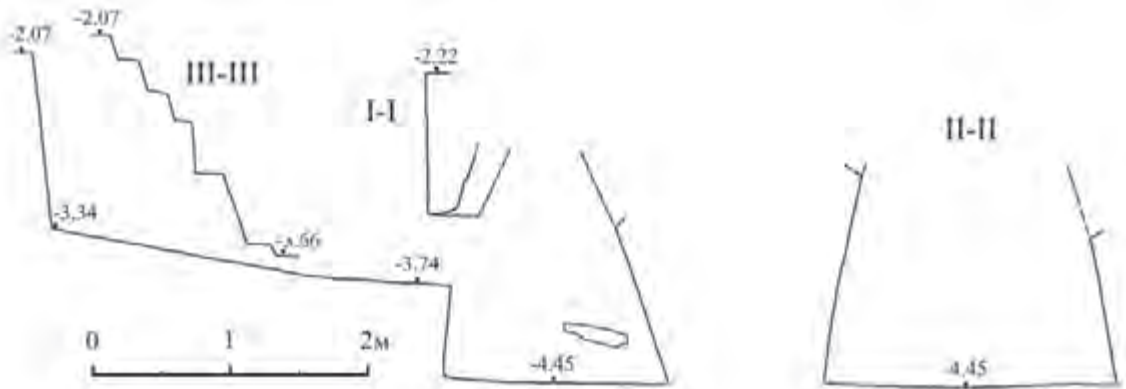

Рис. 44. Могильник Брут 1. Курган 13. Планы и разрезы

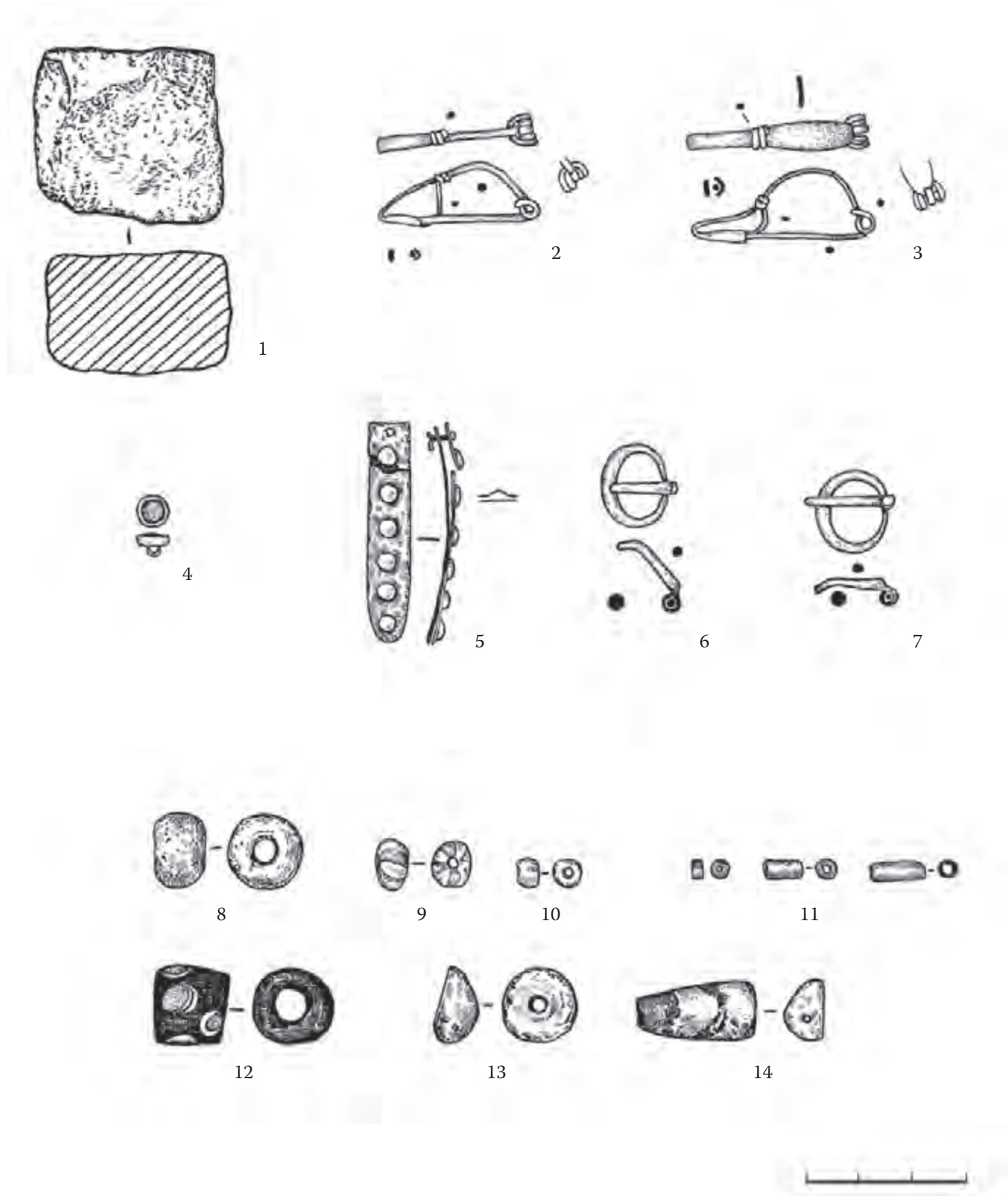
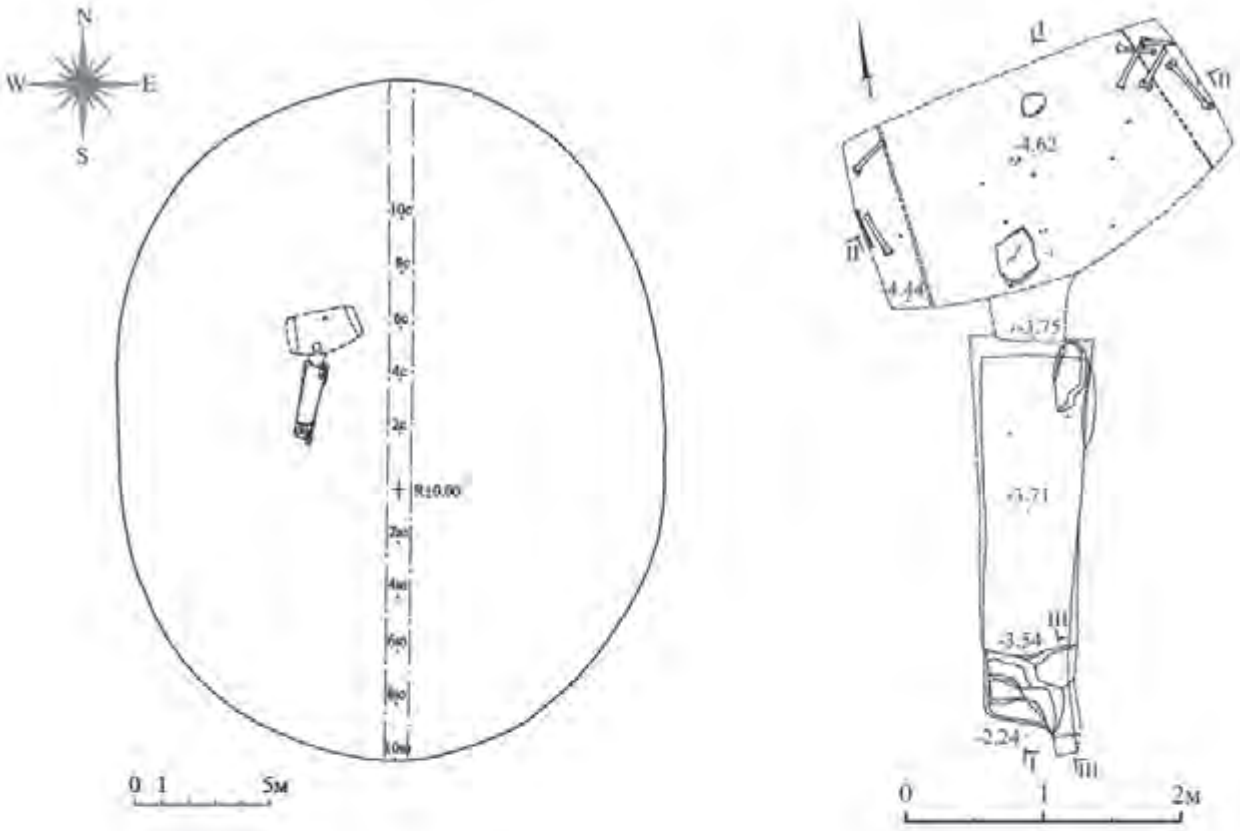
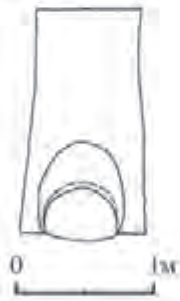

Рис. 45. Могильник Брут 1. Курган 13. Инвентарь: 1 – № 9; 2 – № 7; 3 – № 8; 4 – № 5; 5 – № 6; 6 – № 11; 7 – № 12; 8 – № 1; 9, 10, 10а – № 10; 11 – № 4; 12 – № 2; 13 – № 3

Вход в камеру

Закладная плита

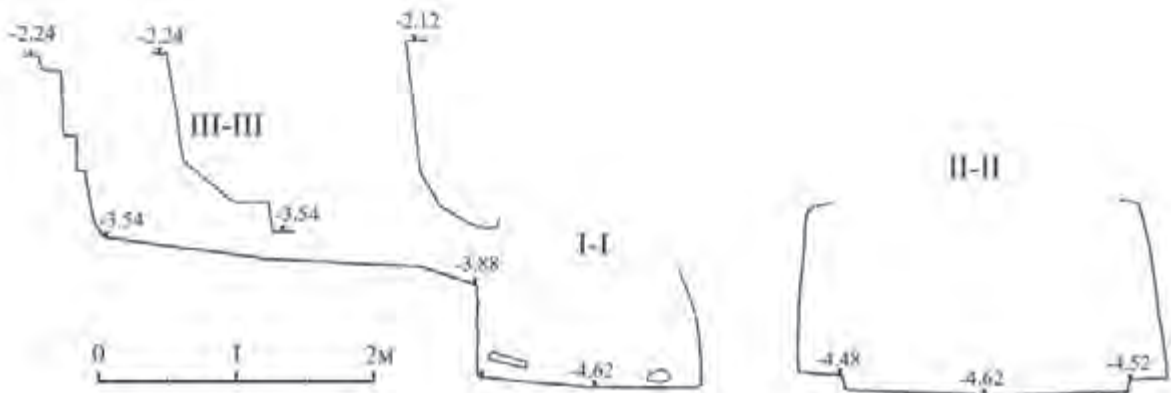
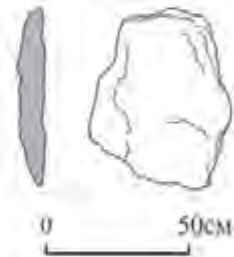

Рис. 46. Могильник Брут 1. Курган 14. Планы и разрезы

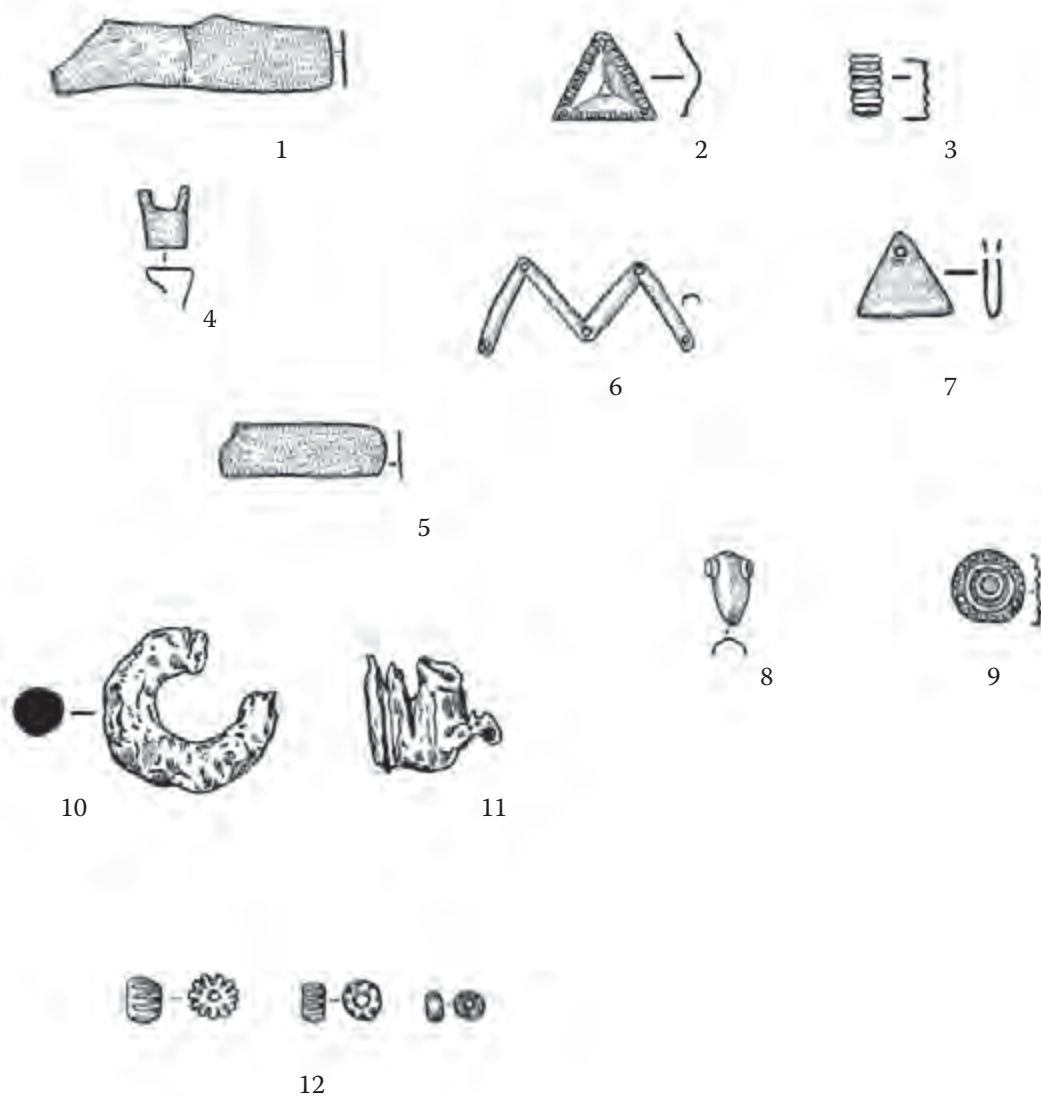

Рис. 47. Могильник Брут 1. Курган 14. Инвентарь: 1 – № 9; 2 – № 2; 3 – № 5; 4 – № 8; 5 – № 7; 6 – № 3; 7 – № 6; 8 – № 4; 9 – № 1; 10, 11 – № 10; 12 – № 11

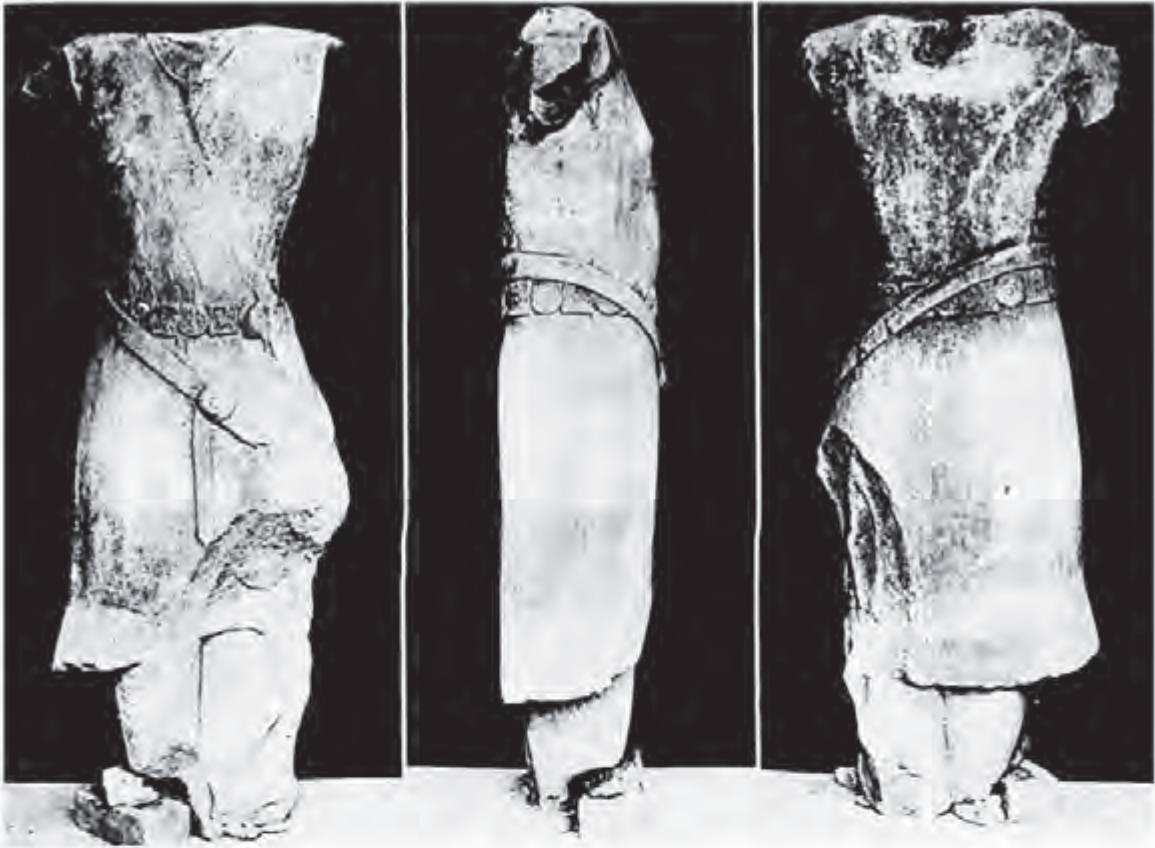

Рис. 48. Матхура (по W. Trousdale)

Рис. 49. Афрасиаб (по I.A. Arzhantseva, O.N. Inevatkina)

Рис. 50. Скульптура: 1 – Пальмира (по *Skulptures of Palmyra*); 2 – Ирак (по *The arts of Persia*); 3, 4 – Хатра (по *Ghirshman*)

1

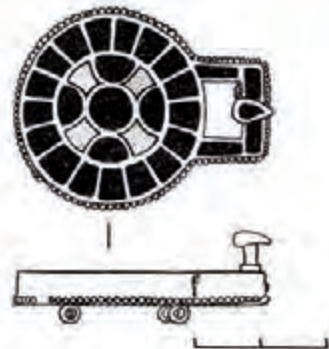
2

3

4

5

Рис. 51. 1 – Тия-тепе; 2 – Шанлыурфа (античная Эдесса); 3 – блюдо с Шапуром III; 4 – пряжка (Дальверзин-тепе); 5 – пряжка (Недвиговка)

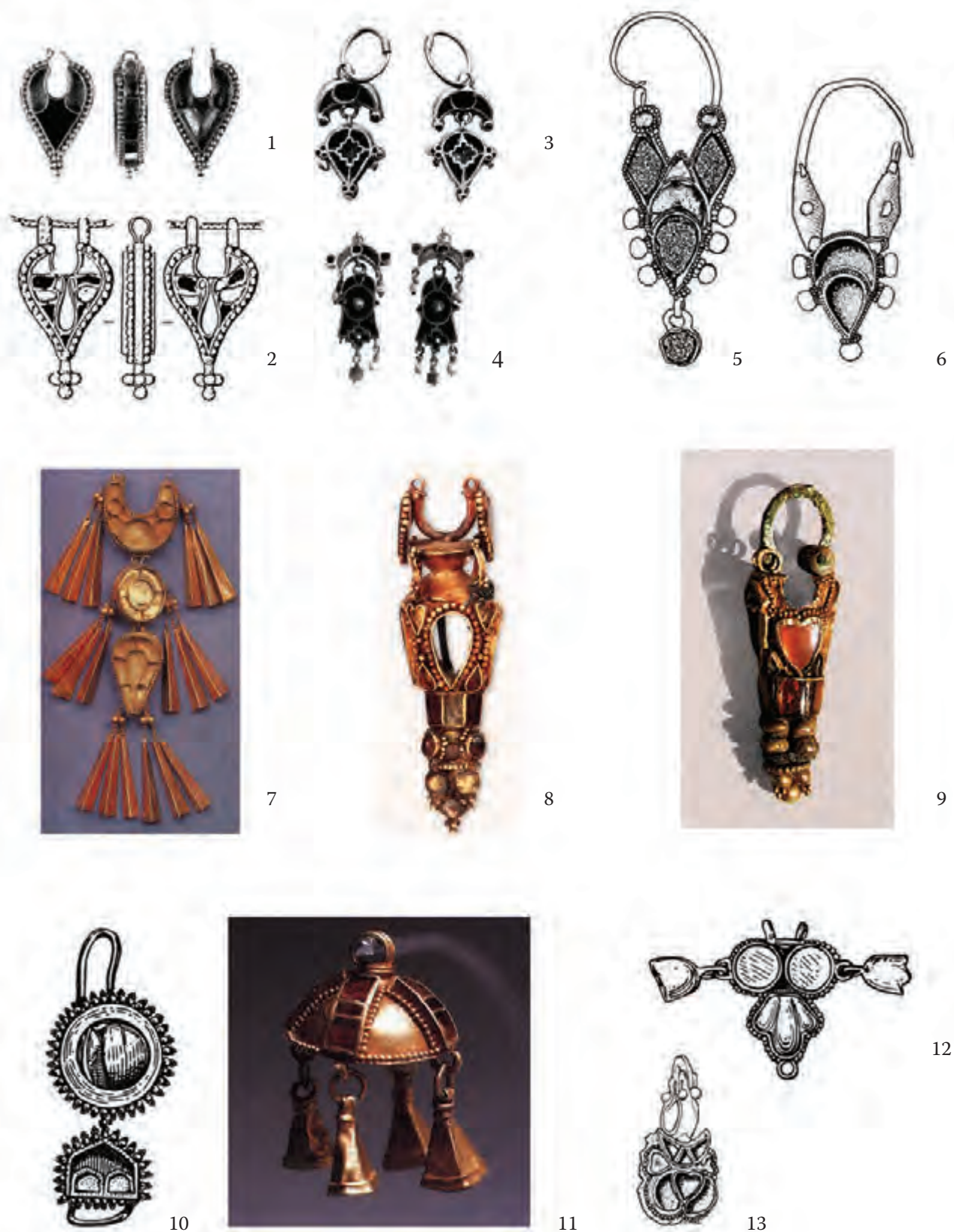

Рис. 52. Серьги: 1 – Морской Чулек; 2 – Алтынасар 4; 3 – Ольвийский клад; 5, 6 – Хатра; 7 – могильник Шамши; 8 – «погребение с Золотой маской»; 9 – могильник Шахсенем; 10 – Бабашовский могильник; 11 – могильник Миздахкан; 12 – Пенджикент; 13 – Ariadne Galleries (Нью-Йорк)

Рис. 53. Могильник Брут 1. Курган 2. Скопление предметов погребального инвентаря.

1

2

Рис. 54. Могильник Брут 1. Курган 2.
Инвентарь: 1, 2 – № 1-3

1

2

Рис. 55. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 11; 2 – № 4

1

2

3

Рис. 56. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 5, 6; 2 – № 9, 10; 3 – № 19

Рис. 57. Могильник Брут 1. Курган 2. Элементы конской уздечки – № 14-18, 21

Рис. 58. Могильник Брут 1. Курган 2. Инвентарь: 1 – № 3; 2 – № 2; 3 – 12; 4 – № 7; 5 – № 22; 6 – № 13.

Рис. 59. Могильник Брут 1. Курган 7. Скопление предметов погребального инвентаря.

Рис. 60. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 2; 2 – № 1; 3 – № 5

Рис. 61. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 8; 2 – № 9; 3 – № 27

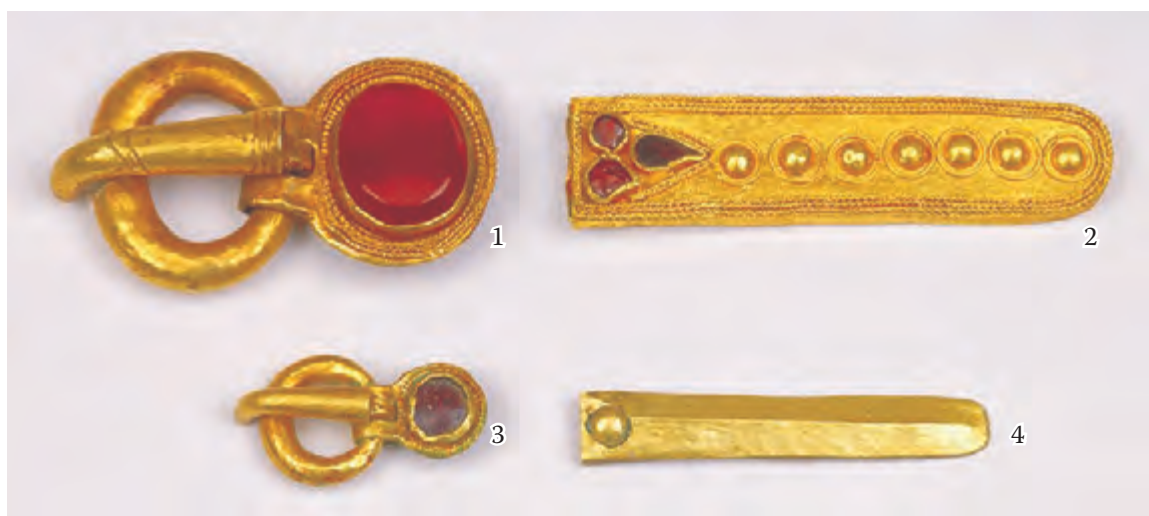

Рис. 62. Могильник Брут 1. Курган 7. Инвентарь: 1 – № 6; 2 – № 7; 3 – № 13; 4 – № 14; 5 – № 2, 3, 4а, 4б; 5 – № 2, 3, 4а, 4б; 6 – № 11; 7 – № 10; 8 – № 12

Рис. 63. Могильник Брут 1. Курган 7. Элементы конской уздечки

Рис. 64. Могильник Брут 1. Курган 13. Инвентарь: 1 – № 8; 2 – № 7; 3 – № 11, 12; 8 – № 5; 9 – № 6. Курган 9. Инвентарь: 4 – № 1. Курган 10. Инвентарь: 10 – № 5. Курган 13. Инвентарь: 5 – № 1; 6 – № 3; 7 – № 2

Рис. 65. Могильник Брут 1. Курган 6. Инвентарь: 1 – № 15. Курган 7. Инвентарь: 2 – № 31. Курган 3. Инвентарь: 3 – № 2. Курган 5. Инвентарь: 4 – № 7. Курган 8. Инвентарь: 5 – № 6

Рис. 66. Могильник Брут 1. Курган 12. Инвентарь: 1 – № 4; 2 – № 10; 3 – № 13; 4 – № 1; 5 – № 3; 6 – № 2

Рис. 67. Карта республики Северная Осетия-Алания